

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СКОБЕЛЕВЪ ВЪ ТУРКЕСТАНЪ.

(1869—1877 г.)

ВОЙНА съ нѣмцами живѣе, чѣмъ когда-нибудь воскрешаетъ воспоминанія о М. Д. Скобелевѣ. Хотя въ эпоху его военной славы врагомъ Россіи была Англія, Германія же стояла въ ряду ея союзниковъ, тѣмъ не менѣе Скобелевъ уже тогда предвидѣлъ, что намъ рано или поздно придется сразиться съ ближайшимъ сосѣдомъ, и, какъ извѣстно, симпатій къ нему не питалъ; это особенно ярко выразилось въ его знаменитой рѣчи, обращенной къ студентамъ-славянамъ въ Парижѣ. Нѣмцы, ознакомившись изъ нея съ мыслями и чувствами Скобелева, видя его возрастающій талантъ и учитывая его популярность, зорко за нимъ слѣдили. Когда же ранняя Смерть его похитила, въ Берлинѣ такъ оцѣнили это событіе: «смерть Скобелева равняется потери Россіей стотысячной арміи». Слова эти приписывались Бисмарку, и надо думать, что великій нѣмецкій патріотъ не сокрушался о нашей національной утратѣ. Какъ велико было у насъ значеніе Скобелева, успѣвшаго стать народнымъ кумиромъ послѣ Балканской войны, можно судить по тому ошеломляющему впечатлѣнію, которое произвело по всей Россіи извѣстіе о его внезапной кончинѣ. Мысленно переносясь въ день 25 іюня 1882 г., мы помнимъ, что даже здѣсь, въ суетливой столицѣ, все вдругъ притихло, замерло, отодвинулись на задній планъ всѣ остальные интересы и въ теченіе нѣсколькихъ дней сосредоточивались исключительно на этомъ событіи, причемъ сразу пошелъ слухъ, что смерть Скобелева неестественная и что онъ былъ отравленъ.

Это была чисто народная молва: не было простого человѣка—извозчика, почтальона, посыльнаго, разносчика, который при одномъ упоминаніи о смерти Скобелева неизмѣнно не повторялъ бы стереотипной фразы: «умеръ сейчасъ послѣ обѣда», и на вопросъ, что это значить, таинственно поясняя: «отравили, конечно, развѣ мало было у него враговъ и завистниковъ». Замѣчательно, что и въ интеллигентныхъ кругахъ держалось такое же мнѣніе. Здѣсь оно выражалось даже болѣе опредѣленно: назывались лица, которыя могли участвовать въ этомъ преступленіи, направленномъ будто бы Бисмаркомъ... Этимъ же сообщникамъ Бисмарка приписывалась пропалка плана войны съ нѣмцами, разработаннаго Скобелевымъ и выкраденнаго тотчасъ послѣ смерти М. Д. изъ его имѣнія.

Какъ бы то ни было, но народный голосъ оправдывался въ томъ по крайней мѣрѣ смыслѣ, что враговъ у Скобелева было дѣйствительно много. Между ними были люди, сильные своими связями и вліяніемъ въ тогдашнемъ столичномъ обществѣ. Злословіе и интриги широко тамъ распространялись и едва не преградили Скобелеву путь къ славѣ. Талантъ его все преодолѣлъ и разбилъ, но самъ Михаилъ Дмитріевичъ не былъ равнодушенъ къ клеветамъ, коловшимъ его самолюбіе; онъ сильно волновался ими, что, вѣроятно, вліяло и на его здоровье, подрывая его раньше времени. Не всѣ враги Скобелева могутъ быть названы даже теперь, но ихъ имена ничтожны, имя же Скобелева вѣчно, и намъ кажется не лишнимъ приподнять хотя бы отчасти завѣсу тѣхъ скрытыхъ, закулисныхъ дѣйствій—мелкихъ и обычныхъ въ житейскихъ смыслѣ, но съ которыми, тѣмъ не менѣе, приходилось считаться его крупной личности.

Непріязнь къ Скобелеву зарождалась издавна, и многое можетъ быть объяснено, если мы прослѣдимъ жизнь Михаила Дмитріевича съ начала его боевой карьеры. Она началась въ Средней Азіи, гдѣ Скобелевъ, съ нѣкоторыми перерывами, провелъ 8 лѣтъ, прибывъ ротмистромъ въ 1869 г. и покинувъ край въ началѣ 1877 г. генераломъ, украшеннымъ Георгіемъ двухъ степеней.

Именно здѣсь складывались тѣ условія и отношенія, которыя впослѣдствіи, создавая Скобелеву въ извѣстныхъ сферахъ немногихъ друзей, плодили его недруговъ. Объ этой эпохѣ мы и будемъ говорить съ полной объективностью, основываясь на свѣдѣніяхъ ближайшихъ свидѣтелей нѣкоторыхъ эпизодовъ и на нашихъ собственныхъ впечатлѣніяхъ и воспоминаніяхъ.

I.

Какъ нѣкогда Кавказъ служилъ мѣстомъ, куда стремились болѣе смѣлые и отважные люди, искавшіе не только «счастья и чиновъ», но и увлекаемые жаждой военныхъ опасностей и подви-

говъ, такъ, съ умиротвореніемъ этой окраины, ее замѣнила Средняя Азія, гдѣ Россія шла съ боемъ по пути, намѣченному ей самой исторіей. Сюда же высылались и слишкомъ горячія головы для охлажденія ихъ пыла въ трудныхъ походахъ; попадали также, не всегда добровольно, молодые люди за разныя провинности, большею частью любовнаго характера; почти исключительно это были столичные жители—гвардейскіе офицеры, знакомые между собой. Вотъ здѣсь-то судьба соединила двухъ пріятелей: Скобелева, добровольно пріѣхавшаго, и высланнаго по просьбѣ матери молодого Герстенцвейга, слишкомъ увлеченнаго французской актрисой, на которой онъ собрался жениться. Герштенцвейгъ пріѣхалъ въ край раньше Скобелева, и, несмотря на то, что мѣстные военные относились вообще не очень дружелюбно къ пріѣзжимъ, видя въ нихъ только карьеристовъ, Герштенцвейгъ, живя въ Самаркандѣ, успѣлъ привлечь къ себѣ всеобщую симпатію своимъ добродушіемъ, удалью и искренними товарищескими отношеніями. Его не только любили, но и жалѣли, такъ какъ онъ, продолжая помнить свою французенку, горе разлуки съ ней заглашалъ въ винѣ...

Скобелевъ жилъ въ уѣздномъ городѣ Чиназѣ, гдѣ онъ командовалъ сотней уральцевъ. Отношенія къ нему были другія: молодой ротмистръ, блестящій офицеръ генеральнаго штаба, съ большими связями въ Петербургѣ, съ независимымъ состояніемъ мало подходилъ къ средѣ храбрыхъ, но и простыхъ мѣстныхъ военныхъ, съ которыми онъ, кажется, и не искалъ дружбы. Однако и въ кругу товарищей, прибывшихъ съ нимъ изъ столицы, искреннихъ друзей онъ тоже не считывалъ: его преимущества слишкомъ бросались въ глаза, и на почвѣ боевого и служебнаго соревнованія дѣло не обходилось безъ зависти; но съ Герштенцвейгомъ онъ былъ искреннимъ пріателемъ.

Героическая поэма средне-азиатскихъ походовъ въ то время (1869—1870 гг.) еще только развертывалась. Хотя было уже образовано генераль-губернаторство, покорена часть Бухары и взята Кауфманомъ Самаркандъ—вторая Мекка мусульманства,—но Азія далеко еще не покончила съ надеждой вернуть себѣ завоеванныя нами земли, и въ Самаркандской области шли непрерывныя волненія, вызывавшія съ нашей стороны карательныя экспедиціи. Къ покоренію Самарканда Скобелевъ не успѣлъ, занятый въ то время въ академіи генеральнаго штаба, но въ послѣдующихъ кампаніяхъ онъ участвовалъ. Въ одной изъ нихъ пришлось дѣйствовать вмѣстѣ обоимъ пріятелямъ. Экспедиція, подъ начальствомъ генерала Абрамова, кончилась, конечно, вполне успѣшно, и не въ описаніи этого похода наша задача, а въ разсказѣ нелѣпой исторіи, за ней послѣдовавшей и положившей тотъ первый камень, на которомъ впослѣдствіи образовалось цѣлое зданіе интригъ и козней противъ Скобелева.

По ходу событій генералу Абрамову пришлось послать небольшой кавалерійскій отрядъ, чтобы разсѣять бунтовавшее племя мачинцевъ. Отрядомъ командовалъ Герштенцвейгъ, и вмѣстѣ съ нимъ былъ Скобелевъ. Предполагавшихся бунтовщиковъ нагнали, усмирили, а казаки, по издревле установившемуся у нихъ обычаю, побарантовали, т. е. почистили непріятеля въ свою пользу, хотя это и каралось высшею властью.

Съ возвращеніемъ войскъ въ Самаркандъ по городу стали ходить разные неблагоприятные слухи. Говорили, что ихъ командиръ Герштенцвейгъ дрался знатно, все время былъ впереди, а Скобелевъ держался вдали и даже скрылся съ поля сраженія. Несмотря на нелѣпость разказа, онъ пришелся по сердцу людямъ, не любившимъ Скобелева (бывшаго въ это время въ Чиназѣ), и понеслась стоустая молва, что «Скобелевъ струсилъ». Однако стала циркулировать и другая версія: отыскивая бунтарей, казачій отрядъ наткнулся на племя мирныхъ кочевниковъ, и Герштенцвейгъ, будучи нетрезвъ, не разобралъ врага и полетѣлъ съ казаками въ атаку. Скобелевъ, трезвый и спокойный, замѣтивъ ошибку, старался удержать пріятеля и остановить казаковъ, но они его не послушали. Скобелевъ не захотѣлъ, конечно, участвовать въ такомъ подвигѣ и за ними не послѣдовалъ.

Допустить, чтобы разказъ въ послѣдней версіи дошелъ до командующаго войсками края, было неудобно для многихъ... Одинъ изъ ближайшихъ начальниковъ Герштенцвейга, поѣхавъ въ Ташкентъ съ донесеніемъ о результатахъ экспедиціи, умолчалъ, конечно, о неудачномъ эпизодѣ; но въ то же время, по болтливости своей, не удержался отъ разказа о «трусости» Скобелева. Говорилось это, понятно, по секрету, но секретъ сталъ скоро общимъ. Въ это время въ Ташкентѣ гувернеромъ у сына генерала Кауфмана былъ французъ Жирарде, бывшій воспитатель Скобелева, боготворившій своего прежняго питомца. Возмущенный пущенными противъ Скобелева слухами, Жирарде далъ ему знать, что дѣло идетъ о его чести. Скобелевъ примчался въ Ташкентъ и вызвалъ на дуэль неосторожнаго болтуна. Дуэль хотя и состоялась, но была безрезультатной, что, конечно, не удовлетворило Скобелева. Тогда онъ потребовалъ отъ Герштенцвейга признанія, что въ дѣлѣ противъ мачинцевъ была имъ допущена ошибка, о которой его предупреждалъ Скобелевъ. Но Герштенцвейгъ отказался отъ подтвержденія этого факта, ссылаясь на состояніе своей въ то время невмѣняемости и запаматованіе всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Бывшіе пріатели дрались, и Герштенцвейгъ былъ раненъ. Но это не сняло со Скобелева пущенной противъ него клеветы и только еще болѣе озлобило его недруговъ. Рана въ ногу Герштенцвейга не была смертельной; однако непріязнь къ Скобелеву была такъ велика, что, когда позднѣе, чѣмъ черезъ годъ, Герштенцвейгъ умеръ отъ

чахотки, а, можетъ быть, и отъ неумѣреннаго употребленія вина, враги Скобелева упорно утверждали, что нанесенная Герштенцвейгу рана была прямой причиною смерти этого общаго любимца.

Замѣтно расположенный къ Скобелеву, генераль-губернаторъ Константинъ Петровичъ Кауфманъ (что, кстати сказать, увеличивало число скобелевскихъ завистниковъ), успѣвшій уже тогда близко узнать М. Д. и угадать въ немъ талантливаго человѣка, не вѣрилъ, конечно, въ мачинскую басню, но считалъ вреднымъ для самого Скобелева вліять своимъ начальническимъ авторитетомъ на слишкомъ обостренное общее къ нему нерасположеніе; а потому, когда Скобелевъ рѣшилъ уѣхать изъ края, отпустилъ его, рассчитывая, что время сгладитъ непріятныя впечатлѣнія всей этой исторіи и ослабитъ зависть къ нему и вражду сослуживцевъ.

Такъ кончился первый періодъ туркестанской жизни М. Д. Скобелева.

II.

Наступившее время затишья было томительно для Скобелева, боевая натура котораго не мирилась съ бездѣятельностью и пустотой столичной жизни. Онъ сталъ оживляться надеждой вновь попасть въ военную обстановку, когда былъ поднятъ генераломъ Кауфманомъ вопросъ о настоятельной необходимости похода въ Хиву.

Какъ извѣстно, двѣ наши экспедиціи въ эту страну кончились для насъ трагично: большой отрядъ изъ Астрахани, подъ начальствомъ Черкаскаго, посланный Петромъ I, хотя и дошелъ благополучно до Хивы, но былъ тамъ предательски умерщвленъ въ полномъ составѣ. Вторая попытка обуздать Хиву была предпринята уже при императорѣ Николаѣ I. Экспедиція, подъ командой Перовскаго, снаряженная изъ Оренбурга зимой 1839 г., далеко еще не доходя Хивы, кончилась гибелью почти всего отряда отъ стужи и снѣжныхъ бурановъ. Наши неудачи внушили Хивѣ увѣренность, что она непобѣдима. Съ той поры не прекращались грабежи хищниковъ: они не только разоряли подвластныхъ намъ киргизовъ, но нападали на наши владѣнія, забирая въ плѣнъ пограничныхъ русскихъ жителей и казаковъ.

Съ образованіемъ Туркестанскаго генераль-губернаторства (1867 г.) и съ утвержденіемъ здѣсь суверенитета Россіи было уже недопустимо оставлять безнаказанными дерзости Хивы. Неоднократно пытался начальникъ края образумить хана, обращаясь къ нему съ увѣщаніями и добрыми совѣтами, переходя и на угрозы, но все было напрасно: набѣги хивинцевъ не прекращались. Честь и достоинство Россіи требовали рѣшительныхъ мѣръ для обузданія Хивы, что послужило бы въ то же время предостереженіемъ и для

другихъ сопредѣльныхъ съ нами ханствъ, все еще мечтавшихъ вытѣснить насъ изъ Азіи. Доводы генерала Кауфмана были признаны вполне убѣдительными, и третій въ исторіи походъ въ Хиву былъ рѣшенъ.

О блистательномъ выполненіи этого безпримѣрнаго по трудностямъ предпріятія говорить не приходится: въ исторіи всемірныхъ походовъ онъ занялъ выдающееся мѣсто. Не въ мѣру зазнавшаяся Хива стала вассальнымъ ханствомъ Россіи съ 1873 года.

Но для разсказа объ участіи въ походѣ М. Д. Скобелева и объ инцидентѣ, приключившемся съ нимъ въ концѣ экспедиціи, необходимо остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ, рисующихъ обстановку дѣла и людскихъ отношеній.

Врагъ, ничтожный по своей военной силѣ, былъ окруженъ такой грозной природой, преодолѣть которую было подѣ стать развѣ только русскимъ богатырямъ. Чтобы обезпечить копечный успѣхъ предпріятія, было рѣшено итти на Хиву съ трехъ сторонъ: отъ Оренбурга, съ Кавказа и изъ Туркестанскаго края, въ тѣхъ видахъ, что если которому-нибудь изъ отрядовъ не удастся дойти, то другіе въ этомъ успѣютъ. Войска всѣхъ трехъ округовъ были испытанныя, закаленные въ походахъ и бояхъ.

Каждый отрядъ во время марша имѣлъ своего начальника; общее же руководство и командованіе экспедиціей было возложено на генераль-адъютанта Константина Петровича фонъ-Кауфмана (Туркестанскаго). Самый многочисленный отрядъ былъ туркестанскій, на долю котораго выпали и самыя большія трудности, доводившія до трагическихъ моментовъ. Въ этомъ отрядѣ находились великій князь Николай Константиновичъ и герцогъ Евгенийъ Максимилиановичъ Лейхтенбергскій; при немъ же былъ и штабъ главной квартиры.

Скобелеву, служившему уже подѣ начальствомъ генерала Кауфмана, хотѣлось войти въ составъ этого отряда. Однако недавнія непріятности, испытанныя имъ въ Туркестанѣ, и еще свѣжая память объ умершемъ Герштенцвейгѣ не обѣщали М. Д. дружеской встрѣчи со стороны бывшихъ сослуживцевъ. Это заставило его прикомандироваться къ Кавказскому округу, войска котораго выступали двумя колоннами: изъ Красноводска подѣ командой полковника Маркозова и изъ Мангышлака подѣ начальствомъ генерала М. Ломакина. Въ послѣдней и участвовалъ Скобелевъ въ чинѣ подполковника. Красноводская колонна съ первыхъ же дней похода встрѣтила непреодолимыя препятствія, надвинутыя на нее абсолютно безводной пустыней. Несмотря на огорченіе и даже ропоть въ отрядѣ, Маркозовъ съ благоразумной твердостью рѣшилъ вернуться, предвидя неминуемую поголовную гибель людей (это обстоятельство слѣдуетъ замѣтить, какъ имѣющее непосредственное отношеніе къ М. Д.). Отрядъ Ломакина сдѣлалъ очень трудный походъ, встрѣ-

тился и присоединился къ войскамъ Оренбургскаго округа за 250 в. до Хивы. Путь оренбуржцевъ по условіямъ мѣстности, богатой живою водою и частыми кочевьями, былъ очень удобенъ; но этому отряду приходилось часто отражать нападенія туркменъ, бродившихъ по путямъ его слѣдованія.

Благодаря всесторонне обработанному плану и стойкости и дисциплинѣ войскъ, всѣ три отряда, двигаясь съ разныхъ сторонъ, при различныхъ условіяхъ, безъ всякой возможности между собою сообщаться, дошли одновременно, въ намѣченный заранѣе срокъ къ цѣли экспедиціи и 28 мая 1873 г. были вблизи стѣнъ Хивы ¹⁾.

Предстоялъ послѣдній актъ—вступленіе войскъ въ столицу ханства.

Съ подступленіемъ къ городу обѣихъ армій вся полнота власти переходила къ генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману, не только какъ къ главнокомандующему, которому подчинялись начальники отдѣльныхъ отрядовъ, но и какъ отвѣтственному дипломату, уполномоченному государемъ вести переговоры о мирѣ на условіяхъ, какія онъ найдетъ «достойными Россійской державы». Отсюда понятно, что дѣйствія обоихъ отрядовъ должны были быть строго согласованными и отвѣчающими одной общей цѣли.

Для совмѣстнаго вступленія въ столицу войскъ обѣихъ армій, стоявшихъ на разныхъ концахъ города, необходимо было имъ войти въ связь, для чего генерала Кауфманъ отправилъ 28 мая утромъ письмо генералу Веревкину, увѣдомляя о своемъ прибытіи и предлагая выслать колонну отъ оренбургско-мангышлакскихъ войскъ къ 8-ми часамъ утра 29-го мая къ Палванъ-арыку, находившемуся въ 8 верстахъ отъ города Хивы.

Между тѣмъ, зная о прибытіи туркестанскихъ войскъ и главной квартиры, но подвижимый, быть можетъ, честолюбивой мечтой увѣнчать себя славой самостоятельнымъ занятіемъ города Хивы, генералъ Веревкинъ попытался силой овладѣть цитаделью до соединенія отрядовъ. 28 мая оренбургско-мангышлакскій отрядъ произвелъ усиленную рекогносцировку города Хивы, обратившуюся въ неудачную атаку городскихъ стѣнъ. Въ этотъ день въ отрядѣ было убитыхъ 4 (одинъ офицеръ), раненыхъ 41 (въ томъ числѣ генералъ Веревкинъ и 6 офицеровъ), контуженныхъ 9 (4 офицера) ²⁾.

Тѣмъ временемъ, пока шла эта напрасная демонстрація съ потерей людей, въ ставку главнокомандующаго явился посланецъ хивинскаго хана, его двоюродный братъ Инакъ-Иртази, уполномоченный ханомъ вести переговоры о сдачѣ столицы и о заключеніи

---

¹⁾ Пропуская подробности этого замѣчательнаго предпріятія, рекомендуемъ познакомиться съ книгой, сост. полков. Лобысевичемъ, «Описаніе Хивинскаго похода».

Авт.

²⁾ Макшеевъ.—По Лобысевичу—80 раненыхъ.

«истор. вѣстн.», октябрь 1916 г., т. сxlvі.

мира. Инакъ передалъ генералу Кауфману письмо Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-хана, который просилъ генераль-губернатора вѣрить словамъ посла, какъ бы онъ вѣрилъ самому хану. Инакъ-Иртази заявилъ, что столица готова сдаться безъ всякихъ условій, ханъ объявлялъ себя подданнымъ Бѣлаго царя, его «нукеромъ»¹⁾ и ходатайствовалъ въ то же время о прекращеніи военныхъ дѣйствій противъ города со стороны генерала Веревкина.

Генераль Кауфманъ объявилъ Инаку, что свои условія онъ желаетъ лично передать хану, а потому предлагаетъ Сеидъ-Мухамедъ-Рахиму выѣхать къ нему навстрѣчу на слѣдующій день къ 8 часамъ утра въ мѣстность въ 6 верстахъ отъ города. Хану разрѣшалось имѣть свиту не болѣе ста человѣкъ. При этомъ Кауфманъ предупредилъ, что если ханъ не явится, то генераль будетъ считать недѣйствительнымъ все заявленное Инакомъ и будетъ стрѣлять по городу. Инакъ ручался, что ханъ удержитъ свои войска отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій, но что іомуды-туркмены могутъ его не послушать и, пожалуй, будутъ тревожить оренбургскій отрядъ. На это заявленіе генераль Кауфманъ внушительно посоветовалъ заставить іомудовъ повиноваться хану; затѣмъ онъ вручилъ Инаку слѣдующее письмо для передачи генералу Веревкину:

«28-го мая 1873 г. Бивуакъ на Янги-Арыкъ, 6¹/₂ ч. вечера. Сейчасъ ханъ прислалъ ко мнѣ родственника своего для переговоровъ. Я отвѣчалъ, что завтра подойду къ городу и, если ханъ желаетъ мира, то пусть выѣдетъ самъ ко мнѣ навстрѣчу. Въ 4¹/₂ часа утра 29-го мая я выступлю; часовъ въ 8 буду въ шести верстахъ отъ Хивы; тамъ остановлюсь. Прошу ваше превосходительство съ ввѣреннымъ вамъ отрядомъ передвинуться къ Павлаиъ-Арыку, на мостъ Сира-Купрюкъ. Посланный отъ хана увѣряетъ, что іомуды не слушаются хана и воюютъ вопреки его ханской волѣ. Я разрѣшилъ хану имѣть свиту не болѣе ста человѣкъ и приму его на своей позиціи. Было бы очень хорошо, если бы ваше превосходительство успѣли къ 8 часамъ быть у моста Сира-Купрюкъ. Если изъ города противъ васъ не стрѣляютъ, то и вы до разрѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ также не стрѣляйте».

Около 7 часовъ Инакъ выѣхалъ въ Хиву.

III.

Главнокомандующій выступилъ съ туркестанскими войсками въ назначенный часъ и, не доходя до города шести верстъ, былъ встрѣченъ толпою конныхъ хивинцевъ. Во главѣ ихъ ѣхалъ старикъ, который при приближеніи къ генералу Кауфману обнажилъ голову и дрожащимъ отъ волненія голосомъ привѣтствовалъ его по

¹⁾ Человѣкъ, обязанный служить.

восточному обычаю цвѣтистыми фразами. То былъ дядя хивинскаго хана—Сеидъ-Эмиръ-Уль-Омаръ. На вопросъ генерала Кауфмана, гдѣ же самъ ханъ и почему онъ не выѣхалъ навстрѣчу, какъ то было условлено наканунѣ, Эмиръ-Уль-Омаръ отвѣтилъ, что вечеромъ 28-го числа ханъ выѣхалъ изъ Хивы въ сторону, гдѣ дѣйствовалъ мангышлакско-оренбургскій отрядъ, чтобы остановить сопротивленіе своихъ войскъ, сознавая невозможность бороться съ русской силой. Въ это время русскими снарядами подъ ханомъ была ранена лошадь; когда же онъ пересѣлъ на другую и хотѣлъ снова вѣхаться въ свою столицу, то нашелъ городскія ворота запертыми самими жителями, опасавшимися вторженія въ нихъ русскихъ войскъ. Ханъ вынужденъ былъ уѣхать въ среду туркмень-іомудовъ, которые его и задержали».

Между тѣмъ, отсутствіе хана и съ одной стороны военныя дѣйствія генерала Веревкина, а съ другой—приближеніе туркестанскихъ войскъ произвели въ городѣ панику, смуту и анархію. Чувствовалась необходимость власти, и часть жителей рѣшила избрать ханомъ брата его—Ата-Джанъ-Тюря, заточеннаго ханомъ въ тюрьмѣ, и выпустила его оттуда. Но партія разума и порядка, во главѣ которой стоялъ вліятельный въ народѣ Диванъ-Беги-Мать-Ніазъ вмѣстѣ съ другими главными лицами ханскаго управленія, рѣшила передать власть, до возвращенія хана, ему, Эмиръ-Уль-Омару, какъ лицу старшему послѣ хана. Увѣщанія этихъ людей подѣйствовали, и въ ночь съ 28-го на 29-ое въ столицѣ былъ водворенъ полный порядокъ и спокойствіе, ручаясь за которые онъ, Эмиръ-Уль-Омаръ, и явился къ главѣ русскаго войска ¹⁾. Въ сопровождавшей его депутаціи находился не только уважаемый народомъ Мать-Ніазъ и многіе представители почетныхъ городскихъ лицъ и купечества, но и братъ хана—Ата-Джанъ-Тюря, мимолетный глава анархической партіи, отказавшійся отъ всякой претензіи на власть.

Послѣ получасовой остановки, выслушавъ Эмиръ-Уль-Омара и нѣкоторыхъ лицъ депутаціи, генераль Кауфманъ, въ сопровожденіи ихъ, продолжалъ путь и за двѣ версты до столицы былъ встрѣченъ колонною, высланною отъ оренбургско-мангышлакскаго отряда. Въ составъ колонны входили представители отъ войскъ Кавказскаго и Оренбургскаго округовъ, подъ начальствомъ начальника штаба отряда полк. Саранчева, выѣхавшаго вмѣсто ген. Веревкина, наканунѣ раненаго.

Не поддается описанію радость и одушевленіе, охватившія при встрѣчѣ этихъ русскихъ людей, пришедшихъ съ разныхъ концовъ къ одной желанной цѣли, претерпѣвшихъ за три мѣсяца похода столько трудовъ и лишеній, бывшихъ моментами на волосокъ отъ гибели и мучительной смерти, но оставшихся крѣпкими духомъ и

¹⁾ «Описаніе хивинскаго похода», полк. Лобысевича.

скованными рѣшимостью побѣдить. Въ счастливый часъ свиданія все тяжелое было забыто; начиная съ Кауфмана, долго служившаго въ молодости на Кавказѣ, гдѣ онъ получилъ и своего перваго Георгія, теперь съ восторгомъ встрѣтившаго родныя ему войска, всѣ братски обнимались, шумно, весело поздравляли другъ друга. По истинѣ это былъ общій праздникъ, трогательно-семейный для братьевъ-воиновъ и торжественно-внушительный для полудикихъ хивинцевъ.

На мѣстѣ встрѣчи, вблизи моста Сира-Купрюкъ, войска туркестанскаго отряда расположились бивуакомъ. Здѣсь же главнокомандующій началъ переговоры съ Эмиромъ-Уль-Омаромъ о сдачѣ столицы ханства. Генераль Кауфманъ требовалъ безусловной покорности: онъ приказалъ открыть ворота города, снять съ городскихъ стѣнъ орудія и вывезти ихъ къ Хазараспскимъ воротамъ, черезъ которыя предстояло войти русскимъ войскамъ. Жителямъ Хивы приказано было выйти къ этимъ же воротамъ. Отдавая свои приказанія, генераль Кауфманъ прибавилъ, что если они подчинятся и изъявятъ свою покорность, то ихъ никто не обидитъ, что Бѣлый Царь милостивъ и великодушенъ, и русскія войска, повинувась волѣ Государя, наказываютъ только тѣхъ, которые бунтуютъ, но мирныхъ людей не трогаютъ.

Представители депутаціи приняли съ безусловной покорностью всѣ требованія пачальника войскъ, и по распоряженію Эмиръ-Уль-Омара и Мать-Ніаза тотчасъ же въ городъ поскакали довѣренные люди для приведенія въ исполненіе всѣхъ приказаній главнаго начальника русской арміи.

Не было никакаго повода сомнѣваться въ искренней готовности подчиниться людей, воочію видѣвшихъ русскую силу, бороться съ которой было бесполезно... Но въ это самое время, совершенно неожиданно со стороны оренбургскаго отряда раздались пушечные выстрѣлы, и изъ Хивы примчались люди съ сообщеніемъ, что русскіе снова открыли огонь по городу. Извѣстіе это произвело на войска, расположенныя на Сира-Купрюкъ, тяжелое впечатлѣніе.

Кауфманъ приказалъ Эмиръ-Уль-Омару ѣхать въ Хиву, узнать, въ чемъ дѣло, и если окажется, что населеніе открыло враждебныя дѣйствія противъ генерала Веревкина, немедленно принять самыя рѣшительныя мѣры для водворенія порядка. Одновременно онъ послалъ гонца къ генералу Веревкину съ слѣдующимъ письмомъ: «Прибывъ на позицію, я былъ встрѣченъ полковникомъ Саранчевымъ и славными войсками, подъ вашимъ начальствомъ состоящими. Къ удивленію моему, я слышу съ вашей стороны выстрѣлы. Пріѣхалъ ко мнѣ Мать-Ніазъ; онъ увѣряетъ, что батареи ваши открыли огонь противъ города. Ханъ изъ города ушелъ вчера съ іомудами. Когда обозъ отряда стянется, я полагаю съ частью отряда и съ войсками отъ васъ войти въ городъ и занять цитадель и ворота. Грабежа

не должно быть. Надѣюсь около двухъ часовъ выступить. Нужна большая осторожность, теперь даже больше, чѣмъ когда-нибудь. Я беру ваши роты, орудія и кавалерію, чтобы они были представителями Кавказскаго и Оренбургскаго округовъ. Поздравляю васъ съ побѣдою и раной. Дай Богъ скорѣе выздоровѣть» ¹⁾.

Непредвидѣнная и, какъ оказалось, не вызванная обстоятельствами стрѣльба по городу не должна была, конечно, вліять на общее дѣло; поэтому, какъ только обозный отрядъ стянулся, донесенія о настроеніи населенія получились вполнѣ удовлетворительныя и сдѣлано было распоряженіе о назначеніи частей войскъ и о порядкѣ слѣдованія ихъ для вступленія въ столицу ханства, то оно и началось въ положенное время, т. е. около двухъ часовъ 29-го мая 1873 года.

Торжественно, подъ звуки Даргинскаго марша, русскія войска вступили въ широко открытыя Хазараспскія ворота, у которыхъ ихъ ждали толпы народа и впереди всѣхъ съ непокрытой головой почтенный, престарѣлый Эмиръ-Уль-Омаръ. Всѣ городскія площади и часть боковыхъ улицъ были запружены арбами, на которыхъ было сложено разное имущество и сидѣли женщины и дѣти. Это мирные жители, напуганные утренними выстрѣлами оренбургскаго отряда, спасаясь отъ нихъ, были застигнуты на пути своего бѣгства. «На лицахъ городского населенія выражались страхъ и сомнѣніе: они опасались, что и русскіе, какъ дѣлаютъ обыкновенно азіаты съ покоренными народами, начнутъ ихъ рѣзать и бить, сжигать и уничтожать ихъ дома и имущества. Тѣмъ большая была радость и восторгъ, когда они увидали, что русскія войска, слѣдуя стройными рядами по главной улицѣ, ведущей къ цитадели и къ ханскому дворцу, не заходятъ въ стороны, никого и ничего не трогаютъ и не обижаютъ. Сомнѣніямъ уже не было мѣста, и народъ бросался къ войскамъ и къ ногамъ лошади главнаго русскаго начальника съ радостными привѣтствіями. Особенно сильное оживленіе замѣчалось въ средѣ иранцевъ, предугадывавшихъ свое освобожденіе изъ тяжелаго рабства» ²⁾.

Лишь по прибытіи въ цитадель генераль Кауфманъ прочелъ письмо Веревкина, поданное ему джигитомъ во время спокойнаго слѣдованія войскъ по улицамъ Хивы. Въ этомъ запоздаломъ отвѣтѣ на запросъ главнокомандующаго о выстрѣлахъ по городу утромъ 29-го мая со стороны оренбургскаго отряда генераль Веревкинъ далъ такое объясненіе:

«Въ Хивѣ были двѣ партіи—мирная и враждебная. Послѣдняя ничьей власти не признаетъ и дѣлала въ городѣ всякія безчинья. Чтобы разогнать ее и имѣть хоть какую-нибудь гарантію противъ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ «Описаніе хивинскаго похода» полк. Лобысевича.

върломства жителей, я приказалъ овладѣть съ боя одними изъ городскихъ воротъ, что и исполнено. Войска, взявшія ворота, заняли оборонительную позицію около нихъ, гдѣ и будутъ ожидать приказанія вашего превосходительства. Всякіе грабежи мною воспрещены» ¹⁾).

Такимъ образомъ, изъ письма Веревкина, писаннаго въ часть дня, явствуетъ, что для разогнанія враждебной партіи онъ призналъ необходимымъ приказать полковнику Скобелеву штурмовать Шахъ-Абатскія ворота, забывъ о многочисленной мирной партіи, которая незаслуженно подвергалась опасности отъ разгрома города. Между тѣмъ вѣдь еще наканунѣ, 28-го мая, генераль Веревкинъ былъ предувѣдомленъ главнокомандующимъ, что онъ поведетъ переговоры о сдачѣ столицы и о мирѣ и предупредилъ начальника оренбургскаго отряда «не стрѣлять по городу, если оттуда не будутъ стрѣлять».

Сопоставляя обстоятельства дѣла и часы дня, когда раздались выстрѣлы, нельзя не прийти къ выводу, что рано утромъ 29-го мая вся обстановка была въ противорѣчій съ приводимыми въ письмѣ генерала Веревкина объясненіями: во-первыхъ, уже въ 8 часовъ утра Эмиръ-Уль-Омаръ докладывалъ главному начальнику войскъ о томъ, что по уходѣ хана поднялась паника, вызвавшая смуту, причемъ въ городѣ образовались двѣ партіи, но что партія благоумія одержала верхъ и съ вечера 28-го мая въ Хивѣ водворился полный порядокъ. Лучшимъ доказательствомъ правдивости этого донесенія служило присутствіе въ депутаціи главы мятежной партіи Ата-Джанъ-Тюря. Очевидно, что въ это время такой партіи уже не было и разгонять ее выстрѣлами не приходилось.

Вторымъ доказательствомъ, что въ городѣ царило спокойствіе съ ранняго утра 29-го мая и совершенное нежеланіе населенія бороться служило слѣдованіе отряда полковника Саранчева. «Когда рано утромъ 29-го мая колонна полковника Саранчева переходила изъ лагеря оренбургско-мангышлакскаго отряда къ каналу Пшакчи навстрѣчу и соединеніе съ туркестанскими войсками, ей пришлось двигаться при этомъ по дорогѣ, которая въ большей части своего протяженія идетъ вдоль самой городской стѣны. Отрядъ Саранчева прошелъ безъ выстрѣла, и защитники Хивы, выславъ во множествѣ на валъ городской стѣны, спокойно и съ понятнымъ любопытствомъ смотрѣли на проходившія мимо нихъ наши войска. Можно ли допустить, чтобы колонна Саранчева прошла такъ свободно и спокойно подъ стѣнами города, если бы въ средѣ его населенія была какая бы то ни было враждебная намъ партія, которая, по словамъ генерала Веревкина, дѣлала всякія безчинства и для разогнанія которой онъ призналъ необходимымъ

---

¹⁾ Тамъ же.

приказать подполковнику Скобелеву штурмовать Шахъ-Абатскія ворота» 1).

О томъ же, что Саранчевъ прошелъ весь путь безъ выстрѣла, генераль Веревкинъ зналъ. Можно привести еще фактъ въ подтвержденіе сказаннаго: «Тотчасъ же по расположеніи туркестанскаго отряда бивуакомъ на каналѣ Пшакчи, для обезпеченія лагеря съ западной стороны высланъ былъ особый отрядъ въ составѣ двухъ ротъ 2-го лин. батальона и взвода 9-фунтовыхъ орудій, подъ начальствомъ подполковника Терейковскаго, которому приказано было перевести войска по мосту Сира-Купрюкъ черезъ Палванъ-Ата и расположиться на позиціи на противоположномъ берегу канала. По ошибкѣ проводника, отрядъ Терейковскаго вышелъ почти къ самой подошвѣ городской стѣны и сталъ тамъ на позицію. Въ то время, когда въ одной верстѣ правѣе происходилъ по распоряженію генерала Веревкина штурмъ Шахъ-Абатскихъ воротъ, войска полковника Терейковскаго, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, спокойно стояли у самой непріятельской стѣны, мирно переговариваясь съ защитниками города, находившимися на валу, причемъ многіе изъ хивинцевъ спускались со стѣны и выходили къ нашему отряду съ изъявленіемъ ихъ полной покорности» 2).

Наконецъ заслуживаютъ вниманія показанія Диванъ-беги-Мать-Ніаза, данныя имъ уже послѣ занятія Хивы, о событіяхъ 29-го мая: «Съ крѣпостныхъ стѣнъ не могли открыть огня по оренбургско-мангышлакскому отряду потому, что въ городѣ никого не было, кромѣ жителей; эти же свое нежеланіе защищаться доказали, сбросивъ пушку съ Шахъ-Абатскихъ воротъ еще наканунѣ, въ присутствіи Мать-Ніаза, по требованію русскихъ» 3).

Ясно, что не было никакихъ уважительныхъ основаній для несвоевременной стрѣльбы по городу. Между тѣмъ это могло вызвать серьезныя послѣдствія: пушечная пальба грозила привлечь буйныхъ туркменъ, слѣдившихъ за всѣмъ происходившимъ, и въ то же время повліять очень невыгодно на депутатовъ, которые за минуту до выстрѣловъ выслушивали отъ представителя Бѣлаго царя обѣщаніе милостиваго и великодушнаго отношенія къ мирнымъ жителямъ.

Не входя въ оцѣнку побужденій, руководившихъ генераломъ Веревкинымъ, когда онъ приказалъ подполковнику Скобелеву штурмовать беззащитныя ворота, перейдемъ къ тому, какъ этотъ инцидентъ отозвался на Михаилѣ Дмитріевичѣ.

1) «Описаніе хив. похода» полк. Лобысевича.

2) Тамъ же.

3) «Матеріалы для ист. хив. пох. 1873. г.» г.-м. Троцкаго.

IV.

Стрѣльба по мирно настроенному городскому населенію вызвала общее порицаніе среди офицерства и комментировалась на всѣ лады. Старая неприязнь къ Скобелеву обнаружилась и въ данномъ случаѣ. Немногіе винили генерала Веревкина; большинство же приписывало это распоряженіе вліянію Скобелева, стремленію его отличиться во что бы то ни стало и схватить награду. Кауфманъ, очевидно, не могъ одобрить происшедшаго, но счастливое окончаніе похода и его блестящіе результаты не располагали главнокомандующаго къ порицанію и критикѣ отдѣльныхъ эпизодовъ и лицъ. Посѣтивъ раненаго наканунѣ Веревкина, генераль Кауфманъ не сдѣлалъ ему ни упрека, ни замѣчанія; но Михаилъ Дмитріевичъ почувствовалъ, что всегда сердечно относившійся къ нему генераль-губернаторъ на этотъ разъ имъ недоволенъ. Какъ умный человекъ, Скобелевъ понялъ, что роль, которую онъ, очевидно, не противъ своей воли сыгралъ въ этомъ эпизодѣ, могла получить трагикомическую окраску; онъ рѣшилъ этого не допустить и разсѣять невыгодное для него впечатлѣніе какимъ-нибудь выдающимся отличіемъ. Случай къ этому скоро представился, а случая стать лицомъ къ опасности Скобелевъ никогда не упускалъ.

Какъ было сказано, красноводскій отрядъ вынужденъ былъ вернуться на Кавказъ, не доходя до Хивы. Вотъ этимъ обстоятельствомъ и воспользовался Михаилъ Дмитріевичъ. Неудача Маркозова породжала, конечно, разговоры, невыгодные для начальника отряда, и сомнѣнія въ томъ, что не пройденный имъ путь дѣйствительно грозилъ гибелью для отряда. Скобелевъ вызвался охотникомъ для рекогносцировки этого таинственнаго пространства и доложилъ о своемъ намѣреніи главному начальнику экспедиціи. Въ виду важности и несомнѣннаго интереса этой не изслѣдованной части пути генераль Кауфманъ одобрилъ мысль Скобелева, далъ ему разрѣшеніе на рекогносцировку и соотвѣтствующія приказанія.

Предпріятіе было не только смѣлое, но весьма рискованное. Не говоря уже о физическихъ трудностяхъ на предстоящемъ пути, тутъ грозила опасность и встрѣчи съ туркменами, значительная масса которыхъ устремилась въ степь, именно въ этомъ направленіи, спасаясь отъ нашихъ войскъ. На каждомъ попутномъ колдцѣ Скобелевъ рисковалъ наткнуться на туркменъ—дикихъ и жестокихъ по натурѣ, а теперь еще и сильно озлобленныхъ противъ русскихъ. Несомнѣнно, участь Скобелева и сопровождавшихъ его людей была бы самая ужасная, если бы туркмены ихъ настигли. Тѣмъ значительнѣе и красивѣе была эта добровольно взятая на себя Скобелевымъ развѣдка.

Рекогносцировочная партія состояла всего изъ шести чело-
вѣкъ, считая самого Скобелева и туземцевъ-проводниковъ.

На разсвѣтъ 4-го августа партія выступила и, исполнивъ поруче-
ніе, вернулась въ Хиву 11-го августа, пройдя за это время въ
оба конца болѣе шестисотъ верстъ. Съемка и описаніе пройден-
наго пространства были представлены Скобелевымъ главному
начальнику войскъ и показали слѣдующее. Первая часть пути
(60 верстъ до Змукшира и 24 версты до колодцевъ Чагыль) про-
легла по глинистой, твердой равнинѣ; переходъ былъ удобенъ;
колодцевъ здѣсь можно было вырыть сколько угодно. Топливо и
кормъ находились въ изобиліи. Совершенно другую картину
представляли слѣдовавшія затѣмъ 229 верстъ, на протяженіи ко-
торыхъ на неравныхъ разстояніяхъ находились три пункта съ
колодцами (Кизыль-Чакрырь, Доудуръ, Нефесъ-Кули). Вся эта
мѣстность представляла громадныя затрудненія даже для шести
смѣлыхъ охотниковъ: она состояла сплошь изъ высокихъ горъ-
бархановъ, нагроможденныхъ другъ на друга. Сильныя верховья
лошади всадниковъ едва тащились на эти горы глубокихъ, сыпу-
чихъ песковъ, а вьючныя лошади падали и, скатываясь, теряли
вьюки. Движеніе здѣсь артиллеріи и тяжестей представляется не-
возможнымъ. На этомъ же пространствѣ переходъ въ 151 версту
былъ абсолютно безводный и для военного отряда немыслимый.
Отъ колодцевъ Нефесъ-Кули, куда партія, пройдя 309 верстъ, при-
шла 7-го августа, слѣдовало еще итти 40 верстъ на колодцы Орта-
Кую, не доходя до которыхъ, красноводскій отрядъ возвратился.
Но, достигнувъ Нефесъ-Кули, гдѣ видны были слѣды недавно
пасшихся стадъ, партія встрѣтила тамъ двухъ пастуховъ, которые
разсказали слѣдующее: къ колодцамъ Орта-Кую пришли іомуды,
бѣжавшіе изъ Хивинскаго оазиса отъ преслѣдованія русскихъ;
вслѣдъ за іомудами пришли и текинцы; между ними произошло
побоище, причемъ текинцы убили шесть іомудовъ, многихъ ра-
нили и увели одну женщину. Іомуды, въ свою очередь, завалили
колодцы и сами отошли къ Нефесъ-Кули, гдѣ ауль ихъ въ коли-
чествѣ 150 кибитокъ и стоитъ въ двухъ верстахъ отсюда. Ясно,
что незачѣмъ было итти къ заваленнымъ колодцамъ и подвер-
гаться риску встрѣтить огромныя партіи текинцевъ или іому-
довъ, одинаково намъ враждебныхъ. Это было бы безцѣльно, тѣмъ
болѣе, что главная задача была выполнена и невозможность красно-
водскому отряду преодолѣть 150 верстъ абсолютно безводнаго про-
странства, чтобы дойти до Хивы, была доказана.

Генераль-адъютантъ Кауфманъ, выслушавъ докладъ Скобе-
лева и оцѣнивая лихой подвигъ молодого подполковника, при-
зналъ его достойнымъ Георгія 4 ст. и предложилъ думѣ утвер-
дить за нимъ это право. Такая выдающаяся награда, составляю-
щая мечту каждаго военного, пробудила старую вражду къ Ско-

белеву, да и зависть создала ему новыхъ недруговъ. Пошли опять пересуды и рассказы, умалявшіе военное значеніе Скобелевской экспедиціи. Недруги оказались, несомнѣнно, и среди членовъ Георгіевской думы, такъ какъ она медлила произнести свое слово, откладывая засѣданіе подъ разными предлогами, но авторитетнаго рѣшенія главнокомандующаго измѣнить не рѣшилась, и желанный бѣлый крестъ украсилъ грудь будущаго «Бѣлаго генерала»...

Завистливая вражда къ Михаилу Дмитріевичу не улеглась, однако, и послѣ этого. Казалось бы, что Кавказскому округу, отъ котораго шель въ хивинскій походъ Скобелевъ, слѣдовало гордиться имъ, а между тѣмъ окружный кавказскій штабъ, разрѣшивъ Скобелеву отпускъ, котораго онъ просилъ, вслѣдъ за тѣмъ отчислилъ его отъ кавказской арміи, чего онъ не желалъ... Когда же Скобелевъ, уже флигель-адъютантомъ, вторично пріѣхалъ въ Тифлисъ и ходатайствовалъ дать ему эскадронъ въ Тверскомъ драгунскомъ полку, то и это скромное желаніе его исполнено не было—ему отказали...

У.

Послѣ хивинской экспедиціи мы опять видимъ Скобелева въ Туркестанѣ, гдѣ въ это время намѣчались признаки возможности похода.

Испытанныя тамъ непріятности, хотя и оставляли въ сердцѣ Скобелева нѣкоторую горечь, смягчались, однако, чувствомъ удовлетвореннаго честолюбія полученіемъ Георгія, а вражда завистниковъ сторицею вознаграждалась отношеніемъ къ нему Константина Петровича Кауфмана. На счастье Скобелева, Кауфманъ былъ тѣмъ рѣдкимъ вообще типомъ начальника, который не только не боялся талантливыхъ подчиненныхъ, но всѣми мѣрами выискивалъ и выдвигалъ ихъ. Онъ зналъ слабости Скобелева, но, зная и его способности, цѣнилъ его широкія военныя познанія и смѣлость его мыслей, выказывать которыя никогда ему не препятствовалъ. Здѣсь кстати сказать, какъ Кауфманъ оцѣнивалъ молодого, далеко еще тогда не оперившагося Скобелева—будущаго орла... Одинъ петербургскій сановникъ, зная, что будетъ походъ, пріѣхалъ къ Кауфману съ просьбой взять на службу въ Туркестанъ князя С. В.—на и такъ рекомендовалъ своего протеже: «Этотъ будетъ почище вашего Скобелева», на что Кауфманъ отвѣтилъ: «Не знаю, какъ проявитъ себя вашъ В—нъ, а что мой Скобелевъ себя вамъ покажетъ—за это я ручаюсь».

Въ маѣ 1875 года Скобелевъ пріѣхалъ въ Ташкентъ. Все было тихо и спокойно въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ: нѣкогда грозный хивинскій ханъ былъ теперь самымъ покорнымъ

вассаломъ, а эмиръ священной Бухары почиталъ за счастье быть благодарнѣйшимъ сосѣдомъ Бѣлаго царя. Жители присоединенныхъ къ Россіи областей, мирно развиваясь и богатѣя подъ охраной русскихъ законовъ, конечно, не согласились бы вернуться къ ханскимъ порядкамъ, когда ни имущество, ни самая жизнь каждаго подданнаго не были гарантированы.

Но рядомъ съ нашими владѣніями находилось еще независимое Кокандское ханство, правитель котораго, Худояръ-ханъ, былъ типичнымъ азіатскимъ деспотомъ—жестокимъ и корыстнымъ. Народъ его ненавидѣлъ; особенно враждебно относилось къ нему сильное и воинственное племя кипчаковъ. Однако отношеніе его къ Россіи, силу и могущество которой ханъ понималъ, было вполне корректно и даже покорно. Онъ нерѣдко слѣдовалъ совѣтамъ генераль-губернатора, увѣщавшаго его смягчать жестокое управленіе. Измѣнить азіатскую натуру хана было, конечно, невозможно, но совѣты генераль-губернатора, несомнѣнно, дѣйствовали, ибо десять лѣтъ Худояръ благополучно ханствовалъ.

Въ описываемый періодъ стали, однако, проникать слухи, что въ Кокандѣ не все благополучно, что противъ хана замышляются козни.

Генераль Кауфманъ, снабженный широкими полномочіями, дававшими ему право объявлять войну, если онъ признаетъ это нужнымъ, естественно, долженъ былъ слѣдить за настроеніемъ сосѣднихъ странъ и ихъ властителей. Чтобы точнѣе провѣрить носившіеся слухи, генераль-губернаторъ командировалъ въ Кокандъ состоявшаго при немъ чиновника по дипломатической части Вейнберга, свободно говорившаго на туземныхъ нарѣчіяхъ. Одновременно имѣлось въ виду ближе познакомиться и съ кашгарскимъ эмиромъ, бывшимъ подъ вліяніемъ англійскихъ эmissаровъ: Англія въ это время была нашимъ злѣйшимъ врагомъ, заигнотизированная мыслью, что Россія замышляетъ итти на Индію. Необходимость урегулировать наши границы съ Кашгаромъ дала гласный поводъ послать туда уполномоченнаго. Но скрытой цѣлью было изслѣдованіе настроенія страны и опредѣленіе ея военной силы. Эту задачу, требовавшую большой осторожности и наблюдательности, Кауфманъ возложилъ на полковника флигель-адъютанта Скобелева. Попутно ему же поручалось сдѣлать нѣкоторыя съемки и въ Кокандѣ. Оба наши посла выѣхали вмѣстѣ; къ нимъ былъ прикомандированъ жившій въ Ташкентѣ кокандскій «посланикъ» Мирза-Хакимъ-парваначи. Громкое это званіе до смѣшного не соответствовало ни личности, ни скромному положенію кокандскаго парваначи; но Азія любитъ декораціи. При посольствѣ слѣдовалъ родственникъ хана юноша Абду-Керимъ, бѣжавшій къ намъ отъ преслѣдованія его за участіе въ возмущеніи киргизовъ противъ Худояръ-хана; послѣдній просилъ его вер-

нуть. Свиту пословъ составляли двадцать два казака и шесть джигитовъ.

Послы выѣхали 11-го іюля и 13-го были въ столицѣ ханства. По азіатскому этикету почетнымъ гостямъ слѣдовало дать отдохнуть отъ пути, и только черезъ два дня они представились хану.

Вслѣдъ за обычными цвѣтистыми восточными завѣреніями въ уваженіи и дружбѣ былъ поданъ достарханъ (угощеніе), и затѣмъ послѣдовалъ дѣловой разговоръ. Вейнбергъ передалъ письмо генераль-губернатора, а словесно заявилъ, что генераль Кауфманъ надѣется, что ханъ проститъ Абду-Керима, какъ юношу, увлеченнаго по молодости и неопытности недобрыми людьми. Ханъ безъ колебанія уважилъ желаніе ярымъ-падишаха ¹⁾ и въ знакъ своего прощенія надѣлъ на молодого человѣка почетный халатъ. Также любезно изъявилъ ханъ свое согласіе на поѣздку Скобелева по ханству и прикомандировалъ къ нему двадцать надежныхъ джигитовъ. Но въ то же время онъ счелъ своимъ долгомъ предупредить пословъ, что ѣздить теперь небезопасно по краю, такъ какъ племянникъ хана, Назаръ-бекъ, бѣжавшій изъ Бухары, бунтуетъ противъ него среди кочевниковъ въ окрестностяхъ Оша, а другой претендентъ, Саитъ-Фунадъ-ханъ, занимается тѣмъ же въ округѣ Унгена. Худояръ выслалъ противъ обоихъ отрядъ въ четыре тысяча сарбазовъ, подъ начальствомъ муллы Исса-Ауліэ и Абдурахмана-Автобачи. Ханъ былъ, видимо, встревоженъ волненіями, однако старался увѣрить Вейнберга, а можетъ быть и себя, что эти волненія не имѣютъ ничего опаснаго ни для хана, ни для государства и не что иное, какъ обычные грабежи и разбои, свойственные кочевникамъ. При этомъ онъ выразилъ свою любовь и уваженіе къ генералу Кауфману и надежду, что, въ случаѣ затрудненій, ярымъ-падишахъ не оставитъ его своими совѣтами.

Несмотря на успокоительныя завѣренія хана, слухи становились все тревожнѣе, и событія пошли скоро усиленнымъ темпомъ. Уже 17-го іюля пришло извѣстіе, что оба предводителя ханскихъ войскъ, Исса-Ауліэ и Абдурахманъ-Автобачи, измѣнили хану и перешли на сторону мятежниковъ. 19-го іюля стало извѣстно, что старшій сынъ Худояра, Нассыръ-Эдинъ-ханъ, предался инсургентамъ и провозглашенъ ими ханомъ. Мятежники заняли города Ошъ, Наманганъ, Андижанъ, Ассаке. Главой и душой всего дѣла былъ смѣлый кипчакъ Абдурахманъ-Автобачи.

Въ аудіенціи, данной Вейнбергу 19-го же іюля, ханъ заявилъ послу, что Автобачи собирается объявить священную войну противъ русскихъ. Вейнбергъ не повѣрилъ хану, объясняя событія исключительно революціоннымъ движеніемъ противъ Худояра; но скоро пришлось убѣдиться въ справедливости словъ хана.

¹⁾ Полцаря—такъ величали генераль-губернатора сосѣдніе властители.

Возстаніе охватило всю страну. О поѣздкѣ Скобелева не только въ Кашгаръ, но и по Кокандскому ханству не могло быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе Скобелевъ не терялъ времени и, пользуясь пребываніемъ въ столицѣ, намѣчалъ планы оборонительныхъ линій города и ѣздилъ по улицамъ Коканда, наблюдая настроеніе жителей. Оно было сильно возбужденнымъ. Лавки на базарахъ закрывались; товары вывозились въ окрестные сады, подальше отъ центра; жители запасались оружіемъ. Площади и улицы кишѣли народомъ, среди котораго появлялись толпы фанатиковъ дивановъ и дервишей. На всѣхъ перекресткахъ они собирали слушателей и, сильно жестикулируя, проповѣдывали ненависть къ гаурамъ... Съ приближеніемъ Скобелева и Вейнберга рѣчи становились тише, но горячіе злобой взгляды сопровождали ихъ.

20-го іюля пришла вѣсть, что и братъ хана, правитель города Маргелана, измѣнилъ ему. Мятежники заняли городъ и двинулись къ Коканду. Было ясно, что и здѣсь въ столицѣ назрѣлъ бунтъ и малѣйшей искры будетъ достаточно для общаго пожара. Уже ходили слухи, что на миссію будетъ нападеніе. Событія становились грозными, и ханъ, уstraшенный ими, видя всюду измѣну, не рассчитывая на симпатіи народа въ столицѣ, рѣшилъ ее покинуть. Онъ сообщилъ Вейнбергу о своемъ намѣреніи и въ то же время отправилъ письмо къ генералу Кауфману, прося его помощи и отдавая себя подъ покровительство государя императора. Въ свою очередь, Вейнбергъ послалъ свое донесеніе обо всемъ происходящемъ, прося инструкціи генераль-губернатора. Но полученіе отвѣта было почти невозможно. Такъ оно и случилось: джигитъ, отправленный съ письмами въ Ташкентъ, былъ захваченъ инсургентами, письма отобраны, и самъ онъ едва спасся бѣгствомъ. Посламъ приходилось руководствоваться собственными соображеніями.

Положеніе горсти русскихъ, очутившихся въ огнѣ возстанія, было чрезвычайно серьезно. Ясно, что сила была на сторонѣ бунтовщиковъ и что роль низложеннаго ими Худояра, какъ хана, была безповоротно окончена. Но Худояръ-ханъ былъ правителемъ, признаннымъ русскимъ царемъ, и въ данный моментъ послы были обязаны таковымъ его признавать и, оставаясь при немъ, не входить ни въ какіе переговоры съ мятежниками. Въ то же время миссіи надлежало, сохраняя честь и достоинство русскаго имени, не подвергать себя риску нападенія бунтовщиковъ и сумѣть вывести благополучно весь свой составъ изъ предѣловъ ханства. Вейнбергу приходилось только просить Скобелева сдерживать себя и казаковъ при возможныхъ дерзкихъ выходкахъ со стороны фанатичныхъ мусульманъ, дабы не подать повода къ обвиненію русскихъ въ открытіи враждебныхъ дѣйствій противъ Кокандскаго ханства. Такимъ образомъ, все дѣло переходило въ

руки Скобелева; на него ложилась вся отвѣтственность, и отъ его такта, находчивости и смѣлости зависѣлъ благополучный и достойный исходъ судьбы горсти русскихъ людей.

VI.

Отъѣздъ хана былъ назначенъ на 22-е іюля. Но еще наканунѣ вечеромъ всѣ находившіеся при миссіи джигиты хана ушли, обобравъ многое изъ ея имущества. Точно также изъ личной охраны хана, считавшейся въ четыре тысячи человѣкъ, ушло больше половины, увлекая съ собою и второго сына хана, Мухамедъ-Амина. Все это не предвѣщало ничего хорошаго. Между тѣмъ въ Кокандѣ проживало много русскихъ торговыхъ людей и, озабочиваясь ихъ судьбой, Скобелевъ предложилъ желающимъ выѣхать вмѣстѣ съ миссіей. Девять человѣкъ съ прислугой воспользовались этимъ предложеніемъ. Затрудненіе для выѣзда представлялось, однако, въ добытій арбѣ подѣ имущество; вмѣсто нужныхъ семи подводъ, ихъ добыли только три, и перегруженные лошади едва двигались.

Въ день выступленія хана одинъ отрядъ мятежниковъ подѣ командой Абдурахмана подступалъ уже къ столицѣ...

Изъ дома, гдѣ жила русская миссія можно было спокойно и незамѣтно выйти черезъ ближайшія ворота, минуя центральную часть города. Но, конечно, Скобелевъ не захотѣлъ воспользоваться этой возможностью и рѣшилъ итти открыто къ дворцовой площади, на соединеніе съ ханомъ. Пришлось проходить по многимъ улицамъ и базарамъ, переполненнымъ народомъ, который стоялъ шпалерами, вооруженный батогами, палками и съ камнями въ рукахъ. Навстрѣчу миссіи шло войско хана—кавалерія и пѣхота, направлявшіяся на позицію за черту города, куда уже была выслана артиллерія.

Узкія улицы и скопленіе народа сильно затрудняли движеніе. Идя шагъ за шагомъ, послы могли наблюдать злобное выраженіе лицъ. Одинъ юзь-баши, изъ войска хана, проходя мимо русскаго конвоя, сказалъ, ехидно улыбаясь: «Проходите, проходите; мы потомъ со всѣхъ васъ снимемъ головы». Какъ успокоительно было слышать такія обѣщанія отъ одного изъ начальниковъ, который предназначался для охраны хана и его почетныхъ гостей!.. Правда, они могли сдѣлать это теперь же съ горстью русскихъ людей; однако страхъ передъ Россіей былъ таковъ, что многотысячная толпа, сильно возбужденная, не осмѣливалась открыто напасть на три десятка русскихъ, зная, какое возмездіе получить за это вся страна. Тѣмъ не менѣе были попытки вызвать инциденты; такъ, одинъ кокандецъ ударилъ хлыстомъ казака. Скобелеву, сдѣлавшему видъ, что онъ этого не замѣтилъ, стоило большого усилія удержать уральца, готоваго пустить въ ходъ обнаженную уже

пашку. Подавляя въ себѣ внутренній гнѣвъ и возмущеніе, но наружно сохраняя спокойствіе, Скобелевъ медленно ѣхалъ на своемъ красивомъ конѣ и, упорно обводя взглядомъ длинный строй устремленныхъ на него злобныхъ глазъ, невольно импонировалъ своей высокой, внушительной фигурой. Въ полномъ порядкѣ отрядъ дошелъ до площади, гдѣ и выстроился передъ ханскимъ дворцомъ.

Вскорѣ изъ воротъ выѣхалъ Худояръ. На видъ онъ былъ спокоенъ; но врядъ ли было спокойно его сердце. Развернувшіяся событія, всюду измѣна и предательство самыхъ близкихъ людей должны были подсказывать ему, что шансы на возвращеніе въ родной, покидаемый домъ очень шатки. Очевидно, такого рода чувства волновали его. Замедляя минуты тяжелой разлуки, онъ стоялъ подъ сводомъ главныхъ воротъ добрыхъ двадцать минутъ, подъ предлогомъ отдачи распоряженій...

Ханъ, направляясь къ позиціи двинувшихся войскъ, избралъ окольный путь, изъ опасенія, что если пойдетъ прямо, то народъ пойметъ, что онъ направляется къ русскимъ, и не выпуститъ его; теперь же это имѣло видъ, что ханъ, соединившись со своимъ войскомъ, дастъ сраженіе мятежникамъ. Но и въ этомъ случаѣ выступленіе его сопровождали зловѣщіе возгласы, желавшіе «счастливаго пути къ могиламъ»... Вообще настроеніе продолжало быть враждебнымъ со всѣхъ сторонъ, а до нашей границы надо было пройти 140 верстъ... Пройдя благополучно восемь верстъ, ханъ и отрядъ остановились на позиціи кокандскихъ войскъ. Тутъ было четыре тысячи пѣхоты, двѣ тысячи кавалеріи и 64 орудія. Разбили палатки и стали варить пищу. Непріятеля пока не было видно; но въ средѣ самихъ ханскихъ войскъ назрѣвало мятежное противъ него настроеніе, а противъ русскихъ—сильно враждебное и дерзкое. Такъ, во время стоянки, когда послы наблюдали прохожденіе артиллеріи, мимо нихъ проскакалъ офицеръ-артиллеристъ и съ явнымъ умысломъ свалить ихъ направилъ прямо на нихъ свою лошадь. Конечно, нельзя было оставить безъ вниманія такую выходку; Вейнбергъ и Скобелевъ отправились въ лагерь и въ присутствіи всѣхъ собравшихся начальниковъ потребовали наказанія виновнаго. Но оба благоразумно воздержались оставаться и ждать исполненія ихъ требованія... Въ это время ханъ прислалъ къ Вейнбергу Мирза-Хакима съ предложеніемъ взять изъ ханской артиллеріи орудій, сколько русскіе пожелаютъ. Находясь въ трудномъ положеніи—между буйными ханскими войсками и въ кольцѣ злобно настроеннаго населенія, озабочиваясь благополучнымъ исходомъ для отряда и не предвидя, какой оборотъ приметъ дѣло, если мятежники разобьютъ ханскія войска, миссія поблагодарила хана и по желанію Скобелева просила два орудія. Скобелевъ выбралъ два легкихъ орудія на случай личной защиты

отряда. Вейнбергъ опять умолялъ его пускать ихъ въ дѣло только въ крайности.

Противъ ожиданія, стоянка хана была непродолжительна, и, пославъ сказать, что онъ идетъ дальше, ханъ торопливо отбылъ и успѣлъ пройти нѣсколько верстъ, пока нашъ отрядъ собирался. Его задерживала нагрузка купеческаго имущества на арбы и вьючныхъ лошадей. Между тѣмъ въ войскахъ, оставшихся на позиціи, наблюдалось сильное движеніе: кавалерія, находившаяся въ шагахъ отъ отряда, собираясь въ группы, срывала значки и, вскочивъ на коней, съ дикимъ гиканьемъ неслась назадъ къ Коканду. Такъ же поступила артиллерія, бросивъ орудія на позиціи; уходила и пѣхота. Сначала трудно было рѣшить, бросились ли солдаты навстрѣчу мятежникамъ, или сами измѣнили хану и бѣжали. Оказалось послѣднее. Для отряда нашего моментъ наступилъ критическій. Скобелевъ командовалъ стать къ ружью и, ожидая нападенія, рѣшилъ не сдаваться дешево. Неизвѣстно, что бы произошло, если бы на выручку не явился къ Скобелеву бѣглый сибирскій казакъ Евграфъ, много лѣтъ проживавшій въ Кокандѣ. Онъ предупредилъ, что рѣшено уничтожить отрядъ, и убѣждалъ Скобелева, не медля ни минуты, сняться съ позиціи и ѣхать садами, довѣрясь ему, Евграфу, который и проведетъ ихъ. Дѣйствительно, только благодаря Евграфу отрядъ не заблудился въ лабиринтъ улицъ огромнаго кишлака Гау-Хане. Итти пришлось, все время отбиваясь отъ стремительныхъ атакъ кавалеріи, которая, измѣнивъ хану, рыскала на этомъ пути. Самъ Скобелевъ неотлучно находился въ аррьергардѣ и своимъ хладнокровіемъ и распорядительностью поддерживалъ порядокъ. Нѣсколько разъ онъ спѣшивалъ казаковъ, чего азіаты страшно боятся, и тогда они отскакивали; но едва казаки сядились на коней—тѣ немедленно насѣдали. Было очень соблазнительно пустить въ ходъ орудія, чтобы проучить наглецовъ. Но Скобелевъ, связанный словомъ, даннымъ дипломату, поневолѣ сдерживалъ и себя, и казаковъ... По выходѣ изъ садовъ на поляну отрядъ попалъ подъ огонь пяти орудій, причемъ былъ убитъ джигитъ и мальчикъ изъ свиты купцовъ. Здѣсь пришлось бросить арбы съ купеческимъ имуществомъ, подъ тяжестью котораго падали лошади, совсѣмъ обезсиленные; на это надо было рѣшиться въ виду опасности, что мятежники подкатятъ всѣ орудія, оставшіяся на позиціи.

Больше часа длился этотъ томительный переходъ, и когда отрядъ присоединился къ хану, то засталъ его сидящимъ подъ краснымъ флагомъ, отстрѣливающимся отъ насѣдавшаго непріятели, причемъ у него было восемь убитыхъ и девять человекъ раненыхъ.

При дальнѣйшемъ совмѣстномъ пути съ ханомъ русскіе замѣчали, какъ таяла личная охрана Худояра: кучки въ пять-семь человекъ отставали мало-по-малу, а потомъ и вовсе исчезали. Въ

то же время наблюдалось и такое явленіе: по сторонамъ дороги, слѣдя за нашимъ движеніемъ, ѣхали на разныхъ разстояніяхъ десятки всадниковъ. Это было очень странно и объяснилось только впоследствии, что инсургенты отравили четыреста человекъ конницы при одиннадцати орудіяхъ на пересѣченіе нашего пути. Однако ханъ, хорошо зная свой хитрый народъ, перехитрилъ его: подозрѣвая возможность нападенія съ этой стороны, онъ перемѣнилъ направленіе своего пути и сдѣлавъ двадцать верстъ крюку, вышелъ на другую сторону.

Не питая никакого довѣрія ни къ свитѣ хана, ни къ сопровождавшимъ его сарбазамъ и опасаясь, что во всякій моментъ они могутъ напасть на отрядъ, Скобелевъ предпочелъ, выйдя изъ аррьергарда, идти саженяхъ въ ста въ сторонѣ отъ хана. Такъ и шли они всю ночь безостановочно, но спокойно. Подъ утро со стороны ханскаго пути слышалась перестрѣлка и велѣдъ за тѣмъ явился посланный, прося прислать часть казаковъ для защиты хана. Но Скобелевъ не считъ возможнымъ раздѣлить горсть нашихъ людей и предложить хану самому поспѣшить подъ защиту отряда. Тогда ханъ прислалъ арбы съ женами и младшаго сына Урманъ-Бека. Нашъ отрядъ, пропустивъ эти повозки, сомкнулся въ аррьергардѣ. Довѣряя свои сокровища русскимъ, ханъ опредѣлялъ цѣну своимъ приближеннымъ...

Перестрѣлка и крики еще продолжались, но серьезнаго уже ничего не произошло. Встрѣтивъ на пути высокій песчаный барханъ, Скобелевъ командовалъ казакамъ налѣво кругомъ и вмѣстѣ съ ними поднялся на возвышеніе, чтобы показать кокандцамъ, что «бѣлыя рубахи» (лѣтняя одежда туркестанскихъ солдатъ) и офицеръ на бѣлой лошади зорко слѣдятъ за ними... Велѣдъ за тѣмъ тихимъ шагомъ, съ пѣснями они спустились и двинулись впередъ.

Люди пробыли безъ пищи тридцать шесть часовъ; изъ нихъ шесть часовъ шли съ непрерывнымъ боемъ, но шли бодро, слѣдуя примѣру своего начальника, сумѣвшаго поддержать ихъ духъ и внушить полное къ себѣ довѣріе. Купцы наши держали себя также хорошо. Кромѣ убитыхъ мальчика и джигита, никто больше не пострадалъ.

Вейнбергъ не могъ добиться отъ хана категорическаго отвѣта, перейдетъ ли онъ русскую границу, или останется въ предѣлахъ ханства? Очевидно, онъ еще надѣялся, что партія его увеличится присоединеніемъ отрядовъ попутныхъ бековъ и встрѣчавшихся на пути сельскихъ обществъ. Но не только этого не случилось, а и тѣ, что вышли съ нимъ, оставляли его...

Когда дошли до крѣпости Махрамъ, Вейнбергъ объявилъ хану миссію свою законченной: онъ былъ посланъ къ владѣтелю Коканда, котораго и не оставлялъ до прихода въ послѣднюю коканд-

скую крѣпость, а затѣмъ, сказалъ онъ, русскіе уйдутъ. Вейнбергъ спросилъ, желаетъ ли ханъ здѣсь остаться, или уйдетъ въ Россію. Худояръ отвѣчалъ, что въ Махрамѣ онъ не останется. Этимъ отвѣтомъ предрѣшалась судьба ханства...

Продолжая путь, отрядъ былъ встрѣченъ пятьюдесятью конными стрѣлками, посланными ему на подмогу. Но банды, безпокоившія отрядъ, уже отхлынули, и 24-го іюля ханъ и послы пріѣхали въ Ходжентъ. Хана, еще не развѣнчаннаго Россіей, встрѣтили въ назначенномъ ему помѣщеніи съ почетнымъ карауломъ и музыкой; довольно сочувственно отнеслись къ нему и мѣстные жители. Но ханъ искалъ покоя и уклонялся отъ пріемовъ. Пережитыя волненія на него повліяли, нравственно и физически онъ замѣтно опустился.

Не лишнимъ будетъ привести здѣсь письмо Худояръ-хана къ генераль-губернатору, посланное изъ Ходжента.

Переводъ: «6 реджеба 1292 г. (26-го іюля 1875 г.)»

«Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я имѣлъ честь увѣдомить ваше высокопревосходительство о затруднительномъ положеніи моемъ вслѣдствіе измѣны главныхъ сановниковъ ханства. 22-го іюля я рѣшился выступить изъ столицы и ожидать мятежниковъ, приближавшихся къ Коканду, въ полѣ.

«Дорогіе мои гости, гг. Вейнбергъ и полковникъ Скобелевъ, а также Мирза-Хакимъ-перваначи, выѣхали вмѣстѣ со мной и, несмотря на нѣсколько разъ повторявшееся преслѣдованіе бунтовщиковъ и перестрѣлку, не отставали отъ меня. На подобный поступокъ способны лишь русскіе. Когда мои собственные приближенные измѣняли и бѣжали, они стойко слѣдовали за мной, и, не будь ихъ, можетъ быть, я не добрался бы до русской границы. Офицеровъ¹⁾ этихъ прислала мнѣ судьба, и я никогда не забуду услугу, оказанную мнѣ русскими людьми.

«Въ настоящее время, добравшись до Ходжента, мы проживаемъ здѣсь въ полномъ спокойствіи и благополучіи, подъ покровительствомъ великаго Бѣлаго царя.

«Имѣю полную надежду, что вы, старый другъ нашъ, не откажете намъ въ это время въ вашей помощи. Богъ милостивъ. Скоро устроитъ наше свиданіе. Ханство Кокандское и я самъ находимся въ вашей власти».

Это былъ послѣдній актъ его ханскаго самовластия.

Что касается Скобелева, то кокандскій эпизодъ былъ прелюдіей къ послѣдовавшимъ военнымъ событіямъ, сыгравшимъ видную роль въ карьерѣ Михаила Дмитріевича. Но и за это дѣло онъ былъ отмѣченъ высокой наградой: по ходатайству генерала Кауфмана, «за геройское, достойное русскаго имени поведеніе» флигель-адъ-

¹⁾ При Скобелевѣ состоялъ подп. Рудневъ.

ютанту полковнику Скобелеву пожалована золотая сабля, съ надписью: «за храбрость» ¹⁾).

Нечего и говорить, насколько усилилась зависть въ старыхъ недругахъ Скобелева и сколько еще новыхъ завистниковъ онъ приобрѣлъ.

IV.

Кокандское возстаніе встревожило всю восточную часть Туркестана, особенно же сосѣдніе съ ханствомъ уѣзды—Курамнискій и Ходжентскій. Вожаки мятежа выслали сюда эмиссаровъ съ прокламаціями о хазаватѣ, но въ то же время отправили къ Кауфману посольство, надѣясь усыпить нашу бдительность и кстаги провѣдать наши силы.

Посольство прибыло въ Ташкентъ 31-го іюля и вручило начальнику края письмо новаго хана Нассыр-Эддина—старшаго сына Худояра. Молодой ханъ, увѣдомляя генерала Кауфмана о своемъ избраніи, выражалъ надежду, что могущественный сосѣдь не лишитъ его того же дружескаго расположенія, какимъ Россія удостоивала прежняго правителя. Такія же надежды выражали и вожди переворота—Исса-Ауліэ и Абдурахманъ-Автобачи, письма которыхъ послы также представили генераль-губернатору.

Кауфманъ, какъ опытный администраторъ, изучившій азіатскую натуру, имѣя къ тому же свѣдѣнія о тайныхъ проискахъ въ средѣ нашего мусульманскаго населенія, принялъ пословъ милостиво и, бесѣдуя съ ними, сдѣлалъ видъ, что вѣритъ ихъ желаньямъ установить добрососѣдскія отношенія, но, указавъ, что лояльное поведеніе хана и его народа лучше всякихъ словъ докажетъ ихъ искренность, предупредилъ, что не потерпитъ безпорядковъ на нашей границѣ и пресѣчетъ ихъ, буде понадобится, силою. Во избѣжаніе осложненій вслѣдствіе пребыванія сверженнаго хана въ нашемъ пограничномъ Ходжентѣ, Худояру было предложено переехать въ Ташкентъ и вскорѣ пришлось отправить его съ семьей въ Оренбургъ на жительство.

Едва отпущенные послы успѣли доѣхать до своей столицы, какъ начались событія, вынудившія насъ взяться за оружіе.

Въ ночь за 7-е августа 1875 г. пришло донесеніе, что кокандцы вторглись въ наши предѣлы, заняли селеніе Абыкъ, бросились на ташкентско-ходжентскій трактъ, сожгли три станціи, зарѣзали старость и нѣсколькихъ проѣзжающихъ, а ямщиковъ забрали въ плѣнъ. Въ ту же ночь къ командиру войсками былъ вызванъ генералъ Головачевъ и, получивъ инструкціи, уже въ пять часовъ

¹⁾ Приказъ по войскамъ турк. воен. округа. «Туркестанскія Вѣдомости», 1875 г. № 51.

утра выступилъ съ четырьмя сотнями казаковъ и дивизиономъ артиллеріи къ укрѣпленію Тиляу. Утромъ же 7-го августа отправлены къ нему два стрѣлковыхъ батальона.

Это были лишь первые симптомы вѣроломства сосѣда, только что искавшаго дружескихъ отношеній. Вскорѣ обнаружилось, что поднятое Абдурахманомъ знамя пророка пробудило фанатизмъ всего Кокандскаго ханства, что столица сильно укрѣпляется и что главныя силы непріятеля сосредоточиваются на позиціи Бишь-Арыкъ, близъ крѣпости Махрамъ.

Нельзя было ограничиваться разгромомъ и изгнаніемъ шаекъ изъ нашихъ предѣловъ и оставлять безнаказанной дерзость мятежнаго сосѣда. Предупредить грозу въ Средней Азии можно, какъ доказывалъ опытъ, только быстрыми и рѣшительными мѣрами, а потому уже 9-го августа 1875 г. командующій войсками Туркестанскаго округа издалъ слѣдующій приказъ:

«Усилія мои установить мирныя сосѣдскія отношенія съ новымъ правительствомъ въ Кокандѣ, водворившимся тамъ послѣ переворота и послѣ оставленія Худояръ-ханомъ его столицы и отступленія его къ нашей границѣ въ Ходжентъ, не увѣнчались успѣхомъ. 6-го августа партія вооруженныхъ кокандцевъ осмѣлилась вторгнуться въ наши предѣлы со стороны Намангана и заняла нашъ кишлакъ Аблькъ. Кокандцы начали войну и открыли противъ насъ враждебныя дѣйствія. Такой образъ дѣйствій не можетъ быть терпимъ и не представляетъ никакой гарантіи для спокойствія въ будущемъ. Находясь вынужденнымъ этими обстоятельствами предпринять наступательное движеніе противъ Коканда, предписываю сосредоточить въ Ходжентѣ дѣйствующій отрядъ».

(Поименованы: 18 ротъ, 9 сотенъ казаковъ съ 8 ракетными станками и 3 дивизиона артиллеріи, при 20 орудіяхъ).

Сохраняя за собою главное руководство военными дѣйствіями въ предстоящемъ походѣ, генералъ Кауфманъ назначилъ начальникомъ передового отряда генералъ-лейтенанта Головачева. Въ сформированномъ полковомъ штабѣ состояли: начальникъ штаба свиты его величества генералъ-майоръ Троцкій, начальникъ артиллеріи генералъ-лейтенантъ Жариновъ, начальникъ инженеровъ генералъ-майоръ Богаевскій, отрядный интендантъ Касьяновъ, главный врачъ Суворовъ. Состоящими въ распоряженіи командующаго: полковникъ флигель-адъютантъ графъ Бергъ, полковникъ флигель-адъютантъ Скобелевъ, полковникъ Бревернъ-де-ла-Гарди, флигель-адъютантъ ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій.

Такъ начался кокандскій походъ.

Е. Толбуховъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

СКОБЕЛЕВЪ ВЪ ТУРКЕСТАНЪ ¹⁾.

VIII.

АКЪ ни желательно было немедленное выступленіе, но снаряженіе транспортовъ и распоряженія по устройству тыла задерживали маршъ колоннъ, и только 18 августа главные силы сосредоточились въ Ходжентъ. Между тѣмъ въ теченіе этого времени передовой отрядъ Головачева и гарнизонъ мѣстныхъ ходжентскихъ войскъ выбивали вторгнувшихся кокандцевъ, которые, разбившись на отдѣльные отряды, дѣйствовали въ разныхъ пунктахъ. Первый натискъ шеститысячнаго скопища былъ отраженъ съ огромнымъ для непріятеля урономъ генераломъ Головачевымъ подъ Тиляу. Остатокъ ихъ пытался еще разъ сразиться и, собравшись послѣ бѣгства бандой до 800 человѣкъ, былъ встрѣченъ полк. Елгаштинимъ съ сибирскими казаками и начисто уничтоженъ. Одновременно большой опасности подвергался Ходжентъ, на который надвинулись съ трехъ сторонъ до 25 тысячъ кокандцевъ. Въ Ходжентъ въ это время было батальонъ и двѣ роты пѣхоты, уѣздная команда, сотня казаковъ и батарея артиллеріи. Одна часть этихъ войскъ, подъ начальствомъ полковника Савримовича, отразила нападеніе непріятеля и прогнала его за сады къ кокандской дорогѣ. Другой отрядъ нанесъ поражение 10-тысячному скопищу изъ Сакмара. Наконецъ взводъ уѣздной команды залпомъ на бѣгу и дружнымъ ударомъ въ штыки прогналъ коканд-

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор., Вѣстн.», т. СХСѢІ, стр. 107.

цевъ, занявшихъ уже Наусскія ворота. Вслѣдъ за тѣмъ была организована дальнѣйшая оборона города и цитадели и стали подходить войска, посланныя Кауфманомъ.

Какъ ни велики были потери кокандцевъ, но не всѣ полегли или успѣли спастись въ предѣлы ханства; оставшіеся раскинулись по окрестностямъ. Кауфманъ распорядился образовать нѣсколько рекогносцировочныхъ партій для преслѣдованія этихъ шаекъ и для ознакомленія съ настроеніемъ населенія, взбудораженнаго вторженіемъ непріятели. Однимъ изъ такихъ легучихъ отрядовъ командовалъ Скобелевъ и сразу выдвинулся молодецкими дѣлами. Выступивъ изъ Ташкента съ тремя сотнями казаковъ и ракетнымъ взводомъ, онъ обошелъ всю сѣверо-восточную часть Кураминскаго уѣзда и въ теченіе двухъ дней сдѣлалъ 175 верстъ, изъ которыхъ 50 верстъ очень трудной, горной дороги. Люди этого отряда были бодры и веселы, и ни одна лошадь не пострадала. Такими они представились командующему войсками. Жители всей обойденной части уѣзда не проявляли никакого сочувствія къ кокандцамъ, занимались спокойно полевыми работами и настолько довѣрчиво относились къ русской власти, что указывали отряду мѣста, гдѣ можно было достигнуть шайки. Скобелевъ сдѣлалъ нѣсколько такихъ набѣговъ, выступая всякій разъ въ 3 часа ночи и неутомимо преслѣдуя и прогоняя непріятели. На пути его лежало селеніе Сакмаръ, гдѣ было значительное скопище кокандцевъ и куда, въ подмогу Скобелеву, былъ посланъ графъ Борхъ съ отрядомъ. Но, не дожидаясь помощи, Скобелевъ съ двумя сотнями оренбуржцевъ и ракетнымъ дивизиономъ разнесъ всю шайку, причемъ въ атакѣ ея одинъ казакъ былъ раненъ пашкой въ руку. Очистивъ такимъ набѣгомъ весь пройденный путь и оставивъ небольшой наблюдательный постъ въ Сакмарѣ, Михаилъ Дмитріевичъ пришелъ въ Ходжентъ на соединеніе съ главными силами.

Образованіе рекогносцировочныхъ отрядовъ служило какъ бы экзаменомъ для ихъ начальниковъ, и дѣйствія Скобелева заслужили ему назначеніе командовать кавалеріей отряда... Это видное отличіе Скобелева разочаровало многихъ, мечтавшихъ его получить, и, умноживъ списокъ недруговъ М-ла Д-ча, создало еще ему непримиримаго врага въ лицѣ полковника N., который, будучи нѣсколько старше его, мнилъ себя несомнѣннымъ кандидатомъ на этотъ постъ. Принадлежа къ высшему петербургскому обществу, N., затаивъ злобу, воспользовался впослѣдствіи своими большими связями въ столицѣ и, распуская тамъ о Скобелевѣ неблагоприятныя (и лживыя — прибавимъ мы) слухи, не мало навредилъ ему, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго.

Первымъ и рѣшающимъ дѣломъ кокандскаго похода былъ бой подъ Махрамомъ.

Хотя мы привыкли къ побѣдамъ въ Средней Азіи, гдѣ военный строй европейскихъ государствъ имѣетъ всѣ преимущества надъ сильными своимъ фанатизмомъ, но слабо организованными массами, но никогда еще торжество здѣсь русскаго оружія не обнаруживалось такъ рельефно, какъ въ сраженіи подъ Махрамомъ, которое однимъ ударомъ передало все ханство во власть Россіи. Побѣда здѣсь была молніеносной, между тѣмъ какъ непріятель именно тутъ рассчитывалъ погубить насъ.

Нужно отдать справедливость врагу, что планъ его былъ недурно построенъ, а 50 тысячъ людей, состоявшихъ изъ регулярныхъ кокандскихъ войскъ и воинственныхъ кипчаковъ и каракиргизовъ, подъ предводительствомъ самого Абдурахмана-Автомачи, были силой внушительной.

Крѣпость Махрамъ представляла большія выгоды въ топографическомъ отношеніи. Долина рѣки Сыръ-Дарьи тутъ суживается горами, близко подходящими къ рѣкѣ, и такимъ образомъ мѣстность у Махрама образуетъ какъ бы ворота, ведущія изъ Ходжента въ Кокандское ханство. Позиція передъ Махрамомъ, сильно укрѣпленная, представляла продолженіе фасовъ крѣпости. Какъ въ самой крѣпости, такъ и на позиціи было поставлено 40 орудій. Низменная мѣстность передъ Махрамомъ была затоплена и превращена въ глубокое болото, трудно проходимое для войскъ съ артиллеріей. Всѣ предгорья до самой позиціи были заняты густыми массами непріятельской конницы. Кокандцы рассчитывали, что затопленная мѣстность затруднитъ наступленіе, а въ это время изъ крѣпости и съ позиціи войска наши подвергнутся огню артиллеріи изъ 40 орудій; кавалерію же рѣшено было тѣснить съ фланга и затоптать наши девять сотенъ тысячами наѣздниковъ-кипчаковъ. Но замыслы кокандцевъ были разрушены.

«20-го августа генераль-адъютантъ Кауфманъ двинулся изъ Ходжента на Махрамъ налегкѣ. Отрядъ его состоялъ изъ 16 ротъ, 9 сотенъ съ 8 ракетными станками и 20 орудій, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Головачева; кавалеріей командовалъ флигель-адъютантъ полковникъ Скобелевъ. Въ первый день отрядъ прошелъ половину пути (отъ Ходжента до Махрама 45 верстъ) и остановился на кокандской границѣ. Непріятель нигдѣ не показывался. 21-го августа, продолжая движеніе, отрядъ долженъ былъ перестроиться въ боевой порядокъ, чтобы отражать огнестрѣльнымъ оружіемъ нападеніе непріятельской конницы, и остановился на ночлегъ у селенія Каракчикумъ, вблизи Махрама.

«22-го августа Кауфманъ атаковалъ махрамскую позицію, но не съ фронта, а обходомъ съ лѣваго фланга и съ тыла. Войска выступили съ ночлега въ 5 часовъ утра и двинулись въ юго-запад-

номъ направленіи отъ с. Каракчикумъ. Кавалерія слѣдовалаправлѣ пѣхоты. Непрiятельская конница, силою свыше 15 тысячъ человекъ, окружала наши войска справа, съ тыла и слѣва; но орудійные выстрѣлы и ракеты держали ее въ отдаленіи. Когда войска прошли такимъ образомъ непрiятельскую позицію, Кауфманъ круто повернулъ ихъ налѣво и двинулъ передовыя части пѣхоты во флангъ, а кавалерію въ тылъ позиціи. Непрiятель открылъ по нимъ, на разстояніи двухъ верстъ, канонаду изъ 10 орудій, собранныхъ во фланговомъ окопѣ махрамской позиціи. Когда войска миновали совершенно фронтъ непрiятельскаго расположенія и находились противъ фланга его позиціи, генераль-адъютантъ Кауфманъ перемѣнилъ фронтъ пѣхоты на четверть круга налѣво и выдвинулъ на линію 12 орудій, обстрѣлялъ непрiятельскую позицію и поручилъ генераль-лейтенанту Головачеву взять артиллерию и 2 стрѣлковыхъ батальона и итти въ атаку. Генераль Головачевъ два раза еще останавливалъ атакующія части для обстрѣливанія непрiятеля артиллерійскимъ огнемъ. Съ послѣдней позиціи, въ ста саженьяхъ отъ непрiятельскихъ окоповъ, батальоны перестроились въ ротныя колонны въ двѣ линіи и пошли въ атаку. Въ четверть часа непрiятельскія укрѣпленія съ 2 орудіями были взяты, а непрiятель прогнанъ, перерубленъ и переколотъ. Вслѣдъ за этимъ 1-й стрѣлковый батальонъ направился къ крѣпости общюю колонною, прикрываясь густою цѣпью стрѣлковъ, прошелъ фланговымъ движеніемъ вдоль южнаго и восточнаго фасовъ крѣпости, бросился черезъ мостъ къ ея воротамъ, выломалъ ихъ, ворвался въ крѣпость и занялъ ее, захвативъ 16 орудій и множество оружія, пороху, снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ. Непрiятель бѣжалъ къ рѣкѣ и, поражаемый выстрѣлами изъ берданокъ съ близкой дистанціи, понесъ громадныя потери.

«Кавалерія, находясь передъ началомъ атаки на правомъ флангѣ боевого расположенія войскъ, конно-артиллерійскимъ дивизиономъ помогла подготовкѣ атаки непрiятельской позиціи, а ракетная батарея, безъ непосредственнаго прикрытія, отразила натискъ непрiятельской конницы справа. Затѣмъ полковникъ Скобелевъ съ двумя сотнями казаковъ, за которыми приказалъ слѣдовать еще тремъ сотнямъ и дивизиону ракетной батареи, направился къ махрамскимъ садамъ и, замѣтивъ, что впереди, вдоль берега Сыръ-Дарьи, отступаютъ съ позиціи значительныя массы непрiятельской пѣхоты и конницы (свыше 6 т.), стремительно, безъ выстрѣла, атаковалъ ихъ во флангъ, отбилъ два орудія и гналъ непрiятеля по кокандской дорогѣ на протяженіи болѣе 10 верстъ. Въ 3 часа пополудни, вслѣдствіе утомленія казаковъ, полковникъ Скобелевъ прекратилъ преслѣдованіе и возвратился къ Махраму»¹⁾.

¹⁾ Макшеевъ, стр. 333.

Лихой натискъ нашей кавалеріи былъ самымъ блестящимъ дѣломъ ея въ Средней Азіи. Дѣло подѣ Махрамомъ обошлось намъ въ 6 человѣкъ убитыми и 8 ранеными. Среди нихъ убитымъ былъ штабъ-офицеръ Хорошкинъ и легко раненъ Скобелевъ. Непріятель понесъ огромную потерю въ людяхъ, не считая орудій и множества военныхъ и продовольственныхъ запасовъ. Абдурахманъ бѣжалъ въ Маргеланъ.

О боѣ этомъ генералъ Кауфманъ послалъ государю слѣдующую телеграмму: «Богъ благословилъ наше оружіе; непріятель на голову разбитъ. Войска вашего императорскаго величества вели себя славно, молодецки. Дѣло сдѣлано чисто».

Послѣдняя фраза многимъ не нравилась, но государь понялъ ея строго военный смыслъ и въ отвѣтъ на побѣду наградилъ генерала Кауфмана шпагой, алмазами украшенной, съ надписью: «За пораженіе кокандцевъ 22-го августа 1875 г.», и удостоилъ телеграммой: «Съ душевнымъ удовольствіемъ прочелъ я телеграмму о славномъ боѣ 22-го августа. Спасибо тебѣ и всѣмъ твоимъ подчиненнымъ за новые подвиги, которыми вы себя ознаменовали. Буду съ нетерпѣніемъ ждать подробнаго донесенія и представленія отличившихся».

Въ первую очередь этихъ отличившихся были поставлены Кауфманомъ: генералъ Головачевъ, получившій Бѣлаго Орла, и полковникъ Скобелевъ, произведенный въ генералы, съ зачисленіемъ въ свиту.

Простоявъ бивуакомъ у Махрама три дня, дѣйствующій отрядъ, въ томъ же составѣ, выступилъ къ Коканду. Движеніе его въ столицѣ уподобилось торжественному шествію: на протяженіи 80 верстъ между Махрамомъ и Кокандомъ жители всѣхъ селеній наперерывъ одни передъ другими высылали депутаціи съ хлѣбомъ-солью и съ выраженіемъ покорности. Въ полдень 29-го августа войска заняли столицу безъ всякаго сопротивленія. Ханъ Насырь-Эдинъ выѣхалъ навстрѣчу генералу Кауфману и, повергая себя и свою столицу къ стопамъ Бѣлаго царя, молилъ о пощадѣ и прощеніи.

IX.

Разгромъ крѣпости, считавшейся надежнѣйшимъ оплотомъ противъ движенія русскихъ вглубь страны, полное пораженіе регулярной арміи и отнятіе всѣхъ орудій, уничтожая военную силу ханства, рушило и все его политическое значеніе.

Осѣдлое населеніе, трудолюбивое и вполне мирное, принимавшее участіе въ смутѣ и войнѣ лишь подѣ давленіемъ кипчаковъ, не только смирилось, но и черезъ своихъ старшинъ, кази-киляновъ, аминовъ и др., встрѣчавшихъ генерала Кауфмана, выражало

ему благодарность за то, что онъ избавлялъ ихъ отъ «разбойниковъ», т.-е. кипчаковъ, всегда тѣснившихъ мирныхъ жителей.

Но кипчаки, считавшіе себя господствующимъ племенемъ, хотя и понесли сильный уронъ подъ Махрамомъ, побѣжденными себя не признавали и съ повинной не являлись.

Отсюда начинается новый фазисъ кокандской экспедиціи— усмиреніе буйныхъ кочевниковъ, не подчинявшихся и ханской власти.

Во время отдыха войскъ подъ Кокандомъ пришло извѣстіе изъ Маргелана, что Автобачи собираетъ тамъ свою разстроенную рать. Кауфманъ выступилъ туда съ отрядомъ 5-го сентября и, пройдя 76 верстъ, пришелъ къ Маргелану 8-го числа. Но Абдурахманъ отступилъ съ 5 тысячами войска и 4 орудіями къ Ассакѣ и Ушу. Въ тотъ же вечеръ для преслѣдованія его былъ высланъ отрядъ подъ начальствомъ полковника Скобелева, изъ 6 сотенъ, ракетной батареи, дивизиона конныхъ орудій и 2-хъ ротъ, посаженныхъ на арбы. Лихо повелъ дѣло Скобелевъ. Съ 9 часовъ вечера 8-го сентября до 7 часовъ утра 9-го числа, т. е. въ продолженіе 10 часовъ, съ двумя остановками по 10 минутъ, казаки сдѣлали 68 верстъ до Минь-Тюбе, настигли и поразили хвостъ скопища Автобачи; а 10-го числа съ полуночи, продолжая преслѣдованіе, подобрали три орудія, брошенныя Автобачи, и въ 9 часовъ утра заняли городъ Ушъ. Послѣ стычки подъ Минь-Тюбе отступление Автобачи приняло характеръ совершеннаго бѣгства. Изъ пятитысячнаго войска при немъ осталось только около 400 джигитовъ и 4 орудія; а 10-го числа, преслѣдуемый по пятамъ, онъ бросилъ орудія и менѣе чѣмъ съ сотнею джигитовъ достигъ селенія Карасу (между Андижаномъ и Узгентомъ). 11-го сентября Скобелевъ снялся съ позиціи около Уша и 13-го вернулся въ Маргеланъ.

Когда Автобачи ушелъ изъ Маргелана, къ Кауфману явилась депутація отъ этого города съ заявленіемъ поздней покорности. Кауфманъ принялъ ее сурово. Маргеланцамъ было извѣстно воззваніе командующаго войсками, предупреждавшее жителей ханства о примѣрной карѣ того города, который приметъ скинше Абдурахмана. Несмотря на это, именно изъ Маргелана началось возстаніе; городъ этотъ сочувствовалъ Автобачи и принималъ его вопреки предупрежденія, а потому на городъ была наложена контрибуція.

Между тѣмъ, получая со всѣхъ сторонъ ханства успокоительныя извѣстія, ген. Кауфманъ пригласилъ къ себѣ хана Нассыр-Эдина для заключенія съ нимъ мирнаго договора. По этому договору, подписанному 23 сентября, вся сѣверная часть кокандской территоріи, по правую сторону Сыръ-Дарьи, бывшее Наманганское бекство, отходила къ русскимъ владѣніямъ. Въ тотъ же день дѣйствующій отрядъ туда направился. Съ занятіемъ На-

мангана достигался важный, осязательный результатъ экспедиціи: граница наша съ ханствомъ выдвигались почти на 200 верстъ и отстояла теперь всего въ 70 верстахъ отъ столицы. Приобрѣтеніе этой территоріи ставило насъ на порогѣ земель, занятыхъ безпокойнымъ кипчакскимъ населеніемъ, что, вмѣстѣ съ устройствомъ въ Наманганѣ укрѣпленія съ сильнымъ гарнизономъ, открывало намъ несомнѣнное вліяніе на дѣла ханства. Въ предвидѣніи будущихъ событій Наманганскій округъ являлся важнымъ передовымъ пунктомъ, и на завидную долю получить въ немъ начальствованіе было много претендентовъ...

Но, очевидно, Кауфманъ уже намѣтилъ свой выборъ. На маршѣ къ Намангану, остановясь бивуакомъ на правомъ берегу Дарьи, у переправы Минь-Булакъ, 25 сентября 1875 г. командующій войсками издалъ такой приказъ: «Впредь до высочайшаго соизволенія, земли праваго берега Сыръ-Дарьи, отъ границы нашей противъ урочища Обхурека до рѣки Нарына, входившія до сего въ составъ владѣній кокандскаго хана, переходятъ въ русское управленіе. Начальникомъ этого управленія въ Наманганскомъ краѣ, а также и войскъ, въ немъ оставляемыхъ, назначается флигель-адъютантъ полковникъ Скобелевъ».

Полнота вручаемой Михаилу Дмитриевичу широкой и самостоятельной власти доказывала, конечно, полное къ нему довѣріе генераль-губернатора. Зато назначеніе Скобелева, не занимавшаго до той поры никакого административнаго поста, уязвило самолюбіе многихъ болѣе старыхъ, имѣвшихъ уже служебный опытъ и, конечно, значительно расширило кадры его завистниковъ и враговъ... Но Кауфману нуженъ былъ на этой передовой позиціи смѣлый и рѣшительный военный, человѣкъ наблюдательный, вѣрно оцѣнивающій событія и въ то же время раздѣляющій взглядъ самого начальника края на систему управленія, положенную имъ въ основу политики, примѣняемой къ народамъ Средней Азіи. Все это онъ нашелъ въ Скобелевѣ.

Какова была эта политика, ясно опредѣлилось въ короткой рѣчи Кауфмана къ представителямъ народа, явившимся къ нему въ Наманганѣ. Благодаря собравшимся и увѣщевая ихъ жить по закону, генераль-адъютантъ Кауфманъ сказалъ: «Русскій законъ требуетъ, чтобы каждый жилъ мирно, по совѣсти, молился, работалъ и богатѣлъ. Пусть каждый изъ васъ живетъ такъ, какъ того требуетъ законъ, и молится Богу такъ, какъ его научили отцы. Богъ единъ; и русскіе, и мусульмане всѣ молятся одному Богу; и русскій законъ не насилуетъ ничьей совѣсти, не требуетъ, чтобы молились Богу такъ, а не иначе. Онъ требуетъ только доброй, справедливой жизни» ¹⁾.

¹⁾ «Турк. Вѣд.» 1875 г. № 40.

По переправѣ всего отряда русское «ура», провозглашенное за здравіе государя императора, впервые огласило земли Намангана. Затѣмъ генераль-адъютантъ Кауфманъ обратился къ толпившимся кругомъ него войскамъ съ слѣдующими словами: «Перекрестись, ребята! Мы теперь уже на своей землѣ и дай Богъ, чтобы и здѣсь прошла о насъ изъ конца въ конецъ добрая слава»¹⁾.

Вскорѣ по прибытіи отряда въ Наманганъ пришло извѣстіе, что въ восточной части ханства снова поднялась кипчаки и опять проявился неуловимый Абдурахманъ. Послѣ разгрома его скопища Скобелевымъ слухи объ Автобачи временно смолкли. Одни говорили, что онъ нашель убѣжище въ Кашгарѣ, другіе увѣряли, что онъ ушелъ въ Мекку, въ одеждѣ нищенствующаго монаха (диваны). Но, очевидно, слухи были пущены, чтобы отвлечь отъ агитатора наше вниманіе, такъ какъ оказалось, что онъ скрывался въ окрестностяхъ Андижана. Городъ этотъ надо считать столицей кипчаковъ, самаго воинственнаго племени въ Средней Азіи, и всѣ окрестныя мѣстности сплошь населены этимъ народомъ.

Какъ только стало извѣстно, что мы выведемъ наши войска изъ ханства и займемъ лишь правый берегъ Сыръ-Дарьи, какъ приверженцы Автобачи начали группироваться вокругъ него. Кипчаки сильнаго рода кучай первые объявили, что они никогда не выдадутъ своего сородича и будутъ крѣпко за него стоять. Жители Андижана также стали на его сторону. Отсюда Автобачи разослалъ во всѣ окрестные города и селенія воззванія къ новому газавату. Тысячи приверженцевъ стали собираться къ популярному вождю, принося клятву защищаться до послѣднихъ силъ и не отступать, несмотря ни на какія потери. Тѣ немногіе изъ старѣйшинъ города, что ему не сочувствовали, скрылись, и Автобачи приказалъ разграбить ихъ дома. Вскорѣ въ Андижанѣ, ставшемъ мѣстомъ сборища, скопилось 70 тысячъ вооруженныхъ людей.

Андижанъ не имѣлъ прочной оборонительной стѣны, съ башнями и бойницами; какія устроены въ другихъ укрѣпленныхъ средне-азиатскихъ городахъ, а потому собравшіеся въ Андижанѣ кипчаки рѣшили баррикадировать улицы, въ окрестностяхъ города устраивать засады и приводить въ оборонительное положеніе всѣ сакли (дома) и мечети на предполагаемыхъ путяхъ наступленія русскихъ. Всѣмъ дѣломъ руководилъ Автобачи, и встрѣча готовилась не шуточная, принимая въ соображеніе 70 тысячъ защитниковъ. Кромѣ того, Абдурахманъ, недовольный ханомъ Нассырь-Эдиномъ, искавшимъ милости и покровительства Россіи, объявилъ его низложеннымъ и выдвинулъ на ханскій престолъ Пулатъ-бека

¹⁾ Тамъ же.

молодого и энергичнаго кара-киргиза, родственника раньше сверженнаго Худояра. Пулатъ привелъ въ Андижанъ 15 тысячъ своихъ всадниковъ, которые должны были дѣйствовать заодно.

Кипчакское возстаніе въ Андижанѣ, грозившее разлиться по всему ханству, необходимо было подавить въ самомъ началѣ. Нападеніе въ Маргеланъ указывало, что кипчаки не задумаются напасть и на столицу, гдѣ Нассыр-Эдинъ могъ собрать только самое незначительное войско. Дѣло легко могло принять крайне неблагопріятный оборотъ для хана, особенно въ виду популярности между кара-киргизами и кипчаками его соперника—Пулатъ-бека.

Въ виду всего этого генераль-адъютантъ Кауфманъ рѣшилъ немедленно двинуть къ Андижану отрядъ изъ 5¹/₂ ротъ пѣхоты, 3¹/₂ сотенъ казаковъ, 8 орудій конныхъ и ракетнаго дивизіона. Начальствованіе отрядомъ поручено свиты его величества генераль-майору Троцкому. Отрядъ состоялъ изъ 1.400 человекъ; продовольствіе было взято на 8 дней. Пѣхота была посажена на арбы, и 28-го сентября войска направились къ Андижану.

На первыхъ верстахъ отъ Намангана жители попутныхъ кишлаковъ встрѣчали нашъ отрядъ сочувственно и на бивуакахъ доставляли все необходимое. Но чѣмъ ближе мы подвигались къ Андижану, углубляясь въ среду кипчакскихъ поселеній, тѣмъ рѣже были встрѣчи. Густо населенная, сплошь покрытая садами и посѣвами джугары мѣстность казалась вымершею. Но жители не ушли, а только скрывались въ чащѣ садовъ и въ густой зелени джугары. На джигитовъ, которые посылались съ донесеніями отъ Скобелева, шедшаго въ авангардѣ, сыпались выстрѣлы. Враждебность населенія била въ глаза и требовала большой осмотрительности въ нашихъ дѣйствіяхъ.

29-го сентября отрядъ остановился въ 6 верстахъ отъ Андижана. Вопросъ объ удобномъ и безопасномъ расположеніи вагенбурга, гдѣ было до 300 колесныхъ повозокъ, представлялъ первостепенную важность въ виду предстоящаго штурма. Съ трудомъ нашли свободное пространство, куда не прилегали сады и сакли.

На слѣдующій день генераль Троцкій поручилъ полковнику Скобелеву произвести рекогносцировку окрестностей города для опредѣленія путей, ведущихъ къ центральному базару (ригистану)—главному пункту, на который предположено было направить нашъ ударъ. Для выполненія этой задачи Скобелеву былъ данъ отрядъ въ 150 казаковъ и ракетный дивизіонъ. Во время движенія ихъ толпы коннаго непріятеля насккивали со всѣхъ сторонъ; приходилось отбрасывать ихъ ракетами и огнемъ цѣпи казаковъ. Въ одномъ узкомъ мѣстѣ дороги отрядъ былъ встрѣченъ фальконетнымъ залпомъ на разстояніи не болѣе 75 шаговъ. Подойдя къ самому городу и достигнувъ курганчи, занятой непріятелемъ, Скобелевъ высмотрѣлъ и опредѣлилъ направленіе главной базарной

улицы, затѣмъ, перестрѣливаясь съ непріятелемъ, отошелъ нѣсколько назадъ, выжидая условленнаго прибытія генерала Троцкаго.

Въ 6 часовъ утра 1-го октября, оставивъ вагенбургъ на мѣстѣ, подъ охраной одной роты, 2 орудій и 2 ракетныхъ станковъ, генералъ Троцкій двинулъ войска на штурмъ тремя колоннами, изъ которыхъ передовой командовалъ полковникъ Скобелевъ.

Войска не прошли и версты, какъ сзади раздались орудійные выстрѣлы. Это наши стрѣляли по конницѣ Пулатъ-бека, напавшей на вагенбургъ. Видно было, какъ огромныя массы кинулись къ обозу; но черезъ минуту все скрылось за густою зеленью садовъ ближняго кишлака...

Между тѣмъ дорога, ведущая въ городъ, оказалась затопленною. Еще наканунѣ, когда Скобелевъ тамъ шель, онъ встрѣтилъ одинъ неглубокій арыкъ, а теперь по равнинѣ протекало уже 7 глубокихъ ручьевъ. Утро было холодное; рѣзкій вѣтеръ несся съ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, а людямъ приходилось итти по поясъ въ водѣ. Это первое препятствіе Автобачи успѣлъ подготовить намъ въ одну ночь.

Едва штурмующія колонны втянулись въ лабиринтъ узкихъ и кривыхъ улицъ, какъ на каждомъ шагу имъ встрѣчались баррикады, столь хорошо оборудованныя, что нѣкоторыя изъ нихъ приходилось разбивать орудійнымъ огнемъ. Пули отовсюду сыпались градомъ. Раскидывая баррикады, солдаты встрѣчались лицомъ къ лицу съ непріятелемъ и вступали въ рукопашныя схватки. Лишь только преодолѣвалось препятствіе впереди, какъ врагъ опять строилъ завалы въ тылу, стрѣляя оттуда. Съ крышъ домовъ, скрытыхъ садами, съ заборовъ, тянувшихся съ обѣихъ сторонъ улицъ, съ деревьевъ, унизанныхъ кипчаками, летѣли выстрѣлы, камни, дротики.

Въ такихъ-то условіяхъ, не дрогнувъ, 900 русскихъ штыковъ отражали многотысячнаго врага и шли впередъ, къ указанной цѣли. Колонна Скобелева первой достигла этой цѣли—ригистана, площади передъ дворцомъ, назначенной сборнымъ пунктомъ для штурмующихъ.

Одинъ изъ моментовъ этого штурма обрисованъ въ рапортѣ генерала Троцкаго къ командующему войсками, дѣйствующими въ Кокандскомъ ханствѣ:

«...Скобелевъ приказалъ трубить наступленіе. Пороховой дымъ впереди 1-й штурмовой колонны, на мѣстности, пересѣченной саклями, высокими стѣнками и садами, былъ такъ густъ, что казаки, двинувшись впередъ подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, совершенно неожиданно очутились передъ мостомъ, за которымъ, шагахъ въ 10 отъ головы колонны, виденъ былъ высокій заваль, вооруженный орудіемъ. Казаки съ крикомъ «ура» бросились черезъ мостъ, на штыкахъ овладѣли заваломъ, перекололи защитни-

ковъ его и ворвались въ городъ. Первымъ вскочилъ на заваль со своими охотниками 2-го Турккестанскаго стрѣлковаго батальона подпоручикъ Нуджевскій. За охотниками верхомъ на конѣ пронесся черезъ заваль флигель-адъютантъ полковникъ Скобелевъ, который тотчасъ же остановилъ колонну; нужно было разобрать заваль и ввести въ улицу орудіе. Эта трудная работа лихо была исполнена казаками и саперами, подъ огнемъ съ другого завала, бывшаго впереди шагахъ въ 60, по прямому направленію къ базару. Завязался затѣмъ ожесточенный бой на улицахъ, въ сакляхъ, около мечети и на дворахъ; непріятель пользовался каждымъ закрытіемъ, стрѣлялъ изъ-за стѣнокъ, съ крышъ, съ деревьевъ. Между тѣмъ удалось перевезти орудіе черезъ заваль, и флигель-адъютантъ Скобелевъ снова затрубилъ наступленіе. Казаки овладѣли еще тремя завалами, впрочемъ, менѣе сильно обороняемыми, чѣмъ первый, и, выйдя къ базару, наткнулись на большой заваль изъ двухъ рядовъ арбъ, забранныхъ толстыми брусьями, за которыми стояли толпы непріятеля. Флигель-адъютантъ полковникъ Скобелевъ, чтобы избѣгнуть лишннихъ потерь, остановилъ молодецкій натискъ ввѣренной ему колонны и, вызвавъ впередъ орудіе капитана Ермолова, приказалъ ему разбить заваль, чтобы тѣмъ облегчить штурмъ его» ¹⁾).

Всѣмъ тремъ колоннамъ выпала одинаковая доля препятствій, одинаково геройски выполненная: отбиваясь, люди подбирали и несли съ собою раненыхъ и убитыхъ, чтобы не давать ихъ на издѣвательство азіатамъ... Когда всѣ колонны стянулись на ригистанъ, то изъ дворца и прилегающихъ домовъ понеслись перекрестные выстрѣлы. Здѣсь ранены два офицера и убиты два унтеръ-офицера, оба георгіевскіе кавалеры. Въ отместку врагу его выбивали штыками и больше 100 человекъ уложили въ домахъ и на дворцовомъ дворѣ.

Штурмъ былъ геройскій, но оставаться тутъ было невозможно; приходилось уходить. Давъ получасовой отдыхъ, генераль Троцкій двинулъ войска въ обратный путь, теперь одной общей колонной. Впереди опять шелъ Скобелевъ.

Пока шла перестрѣлка на ригистанѣ, на пройденныхъ отрядомъ улицахъ вновь устраивались только что разбросанныя баррикады, и за ними собирались толпы защитниковъ города. Снова пришлось брать штурмомъ препятствія. Опять какъ градъ сыпались пули на колонну, едва только она втянулась въ узкую улицу, ведущую отъ базара. Кипчаки стрѣляли почти въ упоръ; по временамъ летѣли камни; иногда врывался въ самую колонну какой-нибудь фанатикъ съ тяжелымъ батикомъ въ рукахъ. Цѣль стрѣлковъ, разсыпанная по обѣимъ сторонамъ колонны, отвѣчала мѣт-

¹⁾ «Турк. Вѣд.» 1876 г., № 45.

«истор. ввстн.», ноябрь 1916 г., с. XLVI.

кими выстрѣлами, заглядывала въ сакли и сады, выбивая засѣвшихъ тамъ кипчаковъ. Тутъ у насъ былъ раненъ еще офицеръ. Особенно упорное сопротивленіе оказалъ непріятель, засѣвшій въ недостроенной мечети, за баррикадою въ 6 рядовъ арбъ, откуда ихъ выбили сибирскіе казаки.

Между тѣмъ арріергарду былъ отданъ приказъ зажгаты все на пути; запылала сакли, навѣсы, лавки, склады риса и т. д. Густая туча дыма подвигалась вслѣдъ за отрядомъ, но и густая туча врага насѣдала на русскихъ воиновъ. Взяли штурмомъ послѣднюю баррикаду у моста при вѣздѣ въ городъ и, пройдя въ бродъ глубокіе арыки и разливы на равнинѣ, утомленные, достигли въ два часа дня мѣста лагеря.

Вокругъ вагенбурга все еще крутились всадники Пулатъ-бека, нападавшіе во все время штурма. Но карре изъ повозокъ, съ горстью защитниковъ, едва замѣтныхъ изъ-за сдвинутыхъ арбъ, казавшееся такой легкой добычей, не только не допустило врага къ нимъ ворваться, но не позволило и близко подойти.

Наши потери въ этомъ дѣлѣ были велики, съ точки зрѣнія генерала Кауфмана, дорожившаго жизнью солдата. Два-три убитыхъ противъ тысячъ азіатовъ считалось имъ большимъ процентомъ. Въ андижанскомъ же штурмѣ мы потеряли 8 убитыми да трехъ умершими отъ ранъ. Ранены 35 нижнихъ чиновъ, 5 офицеровъ и 5 джигитовъ.

Придя на позицію, отрядъ схоронилъ товарищей. Вырыли общую могилу, густо уложили ея дно свѣжей зеленью; рядкомъ положили обернутые въ чистые маты холодныя тѣла людей, еще такъ недавно полныхъ жизни и здоровья; пропѣли молитвы, какъ умѣли, засыпали землей и утоптали это мѣсто, чтобы скрыть отъ непріятеля самый слѣдъ могилы. Братская могила на вражеской азіатской землѣ остается безъ креста... Жуткое было чувство у всѣхъ на душѣ... Только сдѣлали замѣтку, лишь намъ понятную, въ надеждѣ, что рано или поздно будетъ Россія здѣсь и могила тогда освятится крестомъ.

Отходъ, непривычный для туркестанскихъ войскъ, надо было поправить. Придя къ бивуаку и давъ 2 часа отдыха солдатамъ, генераль Троцкій командировалъ отрядъ изъ 5 конныхъ орудій и 2 казацкихъ сотенъ, подъ начальствомъ неутомимаго Скобелева, для бомбардировки Андижана и для препятствованія тушенію пожаровъ. Орудія выпустили 14 мѣткихъ снарядовъ и не только поддержали прежнія пожарища, но произвели нѣсколько новыхъ. На слѣдующій день Скобелевъ опять громилъ городъ, а затѣмъ генераль Троцкій, считая Андижанъ достаточно наказаннымъ, двинулся со всѣмъ отрядомъ въ обратный путь къ Намангану 3-го октября.

X.

Но врагъ былъ упоренъ и борьбу не кончилъ. Снова пришлось намъ итти по кипчакскимъ селеніямъ. Въ стѣнахъ садовъ, прилегающихъ къ дорогѣ, были продѣланы бойницы; въ кишлакахъ, на улицахъ, базарахъ, людей не было видно, но они караулили насъ, скрываясь за высокой зеленью еще не снятой джугары, въ гущѣ садовъ, въ сухихъ арыкахъ, на вышкахъ домовъ. Прикрываясь стрѣлковой цѣпью, мы двигались съ боемъ 8 часовъ, пройдя всего 7 верстъ въ этихъ условіяхъ. Непріятель былъ трудно уловимъ въ ловко устроенныхъ имъ засадахъ, зато на открытыхъ пространствахъ дѣло шло иначе. Когда значительныя массы непріятели показались со стороны Андижана, генераль Троцкій приказалъ Скобелеву воспользоваться первымъ удобнымъ мѣстомъ и атаковать врага. Такое именно мѣсто—открытое сжатое поле—представилось у кишлака Мирь-Абадъ (кстати—родина Автобачи). Но, чтобы приблизиться къ полю, надо были итти черезъ кишлакъ по тѣсной улицѣ, обрамленной съ одной стороны стѣнами садовъ, а съ другой—глубокимъ, но узкимъ арыкомъ, за которымъ возвышались стѣны построекъ съ пробитыми въ нихъ бойницами. Когда отрядъ втянулся въ улицу, кипчаки, съ своей стороны, сочли моментъ и мѣстность удобными для нападенія. Толпы ихъ, гикавшія вдалекѣ, стали стягиваться къ нашему арріергарду, а отдѣльные смѣльчаки подѣзжали шаговъ на сто къ нашей цѣпи.

Когда отрядъ частью уже прошелъ дефиле, Скобелевъ съ 4-ю сотнею сибирскихъ казаковъ Машина атаковалъ непріятеля. Казаки врубались въ насѣдавшую толпу, и началась рукопашная схватка. На подмогу къ охваченнымъ со всѣхъ сторонъ храбрцамъ подоспѣла рота линейнаго батальона и удачными залпами укладывала врага; разстроенный, онъ отхлынулъ, не стараясь даже подбирать тѣла убитыхъ и раненыхъ. Въ этомъ лихомъ казацкомъ дѣлѣ у насъ убитъ одинъ и 10 ранено. Потери непріятели были огромны. Въ числѣ убитыхъ находился одинъ изъ важныхъ предводителей, судя по превосходной лошади и богатому оружію, отдѣланному серебромъ и бирюзой.

Въ слѣдующій день, 4-го октября, отряду пришлось итти по мѣстности, еще болѣе пересѣченной и закрытой стѣнами садовъ. Здѣсь опять были засады и опять схватки съ непріятеlemъ. Въ атакѣ на кишлакъ Мулласы, гдѣ засѣли кипчаки, Скобелевъ съ полувзводомъ стрѣлковой роты ворвался во дворъ караванъ-сарая, перекололъ и потопилъ въ Дарьѣ не одну сотню враговъ. Наши потери—1 убитый и 3 раненыхъ. Такимъ образомъ, въ два дня мы потеряли 2 убитыми и 13 ранеными (2 офицера).

Надо было покончить съ безпокойнымъ движеніемъ нашего отряда

и принять мѣры, чтобы ночью, когда непріятель не будетъ ожидать нападенія, нагрянуть на него врасплохъ и уничтожить его окончательно. Мысль эта подана была Скобелевымъ, и, конечно, онъ же былъ поставленъ во главѣ предпріятія. Надо было держать этотъ планъ въ строжайшей тайнѣ, отчего и могъ зависѣть успѣхъ дѣла. Части, назначенныя на набѣгъ, были заранѣе поставлены въ томъ концѣ бивуака, откуда онѣ должны были выступить. Только немногія начальствующія лица въ лагерѣ знали о задуманномъ дѣлѣ. Дѣйствующими лицами, кромѣ Скобелева, былъ полковникъ Меллеръ-Закомельскій и сотникъ Машинъ.

Въ 2 часа ночи, когда весь лагерь спалъ глубокимъ сномъ, осторожно, безъ малѣйшаго шума двинулся Скобелевскій отрядъ и вступилъ въ киплакъ, накануне сожженный. Здѣсь оказался непріятельскій пикетъ, спокойно спавшій... Лошади были привязаны къ деревьямъ. Ударить и уничтожить пикетъ было дѣло одного мгновенія. Только одинъ успѣлъ проснуться и, вскочивъ на лошадь, понесся во весь опоръ къ широкой полянѣ, гдѣ, очевидно, были главныя силы непріятеля. Казаки кинулись за нимъ. При свѣтѣ луны, которая, кажется, нигдѣ не горитъ такъ ярко, какъ на Востокѣ, можно было разсмотрѣть спящій глубокимъ сномъ непріятельскій станъ. Значки были воткнуты въ землю, сабли, фальконеты, ружья, батики, халаты и чалмы—все лежало возлѣ спавшихъ людей.

Паника, которую произвела вихремъ налетѣвшая сотня Машина, шедшая впереди отряда Скобелева, была неопишима. Ошеломленный непріятель не думалъ защищаться и, бросая значки, оружіе, даже одежду, искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Многіе безоружные наталкивались на казаковъ; спасаясь отъ нихъ, бѣжали въ другую сторону и, попадая въ глубокой арыкъ съ отвѣсными берегами, гибли въ водѣ. Огромныя толпы очутились передъ ротой Меллера-Закомельскаго и почти всѣ полегли подъ штыками солдатъ... Пораженіе было полное; это была отмстка за Андижанъ...

А въ нашемъ лагерѣ все было тихо, всѣ спали; только генералъ Троцкій съ тревогой и нетерпѣніемъ ждалъ извѣстій. На разсвѣтѣ послышались вдали пѣсни. Это возвращался молодецкій отрядъ. Впереди ѣхала лихая сотня Машина съ 19 вражьими значками. На мѣстѣ битвы подобрано 200 ружей и фальконетовъ, множество пикъ, сабель и батиковъ; многое осталось не подобраннымъ. Разбитое скопище было болѣе 2 тысячъ человекъ, изъ которыхъ очень немногіе успѣли спастись въ Андижанъ. Вѣсть о пораженіи быстро разнеслась; хотя отрядъ шелъ и 5-го октября по кипчакскимъ селамъ, непріятель уже не показывался.

Между тѣмъ генералъ Кауфманъ, встревоженный отсутствіемъ извѣстій за все время, такъ какъ джигитовъ кипчаки убивали или задерживали, выступилъ на подмогу съ 6 ротами, 3¹/₂ сотнями

и 8 орудіями. Утромъ 5-го октября отряды встрѣтились и послѣ дневного отдыха, перейдя въ бродъ Кара-Дарью, направились къ Намангану. Жители попутныхъ селеній, зная о постигшей ихъ сородичей бѣдѣ, выходили навстрѣчу, съ покорностью прося пощады. Генераль Кауфманъ, видя ихъ раскаяніе, объявилъ имъ прощеніе, и на этотъ разъ ни одинъ кишлакъ не былъ сожженъ, но онъ предупредилъ населеніе, что страшная кара не минуетъ ихъ, если они будутъ дѣйствовать заодно съ андижанцами.

За Андижанскую побѣду Скобелевъ награжденъ Георгіемъ 3 ст.

Между тѣмъ, какъ и надо было ожидать, волна кипчакскихъ смуть вновь докатилась до Коканда. Народъ раздѣлился на партіи. Одни хотѣли призвать Пулатъ-бека, другіе стояли за Султанъ-Мурата—дядю Нассыръ-Эдина. Этотъ же слабохарактерный и ничтожный правитель не могъ дать никакого отпора, и, когда 9-го октября мятежники напали на его дворець, онъ не нашелъ другого способа спасенія, какъ бѣжать къ намъ и 10-го октября былъ уже въ Ходжентѣ...

Туркестанскому генераль-губернатору было ясно, что оставлять независимымъ такое хаотическое государство все равно, что создавать вторую Хиву, съ той только разницей, что Хива была удалена отъ насъ на тысячи верстъ, а Кокандъ непосредственно соприкасался съ нами. Но тогдашнему Петербургу это ясно не было. Кауфманъ рѣшилъ туда ѣхать и лично представить свои соображенія по этому вопросу.

16-го октября генераль-адъютантъ Кауфманъ выѣхалъ изъ Намангана, оставивъ начальникомъ вновь образованнаго Наманганскаго отдѣла и войскъ, въ немъ расположенныхъ, свиты его величества генерала-майора Скобелева.

Только что произведенный въ генералы, 30-лѣтній Скобелевъ съ назначеніемъ его на самостоятельный постъ достигалъ всего, о чемъ въ то время могъ мечтать: служебное его честолюбіе удовлетворялось вполнѣ предоставленной ему властью, а боевая его натура предвкушала новыя военныя отличія.

Первой задачей, поставленной Скобелеву Кауфманомъ, было приведеніе къ покорности непокойныхъ кипчаковъ. Михаилу Дмитриевичу представлялась особенно заманчивой именно эта его независимость въ военныхъ дѣйствіяхъ, отвѣтственность за которую ложилась уже всецѣло на него и отчетъ въ которыхъ онъ отдавалъ только Кауфману.

И съ будущимъ непріателемъ онъ считалъ достойнымъ помѣряться силами: то былъ не осѣдлый, частью мирный, частью изнѣженный азіатъ, но очень воинственный, свободолюбивый полукочевникъ, плохо организованный, но многочисленный, смѣлый

и упорный. Укрощать такого врага, дѣйствовать противъ котораго Скобелеву была дана полная свобода, согласовалось какъ нельзя болѣе съ характеромъ Михаила Дмитріевича.

Не могло молчать въ немъ и чувство удовлетвореннаго торжества надъ явными и тайными его недоброжелателями, еще недавно коловшими его самолюбіе, а теперь, хотя и съ затаенной завистью искавшими его благорасположенія, чтобы остаться въ вѣренномъ ему отрядѣ, гдѣ предполагались частыя экспедиціи, а съ ними награды и повышенія. Скобелевъ не вѣрилъ, конечно, въ ихъ притворную дружбу; еще менѣе нуждался онъ въ помощи этихъ «пріятелей» на полѣ брани, ибо талантливыхъ между ними не было, — и тѣмъ не менѣе онъ допустилъ ихъ въ свой лагерь. Руководствовался ли онъ показнымъ великодушіемъ, отплачивая добромъ за зло, или, какъ многіе предполагали, разчитывалъ, что господа эти, послывшіе въ столицу разныя о немъ сплетни, устыдятся ихъ продолжать и даже постараются разсѣять неблаговидныя о немъ слухи, сложившіеся ихъ же стараніями. Есть основаніе думать, что, соображаясь съ этимъ, Михаилъ Дмитріевичъ приблизилъ къ себѣ трехъ титулованныхъ лицъ, имѣвшихъ сильныя связи въ высшихъ столичныхъ сферахъ. Но именно этотъ сплоченный триумvirатъ подстроилъ, какъ видно будетъ въ концѣ, очень злую противъ него интригу.

Генераль-адъютантъ Кауфманъ, отбывая изъ Намангана 16-го октября, оставлялъ въ распоряженіи Скобелева: 14 ротъ пѣхоты (съ саперными командами), 5¹/₂ сотенъ казаковъ, 4 ракетныхъ станка и 18 орудій. Вскорѣ онъ усилилъ его еще 2 ротами, 2 сотнями и 2 орудіями. По масштабу современныхъ армій, отрядъ этотъ кажется ничтожнымъ, но по отношенію къ вооруженнымъ силамъ того времени онъ составлялъ не менѣе 10% всѣхъ войскъ Туркестанскаго края.

Наманганскій отдѣлъ, вѣренный управленію Скобелева, съ городами и поселками по рѣкамъ Нарыну и Кара-Дарьѣ, былъ весь сплошь и очень густо населенъ кипчаками. У подножія горъ и въ самыхъ горахъ, обрамляющихъ съ сѣвера Сыръ-Дарьинскую долину, преобладаютъ кара-киргизы, по воинственному духу ничѣмъ не отличающіеся отъ кипчаковъ, съ которыми связываетъ ихъ еще и племенное родство. Такимъ образомъ, какъ по географическому положенію, такъ и по составу населенія новый край обѣщаль быть очагомъ постоянныхъ волненій, требовавшихъ бдительнаго вниманія Скобелева. Самый же городъ Наманганъ, ставшій теперь нашимъ передовымъ укрѣпленнымъ пунктомъ, лежалъ въ центрѣ этого осинаго гнѣзда, что указывало на важность его стратегическаго положенія.

Въ самые первые дни начальствованія Скобелева въ городѣ и ближайшихъ окрестностяхъ все было спокойно, наружно по крайней мѣрѣ. Но продолжалось это недолго. Начали ходить слухи, что въ разныхъ пунктахъ отдѣла стали показываться агитаторы, посланные Абдурахманомъ для возбужденія религіознаго фанатизма въ народѣ и для призыва людей «воителей за вѣру». Такъ, бывший наманганскій бекъ Батырь, неоднократно спасавшійся отъ нашихъ войскъ, появился теперь въ большомъ селеніи Яны-Тюря и прочелъ воззваніе Автобачи, гдѣ говорилось, что русскій отрядъ погибъ въ Андижанѣ, что теперь остается только уничтожить небольшія силы, оставленныя въ Наманганѣ, и что, послѣ ухода оттуда Кауфмана, это легко исполнить. Ту же небылицу распространялъ онъ и въ городѣ Тюря-Курганѣ (въ 20 верстахъ отъ Намангана). Легковѣрные азіаты, увлекаемые пламенными рѣчами агитатора, бросали жилища и семьи и уходили въ намѣченные для сборищъ пункты. Вскорѣ на наманганскихъ базарахъ разнеслись извѣстія, что Батырь собралъ несмѣтныя силы и угрожаетъ Намангану. Поддаваясь слухамъ съ базаровъ, хотя и играющихъ роль политическихъ клубовъ въ Азій, не подобало, конечно, но не слѣдовало и оставлять ихъ безъ вниманія, а потому Скобелевъ предпринялъ лично рекогносцировку къ Тюря-Кургану, гдѣ дѣйствительно оказались большія скопища кипчаковъ, причемъ въ окрестныхъ жителяхъ замѣчалось сильное возбужденіе.

ХІ.

Въ борьбѣ съ азіатами въ Туркестанскомъ краѣ издавна нами примѣнялась система быстроты натиска, которую Скобелевъ, конечно, усвоилъ въ высокой степени и уже 23 октября рано утромъ выступилъ съ частью своихъ войскъ къ Тюря-Кургану, гдѣ, однако, и непріятель успѣлъ подготовиться къ встрѣчѣ русскихъ. Предполагая, что нашъ отрядъ пойдетъ по главной дорогѣ, кипчаки затопили всю мѣстность, изрыли ее глубокими ямами и рвами, городскія улицы основательно забаррикадировали, въ садовыхъ стѣнахъ пробили бойницы и т. д. Высоты, окружающія городъ, заняли тысячи вооруженныхъ всадниковъ, чтобы ринуться на отрядъ, лишь только онъ вступитъ на большую дорогу. Но Скобелевъ обманулъ ожиданія непріятеля: по дорогѣ онъ не пошелъ, а направился къ высотамъ, чтобы сбить съ нихъ конницу, очистить себѣ пути именно отсюда для атаки города.

Двинутые на высоты семирѣченскіе казаки были встрѣчены залпами; но вслѣдъ за ними шла рота стрѣлковъ и два орудія. Залпъ стрѣлковъ и выстрѣлы орудій быстро разстроили конныя массы непріятеля; онъ дрогнулъ и заметался. Скобелевъ, устройвъ вагенбургъ подъ защитой 2-й роты стрѣлковаго батальона, съ осталь-

ными силами повелъ атаку; тѣсня толпы кипчаковъ и поражая ихъ огнемъ орудій и сбивая ихъ съ высотъ, дошелъ до оврага Кара-Су. Здѣсь артиллерія, подъ командой капитана Ермолова, вынеслась впередъ и мѣткими выстрѣлами подняла пожары въ разныхъ частяхъ города, что послужило сигналомъ къ штурму. Непосредственно за штурмовой колонной слѣдовалъ самъ начальникъ отряда со вторымъ взводомъ стрѣлковой роты и казачьями сотнями. Широкая улица со стороны Кара-Су дозволила втянуть въ городъ не только пѣхотныя части, но и казачьи сотни. Съ громкимъ «ура» бросились стрѣлки по улицѣ, ведущей къ цитадели, раскидывая завалы, сбивая толпы жителей, пытавшихся за ними обороняться. Устоять противъ стремительнаго натиска было врагу не подъ силу, и онъ бросился въ безпорядочное бѣгство, тѣснимый къ оврагу. Продолжая боевое движеніе, колонны дошли до цитадели, гдѣ уже штыками вытѣснили кичаковъ, занимавшихъ площадь, отбрасывая и этихъ къ Кара-Су; но и за оврагомъ ихъ настигала картечь орудій капитана Ермолова.

Площадь передъ цитаделью была очищена, и отрядъ остановился для передышки; дѣло, однако, еще не кончилось: врагъ былъ смѣлъ и многочисленъ и, сбитый съ главнаго пути, появлялся новыми толпами въ другихъ пунктахъ. Пришлось цѣпью стрѣлковъ занять крыши домовъ, окружавшихъ площадь, и оттуда вести перестрѣлку съ неприятелемъ, засѣвшимъ на крышахъ дальнихъ строеній и на деревьяхъ садовъ. Выбивать его, хорошо прикрытаго и замѣтнаго только по дымкамъ выстрѣловъ, было весьма трудно; онъ же отлично видѣлъ наше расположеніе и, поддерживая перестрѣлку, выжидалъ минуты, когда отрядъ двинется дальше, чтобы всей массой напасть на арріергардъ. Лишь только отрядъ, послѣ короткаго отдыха, втянулся въ узкія улицы, какъ пули посыпались со всѣхъ сторонъ. Въ арріергардѣ шла та же 1-ая рота, которая штурмовала Курганъ. Медленно, безпрестанно останавливаясь, сохраняя полный порядокъ и хладнокровіе, стрѣлки мѣткими выстрѣлами держали нападающихъ въ почтительномъ отдаленіи. Не видя возможности подойти къ арріергарду изъ-за губительнаго огня, кипчаки прибѣгли къ уловкѣ: они стали катать передъ собой нагруженныя арбы и, прикрываясь ими, какъ мантилетами, пытались приблизиться. Но выстрѣлы орудій разнесли и эти прикрытія. Восемь разъ останавливалась рота, отражая насѣдавшаго неприятеля.

Скобелевъ въ донесеніи своемъ отзывается съ особенной похвалой о командирѣ 2-го стрѣлковаго батальона полковникѣ Андросовѣ, о поручикахъ баронѣ фонъ-дербъ Бриггенѣ и Шлихтингѣ и о прапорщикѣ Линевицѣ (не знаменитый ли впослѣдствіи сибирскій вождь?).

Авангардъ двигался также все время съ боемъ.

Было уже поздно, и Скобелевъ остановилъ отрядъ для ночлега.

Когда вагенбургъ, выдержавшій стойко нѣсколько атакъ кипчакъ, пошелъ на соединеніе съ отрядомъ и ему пришлось итти черезъ городъ мимо базара и цитадели, то сопротивленія онъ нигдѣ не встрѣтилъ: городъ былъ мертвенно пустъ, и даже пожаръ никто не тушилъ.

На слѣдующій день, 24-го октября, генераль Скобелевъ прибылъ въ Чустъ, гдѣ отряду была дана дневка.

XII.

Послѣдующія событія заставляютъ предполагать, что сосредоточеніе скопища въ Тюря-Курганѣ служило для отвлеченія Скобелева отъ главнаго задуманнаго непріателемъ плана выбить насъ изъ Намангана, гдѣ нами возводились въ это время укрѣпленія цитадели. Хотя постройки настолько подвинулись, что цитадель могла бы въ крайнемъ случаѣ отразить нападеніе, тѣмъ не менѣе работы дѣятельно продолжались, и тысячи мародеровъ охотно являлись на щедро оплачиваемый трудъ. Однако 23-го октября, въ день штурма Тюря-Кургана, рабочихъ явилось не больше 80 человекъ, а въ городѣ замѣчалось глухое броженіе: на базарахъ, близъ цитадели, встрѣчались вооруженные люди, на улицахъ слышался стукъ китней и топоровъ—жители устраивали завалы... Къ вечеру стало извѣстно, что въ Наманганъ прибылъ Батырь-Тюря и, пользуясь отсутствіемъ Скобелева, рассказалъ, что не только отрядъ Скобелева уничтоженъ, но что и самъ онъ убитъ. Ночь, однако, прошла спокойно, но 24-го октября, въ 9 часовъ утра, горнисть, находившійся при рабочихъ на эспланадѣ у базара, неожиданно заигралъ тревогу. Вслѣдъ за тѣмъ раздались первые выстрѣлы съ базара и изъ ближайшихъ сакель. Гарнизонъ цитадели тотчасъ же сталъ въ ружье. Черезъ минуту выстрѣлы посыпались отовсюду кругомъ еще не оконченной эспланады. Тысячъ пять вооруженныхъ наманганцевъ осадили цитадель съ трехъ сторонъ, и только четвертая, ведущая къ лагерю, осталась свободной; но на лагерь бросился самъ Тюря-Батырь съ кипчаками.

Послѣ двухчасоваго малоуспѣшнаго обстрѣливанія крѣпостной ограды и верковъ загудѣла боевая труба, и массы пѣшаго непріателя съ гикомъ ринулись на штурмъ. Но ихъ уже тамъ ожидали и на разстояніи 70—100 шаговъ картечью встрѣтили эти сплошныя толпы людей, которыя и отхлынули, устлавъ буквально всю эспланаду трупами. Пользуясь временнымъ замѣшательствомъ врага, гарнизонъ подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ усилилъ оборонительную линію провіантомъ и сапными мѣшками. Работами руководилъ капитанъ Воронежъ, въ чемъ ему помогали туземцы-индусы и сарты, бывшіе въ цитадели.

Отбивъ первое энергичное нападеніе, комендантъ крѣпости полковникъ Гарновскій направилъ со стороны базара нѣсколько удачныхъ вылазокъ и, чтобы увеличить эспланаду, приказалъ ломать не разрушенныя еще зданія. Первая вылазка произведена саперами подъ командой штабсъ-капитана Церпицкаго (впослѣдствіи героя японской войны). Саперы, выбивая изъ сакель засѣваго въ нихъ непріятеля, ломая и разрушая все на ходу и увлекаясь успѣхомъ, ушли такъ далеко, что «ура» ихъ едва слышалось. На поддержку ихъ была отправлена другая вылазка, подъ начальствомъ артиллерійскаго прапорщика Янца. Оба отряда выполнили свое дѣло: непріятель выбитъ, строенія уничтожены, и эспланада расширена.

Одновременно съ нападеніемъ на цитадель самъ Батырь съ кипчаками устремился на лагерь, бывший въ вѣдѣніи помощника Скобелева, полковника барона Меллера-Закомельскаго. Но тутъ былъ данъ Батырю внушительный отпоръ, и онъ поспѣшилъ убраться, а Меллеръ, не теряя времени, принялся за разработку сообщенія лагеря съ цитаделью и, разрушая сакли, стѣны садовъ и все препятствующее, образовалъ широкій путь къ крѣпости.

Послѣ такого начала врагъ не возобновлялъ въ этотъ день открытаго нападенія, но перестрѣлку велъ до вечера и по улицамъ усиленно строилъ завалы. Въ тотъ же день жители города работали надъ отводомъ арыковъ, снабжавшихъ водою цитадель, и на узлѣ этихъ арыковъ строили крѣпкую позицію. Отводъ воды изъ крѣпости грозилъ бы, конечно, бѣдой для гарнизона, но возможность подобной угрозы предвидѣлась еще генераломъ Кауфманомъ, который во время своего пребыванія въ Наманганѣ приказалъ вырыть нѣсколько глубокихъ прудовъ въ цитадели и тогда же распорядился наполнить ихъ водою. Своевременная предусмотрительность обезпечивала теперь на долгое время крѣпость водой, разрушая и хитрый планъ непріятеля.

Такъ шло дѣло въ отсутствіе Скобелева, бывшаго въ Чустѣ, за 35 верстъ отъ Намангана. При первыхъ же признакахъ волненія ему послано было экстренное извѣщеніе, полученное имъ 25 октября, въ 12 часовъ ночи. Ровно черезъ полчаса онъ съ отрядомъ уже выступалъ форсированнымъ маршемъ къ Намангану, въ цитадель котораго и вступилъ въ часъ дня 26-го октября. Въ тотъ же день, въ три часа, Скобелевъ лично произвелъ рекогносцировку вылазкой въ сторону непріятельской позиціи на узлѣ арыковъ Сай-Буи. Позиція, удачно выбранная и искусно укрѣпленная, была почти неприступна, и собранныя здѣсь главныя силы, до 10 тысячъ вооруженныхъ людей, подъ начальствомъ Батыря-Тюря и Музалевы-ишана, очевидно, приготовились упорно защищаться.

Но и Скобелевъ рѣшилъ именно здѣсь начисто разгромить непріятеля. Чтобы сосредоточить въ одномъ пунктѣ возможно большее количество врага, онъ распорядился произвести того же

26-го октября вылазку изъ цитадели, поддержанную двумя ротами и орудіемъ изъ лагеря Меллера-Закомельскаго. Вылазка достигла цѣли. Непріятель, вытѣсненный изъ городскихъ заваловъ и закрытій, бѣжалъ къ позиціи Сай-Буй, къ чему и стремился Скобелевъ, чтобы разомъ покончить дѣло.

Въ 9 часовъ утра 27-го октября началась изъ цитадели и съ пункта, избраннаго Скобелевымъ, сильная канонада по Сай-Буйской позиціи и шла непрерывно въ теченіе двухъ часовъ. Мѣтко направленные выстрѣлы гранатъ производили ураганное опустошеніе въ густыхъ толпахъ кипчаковъ. Видно было, какъ началось беспорядочное, паническое бѣгство конныхъ и пѣшихъ враговъ изъ заваловъ и баррикадъ. Впечатлѣніе ужаса было такъ сильно, что даже толпы въ тысячъ пять человѣкъ, обскакавшія нашъ отрядъ съ тыла, остановились, точно загипнотизированныя страшнымъ зрѣлищемъ. «Артиллерія, направляемая гвардіи капитаномъ Ермоловымъ, дѣйствовала (какъ доносили Скобелевъ) выше всякихъ похвалъ. Вся честь дѣла 27-го октября принадлежитъ ей».

Это стало ясно, когда пошли на штурмъ города: онъ былъ взятъ почти безъ боя.

Потери непріятеля были таковы, что, какъ говорили въ Ходжентѣ, раненыхъ и убитыхъ не убрать было и въ двѣ недѣли. Наши потери за три дня состояли изъ 6 убитыхъ нижнихъ чиновъ, изъ 36 раненыхъ и 13 контуженныхъ. Ранено также четыре офицера: Ѳедоровъ — тяжело; менѣе тяжело — Поповъ, Машлыкинъ и Борисовъ.

За вѣроломство Наманганъ былъ чувствительно наказанъ: значительная часть города, гдѣ засѣлъ и укрѣпился непріятель, была отведена подъ русскій городъ, и въ уцѣлѣвшихъ тамъ каменныхъ зданіяхъ размѣщены войска.

Послѣ разгрома Намангана всѣ окрестные кишлаки поспѣшили прислать къ начальнику отдѣла своихъ аминовъ и другихъ почетныхъ лицъ съ изъявленіемъ полной покорности. Болѣе двухъ тысячъ человѣкъ явилось на другой день, умоляя о прощеніи. Но вожди ихъ не образумились: Батырь-Тюря, Султанъ-Понсамъ, Худояръ-Мирза и др., бѣжавшіе за Нарынъ и Кара-Дарью, продолжали агитацію, собирали новыя полчища и вскорѣ дали Скобелеву случай еще разъ проучить ихъ.

ХІІІ.

11-го ноября получились свѣдѣнія, что на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, въ городѣ Балыкчи собралось 20 тысячъ кипчаковъ, подъ начальствомъ Вали-Хана-Тюря; что, кромѣ этихъ главныхъ силъ, въ разныхъ пунктахъ разставлены отряды въ 4, 3, 2 тысячи, при орудіяхъ, имѣя каждый отдѣльнаго начальника, которые полу-

чили приказаніе въ извѣстный моментъ стягиваться къ Намангану. Не имѣлось точныхъ указаній, собирается ли непріятель ждать нашего наступленія на Балыкчи, или самъ пойдетъ всѣми силами на Наманганъ; но ясно было, что такія скопища грозили вновь поднять волненіе въ едва успокоившемся Наманганѣ.

Городъ Балыкчи сдѣлался въ послѣднее время важнымъ опорнымъ пунктомъ для военныхъ дѣйствій противъ нашего наманганскаго отряда. Находясь въ 20 верстахъ отъ Намангана, при слияніи рѣкъ Нарына и Кара-Дарьи, онъ былъ защищенъ тремя глубокими бродами черезъ рукава обѣихъ рѣкъ; только у самаго берега Кара-Дарьи былъ мостъ, охраняемый отрядами конницы и пѣхоты. Мѣстность, подступающая къ городу, на большомъ пространствѣ была затоплена. Препятствія эти кипчаки считали неодолимыми и надѣялись въ случаѣ нашей попытки ихъ одолѣть поражать насъ орудійнымъ огнемъ при переправѣ. Улицы города, по своему обыкновенію, они умѣло забаррикадировали, пробили бойницы въ стѣнахъ и зданіяхъ и т. д. Защиту же города поручили вновь восстановленному, регулярному отряду сарбазовъ. Въ городѣ находились огромные склады пороха, оружія, фуража и продовольственныхъ запасовъ. При главныхъ силахъ находился самъ Абдурахманъ-Автобачи.

Необходимость дѣйствовать рѣшительно была очевидна: при этомъ надо было поразить непріятеля полной неожиданностью и быстротой, въ виду чего наступленіе было назначено на 11-е же ноября.

Налегкъ, безъ обоза и кухонь, отрядъ изъ 4 ротъ пѣхоты, 1 роты стрѣлковъ, 4¹/₂ сотенъ казаковъ, 6 орудій, 4 ракетныхъ станковъ и команды саперъ съ инструментами выступилъ въ 9 часовъ въ ненастную осеннюю погоду и въ 11 часовъ ночи, при непроглядной тьмѣ, подошелъ къ первому броду. На противоположной сторонѣ Нарына и Кара-Дарьи свѣтилось зарево многочисленныхъ костровъ; но въ непріятельскомъ лагерѣ не замѣчалось ни малѣйшаго движенія; очевидно, кипчаки не подозрѣвали, что мы такъ быстро соберемся... Въ полномъ порядкѣ, соблюдая мертвую тишину, войска начали переходъ въ ледяной водѣ Нарына. Пѣхотныя части перевозились при помощи артиллеріи и казаковъ. Переправа шла такъ осторожно, что, когда авангардъ одолѣлъ уже всѣ три рукава, въ станѣ враговъ никто не шелохнулся... Въ 6 часовъ утра 12-го ноября 3 роты, 4 орудія, 2 сотни, подъ начальствомъ полковника Меллера-Закомельскаго, подошли къ затопленной мѣстности. Было еще темно. Затрудненіе предстояло въ переправѣ орудій. Но для туркестанскаго солдата затрудненій не существовало: запряглись люди и бодро и весело вывезли орудія на твердую почву. Непріятель продолжалъ покоемъ сномъ, и только когда передовой отрядъ подходилъ къ мосту, въ непріятельскомъ лагерѣ поднялась тревога,

и оттуда открылся фальконетный огонь. Но Меллеръ, торопясь использовать послѣднія минуты темноты, чтобы дойти до моста, не обнаруживая нашего расположенія, на выстрѣлы не отвѣчалъ, продолжая двигаться. Мостовая настилка оказалась разобранной, но двѣ роты, подъ командой поручика Бѣлова, ползкомъ, по тонкимъ перекладинамъ, перебрались на лѣвый берегъ рѣки и, стремительно бросившись, выбили непріятели изъ ближайшихъ садовъ и со стѣнъ ихъ.

Скобелевъ, заслышавъ выстрѣлы авангарда, подъѣхалъ къ мѣсту начавшагося боя и остановилъ дальнѣйшее наступленіе 4-й роты, успѣвшей уже овладѣть заваломъ и лагеремъ впереди города; рота была нужна для прикрытія наступленія остальныхъ войскъ, не успѣвшихъ еще перейти бродовъ Кара-Дарьи и теперь уже видимыхъ непріятели. Прикрытіе было нужно и для саперъ, наводившихъ мостъ. Уже совѣтъ разсвѣло, когда весь отрядъ сосредоточился на лѣвомъ берегу Кара-Дарьи и какъ бы вдругъ выросъ въ стройныхъ рядахъ передъ ошеломленнымъ непріятели. Не давая имъ опомниться, тотчасъ же открыли канонаду по городу, направляя выстрѣлы въ сторону урды и базара. Несмотря на губительное дѣйствіе нашей артиллеріи, непріятели усиливаютъ стрѣльбу. Неистовые крики, бой барабановъ и оглушительные звуки трубъ—все доказывало, что кипчаки собирались отстоять городъ.

Чтобы избѣжать лишннихъ потерь, Скобелевъ рѣшилъ не вводить въ городъ значительнаго числа войскъ и на штурмъ были назначены: 2-я рота 2-го лин. батальона и 2-ой взводъ спѣшенныхъ конныхъ стрѣлковъ. Кавалерія, подъ начальствомъ войскового старшины Смирнова, была направлена вправо отъ брода на Шараканскую дорогу, съ приказомъ рубить непріятели, когда онъ будетъ выбитъ изъ города. Три роты пѣхоты и 6 орудій оставлены въ резервъ подъ начальствомъ полковника Меллера-Закомельскаго.

Въ 8 часовъ утра Скобелевъ лично повелъ штурмующія части. Быстро овладѣвъ входомъ въ главную улицу и базаромъ, колонна выбила непріятели изъ урды и направилась влѣво по улицѣ, загроможденной арбами и буквально набитой непріятели. Въ отвѣтъ на залпъ изъ-за баррикады колонна безъ выстрѣла бросилась къ заваламъ и, раздвигая ихъ, обрушилась штыками на живую людскую стѣну... Двѣ-три минуты шла горячая рукопашная схватка. По трупамъ людей и лошадей, заколотыхъ штыками, колонна проложила себѣ дорогу по улицѣ, куда, отстрѣливаясь, началъ отступать непріятели. Вытребовавъ роту изъ резерва, Скобелевъ снова двинулся и, какъ стихійный ураганъ, переносясь изъ улицы въ улицу, ломая и разрушая препятствія, поражая штыками ихъ защитниковъ, выбивая засѣвшихъ въ садахъ и сакляхъ, дошелъ до крайнихъ построекъ города. Отсюда штурмующіе открыли огонь

по спасавшемуся бѣгствомъ непріятелю. Между тѣмъ казаки уже поджидали бѣгущихъ на Шараханской дорогѣ и, врѣзавшись въ толпы бѣжавшихъ, рубили ихъ.

Благодаря удачно выполненной ночной операціи и стремительности нападенія, дѣло быстро было закончено, при незначительныхъ съ нашей стороны потеряхъ: убитыхъ—1, раненыхъ—8 и контуженныхъ 2 нижнихъ чиновъ.

Впереди штурмовой колонны, по свидѣтельству Скобелева, шли капитанъ Аверьяновъ и гвардіи штабсъ-капитанъ Боголюбовъ.

По свѣдѣніямъ туземцевъ, непріятель потерялъ убитыми болѣе 2 тысячъ человекъ. У базара, гдѣ стрѣлки работали штыками, лежало болѣе 200 труповъ. Въ числѣ убитыхъ оказался Вали-Ханъ-Тюря.

Было взято множество трофеевъ, въ видѣ знаменъ, бунчуковъ, значковъ, трубъ, барабановъ и т. д. Тутъ же былъ бѣлый бунчукъ Вали-Хана. Огнестрѣльнаго и холоднаго оружія захвачено такъ много, что Скобелевъ приказалъ ломать и бросать въ огонь. Оставлены непріателемъ и 150 арбъ съ имуществомъ и до 10 тысячъ скота, въ томъ числѣ много лошадей. Что можно было перевезти, отправлено въ Наманганъ. Остальное, какъ большіе запасы лепешекъ, клевера, ячменя, муки и т. д.—было сожжено. Часть города Балыкчи, прилегающая къ рѣкѣ, уничтожена. Въ 9 часовъ вечера 12-го ноября отрядъ вернулъся въ Наманганъ.

XIV.

Несмотря на рядъ тяжелыхъ пораженій, сопровождавшихся еще и репрессіями, рѣдко нами примѣнявшимися, какъ пожараща городовъ и селеній и разоренія имуществъ, народъ кипчакскій не сдавался, и вожди ихъ не приносили повинной. Послѣ каждой крупной побѣды Скобелева разгромленные кипчакскія полчища группировались въ отдѣльныя шайки и, всюду рыская, затрудняли наши сообщенія съ Ходжентомъ, нападали на почту, на джигитовъ, посылавшихся съ донесеніями, грабили проѣзжихъ и купеческіе караваны и осмѣливались даже на болѣе дерзкія попытки. Такъ, на примѣръ, полковникъ Пичугинъ, прикрывавшій отрядомъ изъ 2 ротъ и 2 сотенъ казенный артиллерійскій транспортъ, направленный изъ Ташкента въ Наманганъ, имѣлъ во время слѣдованія нѣсколько перестрѣлокъ съ этими бродячими шайками. Доведя благополучно казенную кладь, отрядъ Пичугина на возвратномъ пути подвергся нападенію въ ущельѣ, гдѣ онъ уложилъ съ десятокъ дерзкихъ смѣльчаковъ. Все это вызывало необходимость посылать летучіе отряды, ставить пикеты для охраны сообщеній и т. д. Даже послѣ разгрома Балыкчи полковникъ Пичугинъ, назначенный охранять сообщеніе Намангана съ Ходжентомъ, на переправѣ черезъ Сыръ-

Дарью вынужденъ былъ выступить съ отрядомъ въ 1½ роты и сотню казаковъ противъ непріятельской шайки, утвердившейся въ кишлакѣ Амабъ, разгромилъ ее и до основанія срылъ кишлакъ, но потерялъ при этомъ 3-хъ убитыми и 11 ранеными.

Таковыми мѣрами и слишкомъ дорогой цѣной мы могли держать въ нѣкоторомъ повиновеніи жителей нашего праваго берега Сыръ-Дарьи, далеко не достигая, однако, ни спокойствія, ни умиротворенія; на лѣвомъ же берегу Дарьи, въ самомъ ханствѣ Кокандскомъ, съ дѣлами котораго мы были теперь тѣсно связаны, продолжалось фанатическое движеніе, отзывавшееся неблагоприятно даже въ верховьяхъ нашего Заравшанскаго округа, и могло принять еще болѣе широкіе размѣры. Между тѣмъ кокандскій ханъ Нассыр-Эдинъ не могъ оказать русской власти никакого содѣйствія для возстановленія порядка въ своихъ владѣніяхъ. Не имѣя ни войска, ни опытныхъ совѣтчиковъ и будучи, наконецъ, самъ безъ воли и энергіи, онъ могъ только пассивно относиться къ событіямъ и при малѣйшей личной опасности бѣжалъ къ намъ въ Ходжентъ, гдѣ и пребывалъ почти безвыѣздно. Въ ханствѣ же всѣмъ распоряжались кипчакъ Абдурахманъ и кара-киргизъ Пулатъ-бекъ, провозгласившій себя ханомъ. Оба находились въ Маргеланѣ, куда и приказали доставлять подати со всѣхъ бекствъ. Осѣдлое населеніе, ненавидѣвшее кипчаковъ, страдало отъ отсутствія сильной законной власти и въ поискахъ за таковой дѣлилось на партіи, вносило еще и междоусобицу.

Ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ намъ было необходимо сломить въ самомъ корнѣ ту силу, что производила и поддерживала анархію и представителями которой являлись, главнымъ образомъ, кипчаки. Чтобы нанести имъ рѣшительный ударъ, генераль-адмиралъ Кауфманъ еще до своего отъѣзда изъ Намангана предписалъ Скобелеву выступить въ концѣ декабря съ отрядомъ въ центръ кипчакскаго населенія, въ мѣстность междурѣчья (Икесу-арысы—между рѣками Нарыномъ и Кара-Дарьей) и разбить ихъ тамъ именно въ такое время, когда кочевники съ семействами и имуществомъ остаются на зимовкахъ въ долинѣ и не могутъ уже спастись въ горахъ, заваленныхъ снѣгомъ.

Скобелевъ сталъ собираться въ походъ, но кипчаки, провѣдавъ, о готовящейся экспедиціи, покинули свои кишлаки и потянулись отовсюду къ Андижану, надѣясь безопаснѣе укрыться въ этомъ городѣ, чѣмъ въ открытыхъ и не защищенныхъ селеніяхъ. Въ началѣ декабря и самъ Автобачи переѣхалъ въ Андижанъ и немедленно занялся укрѣпленіемъ города, какъ опорнаго пункта для новыхъ военныхъ противъ насъ дѣйствій. Тамъ господствовало большое одушевленіе. Слѣдуетъ помнить, что послѣ нашего отступленія отъ Андижана 1-го октября городъ этотъ быстро принялъ воинственную фizioномію и набрался смѣлости, считая наше первое

андижанское дѣло за неудачу. Теперь же Абдурахманъ собирался, очевидно, дать намъ тутъ генеральное сраженіе, съ полной надеждой на побѣду, такъ какъ никогда еще силы его не были столь значительны: 20 тысячъ вооруженныхъ жителей, 10 тысячъ конницы и 5 тысячъ сарбазовъ, т. е. регулярнаго войска, имъ же нѣкогда распущеннаго, а теперь вновь восстановленнаго.

Между тѣмъ Андижанъ не входилъ въ составъ Наманганскаго отдѣла и находился въ предѣлахъ все еще независимаго Кокандскаго ханства, слѣдовательно, Скобелевъ не имѣлъ права туда вторгаться безъ разрѣшенія на то главнаго начальника края. Но разрѣшеніе это онъ своевременно получилъ.

25-го декабря 1875 г. генераль Скобелевъ выступилъ изъ Намангана съ отрядомъ въ 2.800 человекъ. По туркестанскому масштабу отрядъ былъ очень значителенъ, но и громада непріятели была внушительна. Въ виду зимняго времени люди были снабжены теплою одеждою и войлочными кибитками; провіантъ и фуражъ были взяты въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ Скобелевъ рассчитывалъ довольствоваться войска реквизиціей. Въ отрядѣ слѣдовали артиллерійскій и инженерный парки, подвижной лазаретъ и пр. Обозъ состоялъ изъ 500 арбъ, поднимавшихъ каждая до 25 пудовъ.

Переправясь черезъ Нарынъ и слѣдуя вверхъ по правому берегу Кара-Дарьи, Скобелевъ распорядился сжигать на всемъ пути особыми колоннами всѣ кипчакскія поселенія, брошенные жителями, стремившимися соединиться съ Автобачи.

Новый годъ засталъ войска уже на лѣвомъ берегу Дарьи, и 1-е января было встрѣчено въ большомъ кипчакскомъ кишпакѣ Байтокѣ. 3-го января 1876 года весь отрядъ сосредоточился около Миръ-Рабата, въ 5 верстахъ отъ Андижана.

Отсюда начался послѣдній актъ кипчакской драмы, описаніе котораго предоставляемъ самому Скобелеву, въ его образныхъ донесеніяхъ, гдѣ, лично ступевываясь, онъ отдаетъ должное всѣмъ участникамъ экспедиціи.

Телеграфныя донесенія Скобелева временно исправляющему должность генераль-губернатора генераль-лейтенанту Колпаковскому сообщали слѣдующее:

11-го января 1876 года. «Многочисленныя непріятельскія скопища со всего ханства, съ Автобачи во главѣ, сосредоточились въ Андижанѣ, жители котораго рѣшились отчаянно защищаться. Андижанъ сталъ главнымъ оплотомъ партіи войны въ ханствѣ. 4-го января произведена рекогносцировка сѣверной и восточной окраинъ города, указавшая выгодную артиллерійскую позицію у Акъ-Чакмака. Рекогносцировка встрѣчена сильнымъ огнемъ. 6-го числа произведена рекогносцировка южной окраины, притянувшая къ Аугумбеку вниманіе и силы непріятели. 7-го отрядъ переведенъ съ Мусульманъ-Кула на высоты Акъ-Чакмакъ. Избѣгая

до крайности кровопролитія, въ городъ послано два предложенія сдаться. Второй посланный зарѣзанъ. 8-го утромъ взятъ штурмомъ пригородный кишлакъ Ескильдикъ, чѣмъ обезпечена для всей артиллеріи позиція, съ которой разгромленъ городъ 500 снарядовъ, а въ 12 часовъ двинуты въ городъ штурмовыя колонны: полковника Пичугина, ротмистра Меллера-Закомельскаго и капитана Ионова, подъ общимъ начальствомъ полковника Меллера-Закомельскаго, и резервныя—подъ моимъ. Колонны, направленные на командующую высоту въ центрѣ города Гуль-Тюбе, штурмовали городскую стѣну и завалы. Овладевъ высотой, на ней тотчасъ устроена штабъ-капитаномъ Церпицкимъ батарея, съ которой артиллерія продолжала громить городъ до слѣдующаго утра, а пѣхота заняла у подошвы высоты оборонительную позицію, на случай продолженія боя. Колонны, двинутыя 9-го января, уже не встрѣтили сопротивленія. Городъ нашъ. Потеря наша 2 убитыхъ; одинъ офицеръ и 6 нижнихъ чиновъ раненыхъ. Потери непріятели громадны. Не угадавъ фронта атаки и спѣша къ нему 8-го числа утромъ густыми массами, непріятель приведенъ въ панику дѣйствіями нашей артиллеріи, поэтому сильная наружная ограда и приведенный въ крѣпкое оборонительное состояніе городъ взятъ съ столь малымъ урономъ.

«Честь дѣла принадлежитъ артиллеріи. Скопища (партія войны за вѣру) и жители бѣжали въ Ассакѣ. Впечатлѣніе, произведенное на ханство, огромное.

«10-го января перешелъ во дворецъ Ханъ-Заде. Ожидаю приказаній въ Андижанѣ. Направляю полковника Меллера-Закомельскаго въ Наманганъ; будетъ ждать отвѣта. Окрестныя кишлаки проявили покорность; жители города начинаютъ возвращаться. Генераль-майоръ Скобелевъ» ¹⁾).

Телеграмма Скобелева Колпаковскому 25-го января 1876 года:

«Приказаніе вашего превосходительства отъ 15-го января въ точности исполнилъ. Со времени взятія Андижана стали приходить извѣстія о наступательныхъ дѣйствіяхъ Автобачи. 13-го января произвелъ частью кавалеріи и конными стрѣлками рекогносцировку по ассакинской дорогѣ. Въ кишлакъ Аргутъ-багъ обнаруженъ пикетъ. Изрублено десять. 18-го получилъ извѣстіе, что Автобачи съ 15 тысячами стоятъ въ 10 верстахъ отъ Андижана; подготовилъ возстаніе городовъ, готовится напасть на насъ. Двинулся съ 2 ротами, 5 сотнями, 4 конными орудіями, ракетной батареей по ассакинской дорогѣ. Непріятель обнаруженъ близъ Ассакѣ; по слѣдамъ вошли въ городъ. Убѣдившись, что мостъ черезъ сай уничтоженъ, обстрѣлявъ артиллеріею городъ и высоты восточнѣе города, сильно занятая непріятеlemъ, отрядъ перешелъ сай въ бродъ 1¹/₂ версты выше города и атаковалъ крутыя высоты. Конно-

¹⁾ «Туркестанскія Вѣдомости» 1876 г., № 3.

«Истор. вѣстн.», ноябрь 1916 г., т. сXLVI.

стрѣлковый дивизионъ флигель-адъютанта ротмистра барона Меллера-Закомельскаго овладѣлъ ими подъ сильнымъ огнемъ непріятеля и отбросилъ его отъ гребня. Подъ прикрытіемъ конныхъ стрѣлковъ казаки втащили артиллерію, затѣмъ на высоты взошла вся кавалерія и обѣ роты подъ начальствомъ капитана Іонова, молодецки поспѣвшія. Плато къ востоку отъ маргеланской дороги было занято густыми массами коннаго и пѣшаго непріятеля. Конные стрѣлки отбили нападеніе на лѣвый флангъ; непріятель, обстрѣлянный артиллеріей, атакованъ кавалеріей. Опрокинувъ густыя массы конницы, я, отбивъ вторую попытку противъ лѣваго фланга, преслѣдовалъ по маргеланской дорогѣ. Въ 4-хъ верстахъ открылась изъ-за садовъ колонна 800 сарбазовъ. Атакованная оренбургскою Авдѣева, семирѣченскою барона Штакельберга сотнями, изрублена. Преслѣдованіе остановлено за Ніазъ-Батыремъ, въ 9 верстахъ. Вернулись въ Ассакѣ, заняли городъ безъ боя; ночевали въ урдѣ. Жители бѣжали. Потери ранеными 9 нижнихъ чиновъ, 1 джигитъ. Потеря непріятеля очень значительна. На мѣстѣ оставлено 400 тѣлъ. Сверхъ выше названныхъ офицеровъ, назову отличившихся: капитановъ Ермолова и Куропаткина, штабсъ-капитановъ: Боголюбова, Церпицкаго, Маслова.

«Впечатлѣніе ассакинской побѣды громадно. На слѣдующій день явились депутаціи съ аманомъ (просьбою о пощадѣ) изъ Шарихана и изъ окрестностей. Вернулся въ Андижанъ 19-го вечеромъ. Автобачи прислалъ своихъ довѣренныхъ съ переговорами о сдачѣ. Вчера, 24-го января, послѣ личнаго свиданія со мной въ Гунду-Кишлакѣ, въ 8 верстахъ отъ Андижана, Абдурахманъ-Автобачи сдался, повергая себя милосердію государя императора. Съ Автобачи сдались главные предводители: Батырь-Тюря, Исфандіаръ-Хали-Куль-парманачи, Кази-бекъ-ишанъ-агаси, Наръ-Мухамедъ-дишха и др., въ числѣ всего 26 человекъ и 400 вооруженныхъ джигитовъ.

«Считаю необходимымъ пребываніе въ Андижанѣ нѣкоторое время для полнаго развитія пріобрѣтенныхъ успѣховъ. Пулатъ-бекъ прислалъ уже довѣренныхъ для переговоровъ. Андижанъ вноситъ контрибуцію; внесено уже 33 тысячи и исправно исполняется все, нужное для войска. По полученнымъ отъ 23-го января извѣстіямъ, въ Наманганскомъ отдѣлѣ все спокойно».

«Генераль-майоръ Скобелевъ» ¹⁾.

Двумя этими побѣдами заканчивалась 4-мѣсячная непрерывная борьба и блистательно выполнялась задача смирить кипчаковъ, возложенная на Скобелева генераль-адъютантомъ Кауфманомъ. Суть побѣды заключалась въ покореніи воли Абдурахмана-

¹⁾ Тамъ же.

Автобачи, этого туркестанскаго Шамиля, вдохновенные призывы котораго фанатизировали народныя массы, шедшія за нимъ, какъ за пророкомъ...

Сдаваясь Скобелеву, гордый кипчакскій вождь написалъ въ то же время интересное письмо начальнику края, которое приводимъ:

«Чувствуя свое безсиліе противъ храбрыхъ и непобѣдимыхъ воиновъ Бѣлаго царя, равно желая прекратить бѣдствія войны, разоряющей мое отечество, я сдался генералу Скобелеву, надѣясь на милосердіе могущественнаго во всемъ мірѣ Бѣлаго Царя. При этомъ, съ полною надеждою обращаюсь къ вамъ, какъ доброму покровителю края, что вы меня не пустите на несчастный путь. Обѣщанію, данному генераломъ Скобелевымъ, я вѣрю и надѣюсь, что вы не оставите обратитъ на это милостивое ваше вниманіе».

Какъ донесенія Скобелева, такъ и письмо Абдурахмана передавались по телеграфу въ Петербургъ генералу-адъютанту Кауфману, который докладывалъ ихъ государю. На нихъ получился отвѣтъ на имя исправлявшаго должность генераль-губернатора, генераль-лейтенанта Колпаковскаго:

«По докладу государю императору дѣла подѣ Ассакѣ и сдачи Автобачи его величество изволилъ остаться очень доволенъ; передайте большое спасибо генералу Скобелеву и славному отряду. Ожидаю представленій за всѣ послѣднія дѣла. Абдурахмана-Автобачи съ семействомъ, какое выберетъ ¹⁾, и съ движимымъ имуществомъ отправить, когда будетъ возможно, изъ Ташкента въ Россію, гдѣ по волѣ государя будетъ жить покойно».

«Кауфманъ».

Вслѣдъ за этими событіями началась явная реакція въ сторону мира, котораго давно ждало осѣдлое населеніе, ненавидѣвшее кипчаковъ. Но какъ послѣ сильной бури въ взбаламученномъ морѣ долго еще бьются волны, не приходя въ спокойное состояніе, такъ и взбунтовавшія страну фанатическія банды оставили еще слѣды. Сошелъ съ политической сцены Абдурахманъ; но узурпаторъ Пулатъ-бекъ былъ еще на свободѣ и могъ снова надѣлать хлопотъ. Правда, значеніе его сильно поколебалось со сдачей Автобачи, и Пулатъ, злоствуя на него за покорность Россіи, отмстилъ ему, зарѣзавъ трехъ его братьевъ.

Проявлялись и другіе авантюристы. Такъ, нѣкій Абдула-бекъ, претендентъ на ханскій престолъ, подошелъ съ шайкой своихъ приверженцовъ къ Коканду, жители котораго, однако, прогнали его, не желая непрощеннаго господства кара-киргиза.

¹⁾ У Абдурахмана было три семьи.

Населеніе, измученное неурядицами, разоряемое поборами, терроризированное кровожаднымъ Пулатъ-бекомъ, жаждало сильной, но и справедливой власти; законный же ея представитель ханъ Нассыръ-Эдинъ былъ олицетвореніемъ лишь слабости и ничтожества. Въ силу всего этого въ странѣ образовалась огромная партія, видѣвшая спасеніе только въ Россіи и жаждавшая присоединенія къ ней ханства, просить о чемъ уже пріѣзжали въ Ташкентъ выборныя отъ народа почетныя лица.

Но существовала, конечно, и другая партія, желавшая сохранить самостоятельность своей страны подъ ханскимъ управленіемъ. Къ ней принадлежали какъ фанатическое духовенство, такъ и придворные честолюбцы, игравшіе роль при ханскомъ режимѣ и понимавшіе, что при русскомъ управленіи утратится ихъ значеніе.

Какъ ни былъ ничтоженъ Нассыръ-Эдинъ, онъ еще носилъ свой титулъ, и партія рѣшила использовать это обстоятельство. Она отправила депутатовъ въ Махрамъ, гдѣ въ это время ханъ жилъ подъ нашей охраной, и убѣдила его вернуться въ столицу, обѣщая не только личную его безопасность, но и поддержку въ утвержденіи его власти. Нассыръ-Эдинъ поддался увѣреніямъ и 30-го января въѣхалъ въ Кокандъ при торжественной обстановкѣ, ловко подготовленной партіей. Было очевидно, что власть безвольнаго хана будетъ только номинальной, а править страной станутъ честолюбцы, подъ вліяніе которыхъ онъ успѣлъ подпасть.

Таково было политическое положеніе страны, о чемъ былъ хорошо освѣдомленъ Скобелевъ, съ нетерпѣніемъ ждавшій рѣшенія изъ Петербурга. Чтобы быть ближе къ извѣстіямъ оттуда, онъ уѣхалъ въ Наманганъ, сдавъ начальствованіе надъ экспедиціоннымъ отрядомъ въ Андижанѣ помощнику своему полковнику Меллеру-Закомельскому, приказавъ ему, въ случаѣ движенія Пулатъ-бека изъ Маргелана, выслать авангардъ въ Ассакѣ.

Вскорѣ получились свѣдѣнія, что Пулатъ-бекъ съ пятью тысячами конницы при пяти орудіяхъ направился изъ Маргелана въ Учъ-Курганъ. Немедленно былъ высланъ отрядъ подъ командой ротмистра флигель-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго, который разбилъ и разсѣялъ банду, отнялъ орудія и 28-го января занялъ Учъ-Курганъ. Но самъ Пулатъ-бекъ ускользнулъ и бѣжалъ въ Каратыгинскія горы.

XV.

Судьба ханства наконецъ была рѣшена. 5-го февраля 1876 г. генераль-лейтенантъ Колпаковскій получилъ изъ Петербурга отъ Кауфмана телеграмму: «Снисходя къ общему желанію кокандскаго народа принять подданство Россіи, а также не видя возможности другимъ способомъ успокоить населеніе, государь императоръ

высочайше повелѣлъ соизволилъ нынѣ же принять ханство въ подданство его величества, переименовавъ его въ Ферганскую область. Начальникомъ этой области его величеству благоугодно было назначить свиты своей генераль-майора Скобелева».

Рѣшеніе это, давно желанное, несказанно обрадовало русское населеніе края и въ столицѣ его, Ташкентѣ, вызвало всеобщее ликование. Но для многихъ радость эта омрачилась заключительной фразой телеграммы о назначеніи Скобелева. Хотя оно было совершенно естественно, вытекая изъ недавнихъ заслугъ Михаила Дмитриевича, тѣмъ не менѣе новое его повышеніе создало ему и новыхъ враговъ изъ имѣвшихъ преимущество передъ нимъ по старшинству и опыту въ управленіи. Весь Ташкентъ только и говорилъ объ этомъ назначеніи: у каждаго недовольнаго были друзья и родственники, и легко себѣ представить, сколько толковъ и шума поднялось въ взбудораженномъ муравейникѣ. Недруги Скобелева старались, конечно, чернить его: въ его донесеніяхъ усматривали преувеличеніе силъ противника; обвиняли Скобелева въ жестокости, съ которой онъ сжигалъ жилища и уничтожалъ имущество населенія, примѣняя карательную систему, не практиковавшуюся въ туркестанскихъ походахъ. Обвинители, конечно, закрывали глаза на то, что борьба съ непокойными кочевниками разнилась отъ военныхъ пріемовъ противъ осѣдлыхъ народовъ, имѣвшихъ регулярныя арміи, поражение которыхъ и полагало конецъ кампаніи. Вообще обвиненія на Скобелева сыпались безъ мѣры и дошли до своего апогея послѣ слѣдующаго событія.

Высочайшимъ повелѣніемъ о присоединеніи ханства вызывалось незамедлительное занятіе войсками Коканда. Генераль Кауфманъ, еще до своего отъѣзда въ Петербургъ (5-го декабря 1875 г.), увѣренный въ успѣхѣ своихъ представленій высшему правительству, далъ подробную инструкцію въ Ташкентѣ и намѣтилъ всѣ воинскія части, которыя должны были занять страну, лишь только получитъ о томъ телеграмма, приказавъ своевременно сосредоточить ихъ въ Ходжентѣ. Врядъ ли данныя указанія въ точности были выполнены, ибо когда пришла телеграмма 5-го февраля, то хотя штабные тотчасъ надѣли походную форму и красовались въ ней на улицахъ Ташкента и въ театрѣ, но съ выступленіемъ не торопились... Между тѣмъ Скобелевъ, увѣдомленный изъ Петербурга о своемъ назначеніи и учитывая всѣ смутныя политическія обстоятельства въ странѣ, времени не терялъ. Онъ заранѣе выполнилъ данныя ему инструкціи, у него все было готово для немедленнаго занятія ханства. Онъ его и занялъ... Въ Ташкентѣ къ генералу Колпаковскому донесеніе Скобелева пришло 8-го февраля:

«Имѣю честь почтительнѣйше донести вашему превосходительству объ образованіи двухъ отрядовъ, согласно волѣ гене-

раль-адъютанта Кауфмана о движеніи къ Коканду. Въ 16 верстахъ отъ Коканда узналъ, что ханъ выѣзжаетъ ко мнѣ навстрѣчу. Свиданіе произошло въ кишлакѣ Якъ-Мулла. Бывшій ханъ, пораженный нашимъ неожиданнымъ появленіемъ, повиновался объявленной ему волѣ государя императора и вчера доставилъ изъ Коканда 29 орудій; остальные во власти войскъ въ Кокандѣ. При движеніи отряда жителямъ кишлаковъ объявлялось о принятіи ихъ въ подданство великаго государя. Въ кишлакѣ Бульбы пришли ночью. Улицы были освѣщены кострами; народъ повсемѣстно ликуетъ, узнавъ о присоединеніи къ Россіи. Вчера заняты ворота Нау-Бухара оренбургскою сотнею, полуротою конныхъ стрѣлковъ, 2 ракетными станками. 8-го февраля, въ 11 часовъ утра вступилъ въ Кокандъ съ отрядомъ изъ 4-хъ ротъ пѣхоты, 4-хъ сотенъ казаковъ, роты конныхъ стрѣлковъ, ракетной батареи и 6 орудій. Занявъ урду (дворецъ вмѣстѣ съ цитаделью), укрѣпился и принялъ всѣ военныя мѣры къ обезпеченію противъ возможныхъ случайностей. Комендантомъ Коканда назначилъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, начальникомъ города майора Ястржембскаго. Населеніе Коканда встрѣчало на улицахъ съ меньшимъ выраженіемъ радости по случаю присоединенія. Приписываю такое настроеніе сближенію Нассыр-Эдина съ сторонниками газавата, выразившемуся приглашеніемъ на службу людей наиболѣе враждебныхъ Россіи, какъ-то: Абдуль-Гафаръ-бека, Абдуль-Мумына, скрывшагося въ Кокандѣ и мн. др. менѣе вліятельныхъ; сборомъ сарбазовъ, несомнѣнно, враждебныхъ русской власти, хотя, можетъ быть, и необходимымъ для эксъ-хана. Завтра отправлю хана въ Махрамъ; туда же будетъ отправленъ и Автобачи; они будутъ сданы коменданту Махрама, майору Родзянко. Батырь-тюря и сегодня схваченный въ Кокандѣ Абдуль-Мумынь—арестованы. Считаю опасенія мои относительно возможности враждебныхъ дѣйствій Нассыр-Эдина, если бы на то дано ему было время, основательными, несмотря на весьма вліятельную, многочисленную партію, сочувствующую присоединенію.

«Кавалерійскій отрядъ, подъ командой полковника Меллера-Закомельскаго, изъ Андижана, присоединился ко мнѣ вчера, пройдя 140 верстъ въ 31 часъ. Объявленіе о присоединеніи къ Россіи Ассаке и Маргелана принималось народомъ восторженно. Жители Маргелана просили отрядъ войти въ городъ, что и было исполнено; улицы города и базаръ были иллюминированы. По дорогѣ жители кишлаковъ встрѣчали радостно; вездѣ достарханъ.

«Не менѣе замѣчательно движеніе № 2 подвижнаго артиллерійскаго взвода поручика Шобалова, прошедшаго на соединеніе съ моимъ отрядомъ 100 верстъ въ сутки. Пѣхота наманганскаго отряда, подъ командою подпоручика Комарова, выступивъ изъ Киргизъ-Кургана въ 9 часовъ утра 6-го февраля, задержанная пере-

правою черезъ Дарью у Сары-Су 8 часовъ, прошла 50 верстъ и прибыла въ Боульды въ тотъ же день въ первомъ часу ночи.

«Акь-Джарскій отрядъ сейчасъ пришелъ. 5 ротъ андижанскаго отряда жду съ часу на часъ. Въ Ферганской области все спокойно».

«Генераль-м. Скобелевъ» 1).

Громъ съ безоблачнаго неба произвелъ бы меньше волненія, чѣмъ донесеніе Скобелева... Не поддается описанію поднявшійся въ извѣстной части общества взрывъ негодованія противъ Михаила Дмитриевича: возмущалась публика, намѣченная въ походъ и втайнѣ мечтавшая о возможныхъ въ Кокандѣ волненіяхъ и вслѣдъ за ними усмиреніяхъ, соединенныхъ съ полученіемъ награды. Злобствовали и выше стоявшіе, самолюбіе которыхъ было болѣзненно уязвлено Скобелевымъ, предвосхитившимъ главную роль въ этомъ историческомъ событіи. Всѣ его враги—прежніе и новыя, мелкіе и крупныя—объединились и кричали, что онъ подлежитъ суду за дерзкое самовольство, за превышеніе власти и т. д. Смѣшно сказать, но раздавались грозные голоса, говорившіе, что преступленіе Скобелева карается смертною казнью...

Сдержанный Колпаковскій не выражалъ ни порицанія, ни неудовольствія и ограничился выпускомъ объявленія о занятіи Коканда войсками генерала Скобелева. Ему же, какъ временному представителю высшей власти въ краѣ, оставалось лишь констатировать фактъ присоединенія ханства къ Россіи, въ силу высочайшаго повелѣнія.

Запоздалое выступленіе войскъ изъ Ташкента началось того же 8-го февраля, а 15-го весь отрядъ выстроился подъ стѣнами столицы Коканда, въ ожиданіи прибытія генерала Колпаковскаго. Здѣсь Скобелевъ подготовилъ подобающую ему встрѣчу, ожидая его со всѣмъ своимъ штабомъ, съ почетнымъ карауломъ и съ депутациями отъ столицы и всѣхъ городовъ ханства. Бравый видъ войскъ, блескъ офицерскихъ мундировъ, яркія одежды туземцевъ въ зеленыхъ и бѣлыхъ чалмахъ,—все подъ чудеснымъ весеннимъ солнцемъ являло своеобразную эффектную картину.

Встрѣченный музыкой, генераль Колпаковскій принялъ рапортъ и, обойдя войска, подошелъ къ депутатскимъ группамъ: онъ объявилъ (черезъ переводчика), что государь принимаетъ кокандцевъ, какъ новыхъ подданныхъ, въ общую семью, общаая милость, равноправіе и правосудіе, если они будутъ покорны его волѣ. Затѣмъ, надеясь, что они спокойно вернуться къ мирнымъ занятіямъ, генераль просилъ всѣхъ молиться за Бѣлаго Царя. Жители и депутаты, внимательно выслушавъ переведенную имъ рѣчь, приклады-

1) Тамъ же, № 7.

вали руки ко лбу и сердцу, выражая этимъ покорность и любовь, отвѣчали: «Такъ велитъ Богъ. Великъ Аллахъ».

Окруженный штабомъ, въ сопровожденіи почетнаго конвоя изъ казачьихъ сотенъ, при пушечной пальбѣ генераль Колпаковскій вѣхалъ въ столицу.

На дворцовой площади были выстроены скобелевскія войска, занявшія Кокандъ 5-го февраля; тутъ же стояла колонія русскихъ съ хлѣбомъ-солью, представители города съ достраханомъ, а кругомъ толпились тысячи туземцевъ—пѣшихъ и конныхъ. Колпаковскій произвелъ парадъ войскамъ, благодарилъ ихъ за доблестную службу и, поздравивъ ихъ и русскую колонію, провозгласилъ ура государю императору. Громовое отвѣтное ура разнеслось на далекое пространство и, соединенное съ русскимъ гимномъ и пушечными выстрѣлами, завершило официальное торжество присоединенія богатой новой области къ составу Россійской имперіи.

Отпраздновать это историческое событіе Михаилъ Дмитріевичъ пригласилъ всѣхъ прибывшихъ къ себѣ на пиръ. Не было недостатка въ широкомъ гостепрѣимствѣ хозяина, а своеобразная восточная прелесть дворцовыхъ палатъ, гдѣ онъ жилъ, музыка и иллюминація—все придавало празднику блескъ и красоту. За обѣдомъ провозглашались тосты, составлялись депеши въ Петербургъ и Москву, велись шумныя, оживленные бесѣды.

Войскамъ и депутатамъ было устроено угощеніе, и народъ, видимо, былъ доволенъ.

Казалось, пора было уলেখся недоброжелательству къ Скобелеву; но нѣтъ, недруги Михаила Дмитріевича затаили обиду. Съ возвращеніемъ въ край генераль-адъютанта Кауфмана была сдѣлана попытка дискредитировать въ его глазахъ Скобелева, и однимъ лицомъ была принесена на него жалоба за своевольное взятіе Коканда. Константинъ Петровичь, по своему обыкновенію, давая право всѣмъ высказываться, выслушалъ внимательно докладчика и такъ ему отвѣтилъ: «Скобелевъ одновременно съ вами получилъ мою телеграмму и, какъ знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ, тотчасъ же поторопился исполнить планъ сосредоточенія войскъ подъ Кокандомъ, предполагая, вѣроятно, что и вы не станете терять времени. Я былъ правъ, посылая телеграмму въ Ташкентъ и къ Скобелеву; этимъ я обезпечивалъ успѣхъ дѣла. Если бы вы, придя десятью днями позже, встрѣтили сопротивленіе въ Кокандѣ, вамъ пришлось бы вести осаду, терять людей и пр. и Богъ знаетъ, чѣмъ бы это кончилось; а Скобелевъ понялъ, въ чемъ дѣло, занялъ Кокандъ безъ потери одного человѣка и сдѣлалъ хорошо. Да вы объяснились съ нимъ?» — «Нѣтъ,—отвѣтилъ Н:—я былъ съ нимъ очень любезенъ». — «Ну, такъ зачѣмъ же вы мнѣ жалуетесь? Вы бы

лучше съ нимъ объяснились, и дѣло было бы вамъ ясно, что вы опоздали, а не онъ упредилъ васъ»¹⁾).

Кауфманъ умѣлъ говорить просто, но и внушительно, чѣмъ и отбилъ охоту у многихъ, собиравшихся приписать ему подобныя жалобы на Скобелева.

Одного неожиданнаго врага обезоружилъ самъ Мих. Д-чъ. Правителемъ канцеляріи генераль-губернатора былъ въ это время генераль Гомзинъ, человѣкъ очень честный, усердный служака, но ума не широкаго, образованія не блестящаго и въ общемъ близко подходившій къ типу «бурбона». Онъ кичился своимъ положеніемъ, такъ какъ должность правителя канцеляріи была видная и черезъ нее проходили всѣ назначенія. Скобелевъ былъ назначенъ безъ всякаго участія Гомзина, чѣмъ генераль былъ недоволенъ. Фрондируя и поддаваясь господствовавшему антискобелевскому настроенію, Гомзинъ тоже попробовалъ протестовать и на докладѣ у генераль-губернатора сказалъ Кауфману: «Не рискованно ли было, ваше высокопревосходительство, назначать на отвѣтственный административный постъ слишкомъ ретиваго кавалериста?» На эту выходку Кауфманъ отвѣтилъ: «А вотъ, Андрей Ивановичъ, сдѣлаемъ опытъ, авось этотъ кавалеристъ насъ не осрамить». Когда Скобелевъ пріѣхалъ въ Ташкентъ, ему, конечно, сталъ извѣстенъ выпадъ Гомзина. Въ порядкѣ службы губернаторы являлись къ правителю канцеляріи. Всѣ, кто зналъ Михаила Дмитриѣвича, помнятъ, конечно, его блестящую внѣшность, и вотъ онъ явился къ Гомзину во всей красѣ. Гомзинъ принялъ его холодно и даже высокомерно, но Скобелевъ не смутился. Почтительно поклонившись, онъ отрекомендовался: «Ваше превосходительство видите передъ собой новичка въ гражданской службѣ, у котораго нѣтъ ни знаній, ни опыта; ему нуженъ руководитель, и онъ пришелъ искать его въ лицѣ вашего превосходительства»... На минуту Гомзинъ оторопѣлъ, но самообольщеніе взяло верхъ, и, не понявъ тонкой ироніи, генераль просіялъ, любезно протянулъ руку и обѣщаль свое руководство. Безсмертная истина оправдалась: лесть и на этотъ разъ нашла уголокъ въ человѣческомъ сердцѣ и быстро измѣнила мнѣніе Гомзина: съ той поры онъ сталъ защитникомъ Скобелева.

Е. Толбуховъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

---

¹⁾ Подлинное письмо Кауфмана къ ген. Троцкому. Семейный архивъ П. М. Кауфмана-Туркестанскаго.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СКОБЕЛЕВЪ ВЪ ТУРКЕСТАНЪ ¹⁾.

XVI.

ВЭТО годѣ губернаторствовалъ Михаилъ Дмитріевичъ, и этотъ годъ былъ послѣднимъ годомъ его службы въ Туркестанѣ. Вступая въ должность, онъ озаботился раньше всего завести твердый порядокъ въ политической жизни области. Усмиреніе кипчаковъ, сдача Автобачи и другихъ агитаторовъ, а также удаленіе хана—гарантировало бы спокойствіе, если бы еще гдѣ-то не скрывался Пулатъ-бекъ. Хотя шайки его приверженцевъ были разсѣяны, но онъ могъ ихъ собрать и надѣлать хлопотъ. Его надѣ было добыть во что бы то ни стало, и Скобелевъ разумно рѣшилъ поручить это дѣло своимъ джигитамъ, т. е. отряду отважныхъ туземцевъ, пострадавшихъ во время правленія Пулатъ-бека. Не прошло и десяти дней, какъ онъ былъ настигнутъ въ предгорьяхъ Алая, схваченъ и доставленъ въ Маргеланъ, гдѣ орудовалъ въ свое время этотъ извергъ въ полномъ смыслѣ слова: упиваться казнями и кровью составляло потребность его натуры, и такое наслажденіе онъ доставлялъ себѣ ежедневно, казнивъ въ теченіе своего трехмѣсячнаго правленія до четырехъ тысячъ человѣкъ. Дворъ цитадели, гдѣ совершались звѣрства, былъ пропитанъ кровью, заражавшей смрадомъ воздухъ. Въ числѣ жертвъ было много вліятельныхъ туземцевъ, и въ то же время

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣст.», т. CXLVI, стр. 369.

погибли семь русскихъ, захваченныхъ въ плѣнъ рыскавшими шайками.

Казнь русскихъ была однимъ изъ послѣднихъ звѣрствъ Пулатъ-бека. Схваченный, онъ былъ повѣшенъ въ Маргеланѣ 29 февраля 1876 г. Его ближайшій сотрудникъ Абдулъ-Мумынъ также казненъ въ Ташкентѣ.

Осѣдлое населеніе, никогда не сочувствовавшее безпорядкамъ, вносимымъ кочевыми элементами, радовалось, что злодѣи понесли заслуженную кару, и мирная жизнь быстро наладилась: народъ занялся полевыми работами, благо важное для земледѣлія время весны еще не было потеряно. Сильно оживилась и торговля, особенно въ городахъ. Непосильные налоги въ послѣднее время правленія Худояръ-хана, а затѣмъ и кипчакская смута парализовали всю промышленно-торговую жизнь страны, а съ переходомъ ея въ подданство Россіи возродилось ко всему полное довѣріе; и купцы говорили, что торговые обороты достигли давно небывалаго развитія. Такое же впечатлѣніе получилось и въ сосѣднихъ странахъ—въ Кашгарѣ и Каратегенѣ. Эти ханства торопились посылать посольства съ изъявленіями дружбы, и коммерческія съ ними сношенія немедленно и безпрепятственно установились.

Теперь настало время для Скобелева проявить свои силы на административномъ поприщѣ, вводя въ новой области управленіе на началахъ русской гражданственности. Съ внѣшней стороны затрудненій не представлялось: дѣлить ее на уѣзды, волости и т. д. слѣдовало по примѣру уже ранѣе устроенныхъ трехъ областей. Задача сводилась къ внутреннему управленію народомъ, къ точному примѣненію того политическаго курса, который былъ преподанъ высшей властью въ краѣ, признавшей, что честь и достоинство Россіи требуютъ управлять туземцами твердо, безъ всякихъ поблажекъ, но съ уваженіемъ къ правамъ, дарованнымъ имъ милостью монарха.

Скобелевъ не боялся признавать себя новичкомъ въ гражданскомъ управленіи, но къ менторству Гомзина не прибѣгалъ. Ему было ясно, что нуженъ былъ не менторъ, а кадры сотрудниковъ и подчиненныхъ, людей честныхъ и опытныхъ, работая съ которыми онъ пріобрѣталъ бы нужныя ему самому знанія. Такихъ людей онъ и искалъ какъ въ военной средѣ, такъ и среди чиновниковъ, выбирая не изъ залетныхъ птицъ, думавшихъ только о томъ, чтобы, прослуживъ положенный трехгодичный срокъ, убѣжать изъ края, но изъ тѣхъ скромныхъ тружениковъ, которые, поживъ въ далекой, но богатой дарами природы Средней Азій, оставались здѣсь на службѣ, выполняя тѣмъ патріотическій долгъ передъ Россіей. Въ Туркестанѣ было не мало людей такого честнаго закала.

Выборъ хорошихъ людей облегчался особыми условіями жизни въ новомъ краѣ, едва насчитывавшемъ 8 лѣтъ существова-

нія¹⁾. Русская колонія была еще очень малочисленна въ сравненіи съ туземнымъ населеніемъ и какъ безопасность, такъ и отдаленность отъ общей родины спланивала русскихъ тѣснѣе, а прекрасный климатъ страны съ блестящимъ солнцемъ въ теченіе 9—10 мѣсяцевъ заставлялъ забывать о многихъ недочетахъ въ жилищахъ и въ устройствѣ и вводилъ ту простоту жизни и отношеній, при которой не только служебныя дѣла, но и частная жизнь были у всѣхъ въ виду. Качества и недостатки служащихъ бросались всѣмъ въ глаза, а по нимъ складывались и соотвѣтствующія репутаціи. Къ этому никѣмъ не стѣсняемому общественному мнѣнію прислушивалась и высшая власть края.

Скобелевъ и самъ, конечно, умѣлъ разбираться въ людяхъ, и если у него были враги-завистники, то были и приверженцы, которые, вѣрно его оцѣнивая, стремились перейти къ нему на службу. Какъ губернаторъ, Скобелевъ былъ всегда доступенъ всѣмъ сослуживцамъ, и его искреннее желаніе войти въ курсъ новаго дѣла сближало его съ ними, а въ совмѣстной дружной работѣ устанавливалось обоюдное довѣріе. Онъ не кичился своимъ начальническимъ положеніемъ и не вносилъ въ него ничего сухого и офиціальнаго. Его гостепримный домъ былъ широко имъ открытъ, а своеобразная окраинная жизнь придавала особую прелесть отношеніямъ, въ которыхъ не замѣчалось, однако, никакой фамиллярности.

Лихорадочная энергія, свойственная Скобелеву во всякомъ дѣлѣ, заражала его сотрудниковъ, такъ что уже къ концу апрѣля государственная машина была въ полномъ ходу: образовались уѣзды и ихъ управленія; работало областное правленіе и губернаторская канцелярія; наладились городскія хозяйства и т. д.

Чтобы ближе узнать нужды народа и внушить ему довѣріе въ русскую власть, Скобелевъ приказалъ вывѣсить около своего дома, а также на площадяхъ и базарахъ, что онъ принимаетъ лично и каждый день просителей со всякими просьбами и жалобами. Туземцы были этимъ очень довольны. Просьбы добросовѣстно разбирались, и каждый обиженный находилъ защиту. Мѣра эта ограждала населеніе отъ злоупотребленій туземныхъ сборщиковъ податей, жестоко притѣснявшихъ народъ въ ханское время. Теперь же жалобы указывали на недобросовѣстныхъ людей, и такъ какъ онѣ поступали со всей области и передавались канцеляріей губернатора въ соотвѣтствующіе уѣзды, то этимъ облегчалось дѣло и главныхъ агентовъ Скобелева—уѣздныхъ начальниковъ.

Весь день Скобелева проходилъ въ занятіяхъ. Вставалъ онъ рано, особенно весной и лѣтомъ; и уже въ 7 часовъ, напившись чаю, крѣпкаго, какъ кофе, принималъ доклады начальника штаба, предсѣдателя областного правленія, правителя своей канцеляріи, начальника

¹⁾ Генераль-губернаторство учреждено въ 1867 году.

города, уѣздныхъ начальниковъ и т. д. Затѣмъ выходилъ къ про- сителямъ. Въ часъ подавался завтракъ, на которомъ бывало всегда человѣкъ 15. Домъ его заботами его матери былъ очень хорошо обставленъ, а большія средства, получаемыя изъ Россіи, позволяли принимать не стѣняясь. Днемъ Мих. Дм. объѣзжалъ казармы, слободы и т. д., а послѣ обѣда, который подавался въ 6 часовъ, онъ опять садился за работу, занимаясь нерѣдко до 2-хъ часовъ ночи. Спалъ онъ мало, но на здоровье не жаловался.

Входить въ подробности его управленія не наше дѣло; для будущаго историка Скобелева найдутся матерьялы въ архивахъ канцелярій. Но въ подтвержденіе общей характеристики сказаннаго приведемъ выдержки изъ письма генераль-губернатора, посѣтившаго Ферганскую область въ концѣ года. Кауфманъ писалъ начальнику штаба, генералу Троицкому, бывшему въ это время въ Петербургѣ.

«17 ноября 1876 г. Васъ интересуеть знать, какое впечатлѣніе произвела на меня поѣздка въ Ферганскую область. Общее впечатлѣніе самое хорошее. Михаилъ Дмитріевичъ занимается серьезно своимъ дѣломъ, вникаетъ во все, учится и трудится. Ферганская область такая же, какъ Заравшанскій округъ, по наружной обстановкѣ; почти какъ Сыръ-Дарьинская область: уѣздные начальники, аксакалы, волостные управители, старшины, казіи и пр. встрѣчаютъ, дѣлаютъ «кулдуки»¹⁾, какъ и здѣсь. Народъ подаетъ «арсы»²⁾ съ полнымъ довѣріемъ и, кажется, доволенъ своимъ теперешнимъ положеніемъ. Уѣздные начальники въ Ферганѣ все славные люди. Все бодрствуетъ и трудится. Въ Кокандскомъ уѣздѣ подъ предѣтельствомъ полковника Носовича сформирована организаціонная комиссія, которая въ теченіе зимы введетъ поземельный податной вопросъ въ дѣло. Весною, если въ Кокандскомъ уѣздѣ все будетъ хорошо, члены этой комиссіи послужатъ кадрами для сформированія организаціонныхъ комиссій въ прочихъ уѣздахъ, такъ что въ теченіе лѣта можно организовать всю область. Когда это дѣло удастся и ничто постороннее извнѣ ему не помѣшаетъ, то можно быть спокойнымъ за Фергану. Дай только Богъ, чтобы не выкинула чего-нибудь Бухара и Кашгаръ.

«Въ Кокандѣ русскому городу негдѣ строиться. Климатъ нездоровый: грунтовая вода на 1¹/₂—2 аршина отъ поверхности земли. Да, надо снять съ этой бывшей столицы ханства ея спесь; тамъ и теперь еще не совсѣмъ ладно. Маргеланъ центральный, на 73 версты ближе къ юго-западной границѣ, и оттуда войсковому резерву одинаковыя разстоянія во всѣ стороны. Мѣсто свѣжее и почти свободное отъ сартовскихъ построекъ. Крѣпость наша на первой нашей позиціи

¹⁾ Поклоны.

²⁾ Просьбы.

къ сторонѣ горъ, вдоль прекраснаго сая (рѣка) съ обильной здоровой водой. Войска вездѣ строились и во время моего объѣзда. Войска славныя, съ прекраснымъ духомъ» ¹⁾).

Но не однимъ устройствомъ гражданской жизни туземцевъ былъ занять Скобелевъ, а большую часть своего времени и всю свою сердечную заботу онъ отдавалъ тѣмъ «славнымъ войскамъ», которыя составляли главное ядро силы и могущества Россіи въ далекомъ краѣ. Всѣ стремленія его были направлены къ тому, чтобы обезпечить не только матеріальное и физическое благополучіе нашего воинства, но и нравственное его здоровье.

Условія жизни туземцевъ не подходили, конечно, къ привычкамъ русскихъ людей и, начиная съ жилищъ, все должно было заново устраиваться; поэтому Михаилъ Дмитріевичъ самъ выбиралъ мѣстности, обязательно съ хорошей водной системой, для постройки зимнихъ казармъ, лѣтнихъ барачковъ, лазаретовъ, лагерныхъ стоянокъ, санитарныхъ станцій и т. д. Это требовало большого труда, и такъ какъ воинскія части были раскинуты по всей области, то ему приходилось часто ее объѣзжать. Въ Кокандѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ онъ лично наблюдалъ за постройками и всевозможными приспособленіями въ нихъ, чтобы предохранить солдатъ отъ заболѣваній въ непривычномъ климатѣ, среди населенія, подверженнаго многимъ, у насъ неизвѣстнымъ, недугамъ, какъ, на примѣръ, маляріи, эпидемическимъ зобамъ, сартовскимъ язвамъ и даже страшной библейской проказѣ. Пища и одежда, сообразно временамъ года, играли важную роль въ этомъ вопросѣ, и нечего говорить, какъ Скобелевъ строго наблюдалъ за интендантскими поставками.

Ради того же охраненія здоровья войскъ въ жаркомъ климатѣ въ округѣ были строго запрещены всѣ спиртные напитки. Но одной строгостію не уберечь солдата отъ соблазна, и Михаилъ Дмитріевичъ старался заводить разумный и пріятный порядокъ въ ихъ жизни, въ часы досуга. Среди офицерства, любившаго своего начальника, онъ нашелъ много дѣятельныхъ помощниковъ въ исполненіи его плана. Обученіе грамотѣ было обязательно; учителями были офицера, и они вели дѣло такъ хорошо, что солдаты учились очень охотно. Достижшіе успѣховъ не безъ гордости записывались на право чтенія въ бібліотекахъ, заведенныхъ при чайныхъ, бывшихъ въ каждой воинской части. Въ этихъ же чайныхъ, гдѣ солдаты любили собираться, устраивались импровизированные концерты, тамъ же составлялись планы спектаклей, очень забавлявшихъ солдатъ и служившихъ развлеченіемъ даже для посторонней публики. Иногда спектакли были очень удачны. На почвѣ соревнованія проявлялись и таланты. Поощрялись также состязанія въ стрѣльбѣ, въ скач-

¹⁾ Семейный архивъ П. М. Кауфмана-Туркестанскаго.

кахъ, въ гимнастикѣ и т. п. Всѣ эти занятія оздоравливали атмосферу солдатской жизни, и туркестанскіе воины отличались не только трезвостью, но и особой щеголеватой выправкой и порядочностью, что, однако, нисколько не умаляло ни дисциплины, ни ихъ беззавѣтной храбрости.

Среди служебныхъ привилегій для Туркестанскаго края было разрѣшено за идущими туда на службу солдатами слѣдовать ихъ семьямъ. Семьямъ этимъ отводились помѣщенія въ слободкахъ, и на каждую семью выдавалось пособіе для обзаведенія, чѣмъ при баснословной (въ то время) дешевизнѣ жизни достигались удобства и довольство. Эти семейные очаги были чрезвычайно благотѣтельны, предохраняя нравственность солдатъ и предупреждая всегда возможныя столкновенія съ мусульманскимъ населеніемъ, строго оберегающимъ свою замкнутую жизнь. Это было тѣмъ болѣе важно въ новой области, гдѣ малѣйшее недоразумѣніе могло вызвать фанатизмъ, и Скобелевъ съ особенной заботой устранивалъ молодя хозяйства, помогая имъ даже изъ своихъ личныхъ средствъ.

Здѣсь кстати сказать, что, благодаря этимъ налаженнымъ семейнымъ очагамъ, многіе солдаты, отбывая положенные годы службы, оставались въ краѣ, и именно такія солдатскія слободки разрослись впоследствии въ богатые поселки, колонизируя край чисто русскими людьми.

XVII.

Вся дѣятельность Скобелева по устройству области, обрисованная нами лишь въ общихъ чертахъ, выдвигала его, какъ выдающагося губернатора. Но его кипучая натура не находила достаточно удовлетворенія въ дѣлѣ, которое уже было налажено, тѣмъ болѣе, что и въ каждой отрасли управленія стояли достойные полного довѣрія люди, которые не нуждались въ постоянномъ руководствѣ. Самому же Михаилу Дмитріевичу не доставало поэзіи походной жизни, ея заботъ, тревогъ, волненій, риска, удачъ... А войнъ не предвидѣлось. Лишь напоследокъ судьба ему улыбнулась, и туркестанская карьера его завершилась экспедиціею въ Алайскія горы.

Съ присоединеніемъ къ Россіи Ферганы въ долину ея, гдѣ группировалось осѣдлое населеніе и жили умиротворенные кипчаки, водворилось полное спокойствіе; но на ея южной окраинѣ въ горахъ, прилегающихъ къ Кашгару и Каратегену, замѣчалось сильное броженіе. Горы эти населены кара-киргизами, которые, состоя подданными кокандскаго хана, власти его не признавали, и когда въ ханствѣ поднимались волненія и междоусобицы, служили орудіемъ для призывавшихъ ихъ партій и набѣги свои сопровождали грабежомъ осѣдлаго населенія. Большую часть года кара-кир-

гизы кочевали въ трудно доступныхъ ущельяхъ Алая, а на зиму спускались въ предгорья. Хань не были въ силахъ держать ихъ въ рукахъ. Кара-киргизы полагали, вѣроятно, что и русской власти съ ними не сладить, ибо не только не посылали своихъ старшинъ съ изъявленіемъ покорности, но пытались даже воевать съ нами. Подстрекаемые агитаторомъ Абдулла-бекомъ, они прервали караванное сообщеніе съ Кашгаромъ въ долину рѣки Гульчи и убили 30 нашихъ джигитовъ, посланныхъ для поимки Абдулла-бека; остальныхъ взяли въ плѣнъ и укрѣпились на позиціи Янги—Арыкъ. Скобелевъ, узнавъ объ этомъ, немедленно выступилъ съ отрядомъ для обузданія ихъ. Киргизы, конечно, были разбиты, понесли огромныя потери убитыми, но и у насъ было 2 убитыхъ и 7 тяжело раненыхъ (одинъ офицеръ). Абдулла и остатки шайки скрылись въ горы. Это было въ апрѣлѣ.

Алай, какъ часть Кокандскаго ханства, ставшій теперь нашей территоріей, населенный исключительно кочевниками, представлялъ совершенно своеобразное явленіе и былъ, можно сказать, киргизскимъ царствомъ, надъ которымъ властвовала одна замѣчательная женщина, алайская Марға-Посадница — Курманъ-Джанъ, мужъ которой былъ казненъ въ 1863 г. кокандскимъ временщикомъ Алимкуломъ. Смѣлая и умная, она пользовалась огромнымъ вліяніемъ среди алайскихъ киргизовъ, управляя ими на патриархальныхъ началахъ. Весь народъ добровольно ей подчинялся, и всякое ея распоряженіе безпрекословно исполнялось. Со смерти мужа она стала грозой Коканда, и Худояръ-ханъ, считаясь съ ея значеніемъ, не только не враждовалъ съ ней, но старался ее задобрить, принимая съ почетомъ, богато одаривая и даже далъ ей титулъ «датхи», т. е. правительницы. Курманъ-Джанъ-датха цѣну себѣ знала: она помнила, что родоначальникомъ послѣдней ханской династіи былъ кара-киргизъ Нарбутъ изъ ея рода, и неудивительно, что властолюбивая женщина мечтала образовать въ трудно доступныхъ горахъ Алая новое независимое владѣніе подъ главенствомъ своей семьи. У нея было нѣсколько сыновей, изъ которыхъ Абдулла и Умаръ-беки особенно враждебно относились къ русскимъ.

Допустить подобную затѣю было, конечно, не мыслимо, и экспедиція была необходима, чтобы разъ навсегда разбить самообольщеніе киргизовъ и доказать имъ, что отъ русскихъ войскъ имъ не укрыться въ самыхъ неприступныхъ горныхъ дебряхъ, куда не смѣли и появляться ханскія войска.

Не имѣя завоевательныхъ цѣлей, экспедиція являлась только внушительною военною прогулкою, а чтобы весь народъ воочию могъ убѣдиться въ могуществѣ русскихъ, она приурочивалась на іюль и августъ мѣсяцы, когда богатая пастбищами горы кишатъ киргизскими кочевьями и ихъ стадами. По свѣдѣніямъ, на Алаѣ было

раскинуто до 15 тысячъ кибитокъ, слѣдовательно, кочевало не менѣе 75 тысячъ человекъ. Такъ какъ боевыхъ столкновений не предполагалось, а между тѣмъ Алай—преддверіе загадочнаго Памира—былъ страною совершенно неизвѣданною и изученіе его, насколько возможно, представляло большой интересъ, то въ экспедиціонный отрядъ были командированы для такихъ изслѣдованій нѣсколько специалистовъ: подпрапорщикъ Бенсдорфъ и механикъ Михельсонъ для барометрическихъ наблюдений, В. Ф. Ошанинъ для естественно-историческихъ коллекцій, А. О. Костенко для статистическихъ изслѣдованій и подпрапорщикъ А. В. Лебедевъ какъ начальникъ партіи топографовъ.

Самому Скобелеву ставилось задачей: изслѣдовать алайскіе пути, намѣтить границы съ сосѣдними ханствами и, ставъ въ долину Кызыль-Су, организовать управленіе киргизами и фактически подчинить ихъ русской власти.

Еще до выступленія Скобелеву было предписано занять небольшими отрядами главнѣйшіе выходы изъ горъ, дабы помѣшать киргизамъ спуститься въ долину для грабежа въ то время, когда отрядъ двинется въ горы. Порученіе было быстро исполнено и проходы: Кастакозь, Исфара, Сохъ, Вуадиль, Учъ-Курганъ и Наукатъ заняты.

Экспедиціонный отрядъ въ составѣ 8 ротъ, 4 сотенъ, 2 коннострѣлковыхъ полуротъ, 3 горныхъ орудій и ракетной батареи выступилъ 15 іюля тремя отдѣльными колоннами, имѣя соединиться къ началу августа въ нагорной долинѣ Алая, въ урочищѣ Арча-Булакъ. Колонны шли изъ Гульчи, Оша и Учъ-Кургана. Скобелевъ шель съ гульчинской колонной. И тѣ же доблестные туркестанцы, которые еще такъ недавно погружались въ глубокіе, сыпучіе пески хивинскихъ пустынь при 60° жары, теперь бодро преодолевали, при 30° мороза, впервые видѣнныя ими горныя выси въ 11—15 тысячъ футовъ, карабкаясь по опаснымъ тропамъ, уширя карнизы въ каменныхъ утесахъ, перекидывая мосты надъ бурными потоками, спускаясь въ ущелья по отвѣснымъ скаламъ... Ни тѣни колебаній ни передъ какими затрудненіями; бодрое настроеніе не ослабѣваетъ, и слышатся лишь веселыя прибаутки, вызываемыя новыми впечатлѣніями въ невиданной доселѣ обстановкѣ.

На долю каждой колонны выпалъ свой, болѣе или менѣе трудный перевалъ; но картина ихъ получается общей для всѣхъ. Такъ, гульчинская колонна, перейдя сравнительно легкіе Суфи-Курганъ и Кызыль-Курганъ, направилась къ перевалу Арчатъ, въ 12 т. футовъ высотой. Подступы къ нему, незамѣтно повышаясь, ведутъ по ущелью Акъ-буры, гдѣ бѣжитъ горная рѣчка и живописно раскинулись кусты боярышника, барбариса, группы тополей и арчи. Широкіе зеленые луга, какъ затѣйливый коверъ, усыпаны цвѣтами альпійской флоры: бѣлоснѣжный эдельвейсъ, голубой

подсѣжники, разныхъ колеровъ тюльпаны, лиловыя генціаны, красныя маки... Теплый воздухъ напоенъ ароматами, солнце блестя и грѣть, и все веселить и радуеть. Но съ подходомъ къ подошвѣ картина быстро мѣняется: исчезаютъ луга и рощи; мягкая почва замѣняется каменистымъ грунтомъ, и вдругъ вырастаетъ кажущійся почти отвѣснымъ, крутой скалистый подъемъ.

Высланы саперы исправлять опасныя мѣста. За ними слѣдуетъ кавалерія, которой приходится часто спѣшиваться: лошади спотыкаются о крупный булыжникъ, рискуя сорваться въ обрывистыя скаты; медленно идетъ пѣхота; съ вьюками большія затрудненія... Между тѣмъ воздухъ свѣжѣеть, солнце перестаетъ грѣть, поднимается холодный вѣтеръ, и температура падаетъ до 3° мороза. Отдается приказъ надѣть теплыя полушубки, заготовленные заботливымъ начальникомъ. Съ передышками и остановками отрядъ преодолеваетъ тягостный путь, гдѣ кругомъ видны только сѣрые камни да кости павшихъ животныхъ. Такъ идутъ 5—6 часовъ. Но лишь только поднялись на вершину—мигомъ исчезла усталость, сбѣжали унылыя сѣрыя впечатлѣнія, въ виду открывшейся панорамы: съ сѣверо-востока на юго-западъ раскинулось громадное луговое пространство, перерѣзанное вдоль и поперекъ горными ручьями; они сбѣгаютъ со всѣхъ сторонъ и, переплетаясь прихотливой сѣтью, несутся къ широкому руслу Кызыль-Су. А съ юга эту цвѣтущую долину окаймляетъ непрерывная цѣпь вѣчно снѣговыхъ горъ Заалайскаго хребта съ его отдѣльными грандіозными пиками. На восточной сторонѣ этой снѣжной 140-верстной стѣны выдѣляется группа Курунды съ ея нѣсколькими головами; на западной—конусомъ подымается Кизиль-Артъ, а еще западнѣе—подобно гигантскому шатру раскинулся своей 23-тысячной высотой пикъ Кауфмана. Множество другихъ горъ тѣнятся въ живописныхъ очертаніяхъ и общей громадой прикрываютъ таинственныя Памиры. Солнце играетъ яркими отливами изумруда и опала на ледяныхъ вершинахъ этихъ исполиновъ, застывшихъ въ ихъ спокойномъ и гордомъ величій.

Картина такъ великолѣпна, что, начиная со Скобелева, всѣ воины сами какъ бы застыли въ молчаливомъ восхищеніи...

Спускъ въ долину былъ легокъ. Вскорѣ пришли сюда другія колонны, и въ урочищѣ Арча-Булакъ выросъ городокъ изъ пестрыхъ бухарскихъ палатокъ и войлочныхъ киргизскихъ юртъ. Закипѣла лагерная жизнь на лонѣ природѣ, въ обстановкѣ почти библейской простоты: спали безъ кроватей, безъ столовъ и стульевъ, возлежа на душистомъ лугу, вкушали пищу... Зато трапеза, замѣнившая походные сухари, была лукулловская: подавались молодые барашки, купленные у киргизовъ, куропатки, улары (горныя индѣйки), перепелъ и т. п., настрѣленные охотниками, рыба.

1) Открылъ и назвалъ Федченко.

наловленная тутъ же въ Кызыль-Су. Все это запивалось превосходнымъ кумысомъ. Веселые разговоры и солдатскія пѣсни нарушали молчаніе величественныхъ горъ.

Но оживленіе царило только тутъ. Долина же на всей ея 20-верстной ширинѣ и на длинѣ 140 верстъ—безмолвствовала; въ ней не было никакого признака человѣческой жизни. А между тѣмъ именно сюда, на тучныя пастбища, обильно орошаемая здоровой водой, къ этимъ условіямъ богатства и счастья кочевниковъ, изъ года въ годъ шли десятки тысячъ киргизовъ съ имъ миллионными стадами. Теперь же, напуганные движеніемъ нашихъ войскъ, они попрятались въ ущельяхъ и оттуда слѣдили за надвигавшейся грозной силой. Это производило непріятное впечатлѣніе на всѣхъ.

Но когда ближайшіе къ лагерю аулы увидали, что грозная сила ничѣмъ имъ не угрожаетъ, а, напротивъ, казавшіеся страшными воины приходятъ къ нимъ покупать барановъ и кумысъ и честно за все расплачиваются серебряными деньгами, да еще добродушно съ ними разговариваютъ (многіе солдаты хорошо говорили по-киргизски), кочевники мало-по-малу стали проникаться довѣріемъ, и болѣе благоразумные старшины явились къ начальнику отряда съ изъявленіемъ покорности отъ ихъ общества. Однако, пока это было меньшинства; между тѣмъ шли слухи, что агитаторы работаютъ и подъ предводительствомъ Абдулла-бека собираются шайки. Скобелевъ распорядился послать рекогносцировочные отряды въ разныя стороны, чтобы разгонять ихъ и наблюдать за общимъ настроеніемъ народа, рекомендуя избѣгать суровыхъ мѣръ. Ему хотѣлось подчинить киргизовъ мирнымъ путемъ, дѣйствуя черезъ вліятельныхъ личностей. Такой могла быть Курманъ-Джанъ, но о ней не было слышно, пока отряду полковника Витгенштейна не удалось попасть въ аулъ, гдѣ находилась алайская правительница. Какъ оказалось, она, заслышавъ о походѣ русскихъ, рѣшила уйти въ Кашгаръ и перекочевала туда со своимъ имуществомъ и стадами. Но богатства ея соблазнили тамошнія власти, и, ограбленная ими, Датха вернулась въ русскіе предѣлы и отдалась въ руки Витгенштейна.

Когда ее привезли въ лагерь къ Скобелеву, генералъ принялъ ее ласково, одарилъ богатыми халатами и золотой кружкой, долго съ ней бесѣдовалъ, совѣтуя ей повліять успокоительно на покорныхъ ей сородичей. Умная азіатка сообразила, что теперь она имѣетъ дѣло не съ ничтожнымъ ханомъ, боявшимся ея, а съ смѣлымъ и могущественнымъ врагомъ, осилившимъ неприступныя твердыни ея родныхъ горъ, что руководитъ имъ не страхъ, а великодушіе, и, тронутая его обращеніемъ, принесла искреннюю покорность, обѣщая во всемъ ему содѣйствовать. И Скобелевъ оказалъ ей полное довѣріе, предоставивъ ей свободно жить, гдѣ она хочетъ.

Нужно замѣтить, что кочевья племена Средней Азии, несмотря на ихъ задорность, чрезвычайно честны и симпатичны, и Скобелевъ игралъ на психологіи народной души. Покоривъ кипчаковъ, болѣе суровыхъ, чѣмъ киргизы, онъ отдалъ такой приказъ: «24 октября 1876 г. Областная администрація обязана весьма чутко слѣдить за всякими попытками взбунтовать кипчакское населеніе,— это народъ честный, но воинственный, способный надѣлать намъ въ будущемъ много хлопотъ. Съ ними необходимо обращаться твердо, но съ сердцемъ,—это долженъ всегда помнить начальникъ Андиджанскаго уѣзда».

Съ киргизами, сродными кипчакамъ, но совсѣмъ не фанатичными, почти добродушными, слѣдовало дѣйствовать мягче; онъ такъ и поступилъ и не ошибся: дахта сдержала свое слово; подъ ея вліяніемъ немедленно же всѣ киргизскія общества подчинились раздѣленію ихъ на волости и введенію у нихъ русскаго управленія. Подчинились они и обложенію болѣе непокорныхъ пеню въ 1½ зякета и приказанію итти на разработку Гульчинско-Алайской дороги (Скобелевскій путь).

Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ и показать результатъ политики Скобелева, забѣжимъ впередъ. Сыновья Курманъ-Джанъ изъ руководителей беспорядковъ впослѣдствіи превратились въ мирныхъ волостныхъ старшинъ, безъ недоимокъ собиравшихъ кибиточную подать для русскаго казначейства. Только одинъ Абдулла-бекъ ушелъ въ Вакханъ. Но мать тосковала о немъ, и Скобелевъ порадылъ своей честной помощницѣ, имѣя при этомъ въ виду и пользу дѣла. Вотъ что онъ писалъ генераль-губернатору 1-го октября 1876 г.: «Мнѣ извѣстно желаніе Курманъ-Джанъ-датхи возвратить своего сына Абдулла-бека въ предѣлы Ферганской области. Народъ говоритъ, что Абдулла-бекъ всегда былъ весьма послушнымъ сыномъ, да и нельзя вообще сомнѣваться, что вліяніе вдовы Алимъ-бека до сихъ поръ весьма значительно, не только въ своемъ семействѣ, но и вообще между всѣми кочевниками Ошскаго и Маргеланскаго уѣздовъ. Такъ какъ мужъ ея, Алимъ-бекъ, былъ племени авигине—рода барги, а султанша, о которой имѣю честь докладывать, по рожденію принадлежитъ къ племени мунгушъ—рода анолякъ, то я полагаю, что мы съ большою пользою можемъ дѣйствовать черезъ нее на болѣе значительную и, по преданіямъ, наименѣе склонную къ спокойствію часть пограничнаго съ Кашгаромъ кочевого населенія».

Насколько было сильно вліяніе этой женщины и крѣпко ея слово, видно изъ того, что до самой ея смерти киргизы Алая оставались самыми мирными русскими подданными.

VIII.

7-го августа Скобелевъ выступилъ изъ Арча-Булака на востокъ для обзора кашгарской границы.

Къ каждому дѣлу, поручаемому Михаилу Дмитриевичу, онъ всегда относился серьезно, прилагая къ нему не только свой талантъ, но и добросовѣстность въ исполненіи. Опредѣлить наши границы съ новымъ сосѣдомъ въ глухомъ углу Средней Азіи, казалось бы, задача совсѣмъ простая; но Скобелевъ не ограничился формальной стороной дѣла, а сумѣлъ къ этому чисто мѣстному вопросу примѣнить широкой масштабъ нашихъ государственныхъ задачъ не только здѣсь, но и за предѣлами Средней Азіи.

Для обрисовки этого послѣдняго крупнаго дѣла Скобелева въ Туркестанѣ мы будемъ пользоваться очень цѣннымъ документомъ: его собственноручнымъ письмомъ-докладомъ съ Алая Константину Петровичу фонъ-Кауфману. Письмо на десяти листахъ большаго формата ¹⁾.

Съ полуротой конныхъ стрѣлковъ и 2 ракетными станками Скобелевъ прошелъ черезъ перевалъ Тунгъ-бурунъ (11.800 футовъ) и, сдѣлавъ въ первый день 39 верстъ, остановился на ночлегъ за переваломъ. На слѣдующій день, пройдя 17 верстъ, достигъ кашгарскаго пикета, расположеннаго при слияніи рѣкъ Нуры и Кокъ-Су. Какъ офицеръ генеральнаго штаба, онъ отмѣчаетъ въ мельчайшихъ подробностяхъ весь пройденный путь, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, подготовить его для движенія по немъ войскъ съ орудіями и приходитъ къ такому выводу:

«Дѣйствительность далеко превзошла мои ожиданія и привела меня къ положительному убѣжденію, что разъ какъ будетъ проведена арбяная дорога отъ Гульчи черезъ перевалъ Тандыкъ на Алай, къ разработкѣ коей будетъ приступлено 1-го сентября 1875 года и которая, по всей вѣроятности, будетъ окончена усиліями майора Ионова къ 1-му іюню 1877 году, то путь Ошизъ, Гульча, Талдыкъ-даванъ, Тонгъ-бурунъ, Улукъ-Чашъ, Кашгаръ—будетъ, если не единственнымъ, то главнымъ нашимъ операционнымъ направленіемъ изъ Ферганской области къ Кашгару». ²⁾

Затѣмъ, стоя вблизи пикета, Скобелевъ передаетъ свои впечатлѣнія о кашгарскихъ солдатахъ, описывая ихъ вооруженіе, обмундированіе и т. д. Здѣсь же, получивъ просьбу отъ начальника передоваго поста не двигаться далѣе, уважилъ ее, не желая возбуждать недоразумѣній; да находилъ это и ненужнымъ, такъ какъ личныя его наблюденія и цѣнныя свѣдѣнія, добытыя путемъ разспросовъ, освѣ-

¹⁾ Семейный архивъ П. М. Кауфмана-Туркестанскаго.

²⁾ Курсивъ Скобелева.

тили ему положеніе дѣла въ торговомъ и военныхъ отношеніяхъ. По этимъ изслѣдованіямъ выяснилось слѣдующее: кашгарскій Бадаулетъ Якубъ-бекъ, пользуясь замѣтнымъ ослабленіемъ ханской власти въ послѣдніе годы царствованія Худояра кокандскаго, безъ всякаго соглашенія съ ханомъ, фактически присоединилъ южные склоны Алая, два года тому назадъ, не довольствуясь пограничной водораздѣльной линіею, распространивъ свои владѣнія на верховья рѣки Тары, у Узгента, впадающей въ Кара-Дарью. Такимъ образомъ, часть подвластныхъ намъ киргизовъ стала въ подчиненіе теперь Кашгару, что, конечно, недопустимо. Но этого мало. На верховьяхъ Тары Якубъ-бекъ построилъ укрѣпленіе Ойталь, а позади Иркшитана—укрѣпленіе Улукъ-Чашъ. Ойталь стоитъ на урочищѣ Алайку, что даетъ возможность кашгарскимъ властямъ вліять на нашихъ киргизовъ, кочующихъ по Тару и Кара-Дарьѣ. На Алайку же могутъ укрываться, какъ уже это и было, безпокойные элементы и не желающіе платить зякетъ (подати).

«Мириться съ такими границами немисливо, какъ потому, что это лишаетъ насъ удобныхъ административныхъ пунктовъ для управленія нашими горными подданными, такъ и еще главнымъ образомъ потому, что мы не должны допускать чьего бы то ни было вліянія на нихъ, кромѣ нашего. Исторически доказано, что хотя горныя племена нравственнѣе и воинственнѣе долинныхъ жителей, но, не съ организованныя въ государственномъ смыслѣ, они не способны къ продолжительной самобытности и рано или поздно подчиняются власти изъ смежныхъ съ ними долинныхъ странъ, конечно, одной сильнѣйшей или болѣе искусной. Не можетъ быть двухъ мнѣній, что не намъ уступать право первенства. Всѣ эти условія требуютъ возстановленія исторической границы, т. е. нашего права владѣть всей горной линіею Ферганскаго Тянь-Шаня.

«Въ торговомъ отношеніи признаніе за Якубъ-бекомъ границъ по водораздѣльной линіи рѣкъ системы Дарьи и Кокъ-Су также для насъ крайне невыгодно: какъ бы сравнительно ни казалось прочно положеніе азіатскаго государя, тѣмъ не менѣе въ отношеніи спокойствія и безопасности подвластныхъ населеній оно не можетъ представлять столько гарантій, сколько власть государей европейскихъ. Исторія всѣхъ самыхъ могущественныхъ азіатскихъ властителей показываетъ, какія часто самыя ничтожныя случайности были поводомъ къ ихъ низверженію. Политическія же границы недоступны мусульманскому строю.

«Торговые пути, проходя черезъ первостепенные снѣговые хребты и трудно доступныя трущобы, гдѣ всегда съ успѣхомъ могутъ укрываться шайки грабителей, казалось бы, заставляютъ насъ особенно внимательно относиться къ вышеизложенному.

«Значительное торговое движеніе черезъ Ферганскій Тянь-Шань будетъ обезпечено лишь тогда, когда мы выдвинемъ нашу власть за

предѣлы горъ и будемъ, такимъ образомъ, хозяевами горной полосы. Для насъ еще должны быть слишкомъ памятны апрѣльскія событія (кровопрлитное янгнарыское дѣло и гибель 39 лучшихъ нашихъ джигитовъ) и тѣ причины, которыми нѣсколько недѣль тому назадъ была отчасти вызвана алайская экспедиція, чтобы кому-либо до-вѣрять отвѣтственность за продолжительную безопасность перво-степенныхъ торговыхъ путей съ Восточнымъ Туркестаномъ.

«Точно также въ вопросѣ объ обезпеченіи таможенного сбора слѣдуетъ настаивать на восстановленіи прежней границы, такъ какъ тогда мы можемъ ограничиться однимъ зякетнымъ постомъ, а не вы-ставлять караулы во многихъ пунктахъ.

«Всѣ вышеизложенныя административныя и торговыя неудоб-ства исчезнуть, когда снова будетъ восстановлена для Ферганской области историческая граница бывшаго Кокандскаго ханства.

«Разобравъ, насколько позволили время и обстоятельства, воз-ложенный на меня довѣріемъ вашего высокопревосходительства во-просъ о проведеніи этой пограничной черты, наиболѣе выгодной для насъ въ административномъ и торговомъ отношеніяхъ, позволяю себѣ коснуться и не менѣе существенныхъ соображеній и разсмо-трѣть вновь предполагаемую черту съ точки зрѣнія исключительно военныхъ и политическихъ интересовъ».

По необходимости пропуская рядъ основательныхъ и логиче-скихъ доводовъ Скобелева въ пользу намѣченной имъ границы, при-ведемъ лишь конечные его выводы.

«Заканчиваю: признавъ весь Ферганскій Тянь-шань нашимъ, мы
1) обезпечиваемъ спокойствіе въ горахъ и увеличиваемъ государ-ственный доходъ.

2) Владѣемъ «*les issues des frontières*».

3) Во всякую данную минуту можемъ дебушировать во флангъ и на сообщенія противника.

4) Всѣ выгоды, сопряженныя съ внезапностью дѣйствій— инициатива, въ нашихъ рукахъ.

5) Вынуждаемъ непріятеля несоразмѣрно дробить свои силы или отойти къ центру».

Затѣмъ, перечисляя перевалы, съ разныхъ сторонъ ведущіе къ этой границѣ, намѣчая подходящіе пункты для постройки укрѣпле-ній, Скобелевъ останавливается на мысли объ образованіи новаго казачьяго войска.

«Въ виду значенія, которое пріобрѣтаетъ для насъ новая кашгар-ская граница въ томъ видѣ, въ которомъ я осмѣливаюсь просить ваше высокопревосходительство ее признать, есть нѣсколько пунк-товъ, на которыхъ было бы желательно основать казачьи станицы, разъ навсегда обезпечивающія намъ дѣйствительное обладаніе горною полосою и обезпечивающія власть въ краѣ русскаго элемента».

На опасеніе, выраженное многими, что вновь переселенное малочисленное христіанское населеніе можетъ подчиниться вліянію мусульманской окружающей среды, Скобелевъ указываетъ на примѣръ гребенскихъ и уральскихъ казаковъ, сохранившихъ въ теченіе 400 лѣтъ въ полной силѣ и крѣпости свои религіозные и національные устои. Да и въ самомъ Туркестанскомъ краѣ существовало молодое Семирѣченское войско, не внушавшее подобныхъ опасеній и оказавшее не мало цѣнныхъ услугъ при завоеваніи края.

Детально разработавъ этотъ пограничный вопросъ съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ, Скобелевъ перенесъ его въ сферу общегосударственнаго значенія, что видно изъ его письма отъ 12-го августа 1876 года къ генералу Кауфману, которое мы приведемъ ниже.

Скобелеву былъ хорошо извѣстенъ взглядъ Кауфмана на назрѣвавшія тогда на Ближнемъ Востокѣ событія: сербское возстаніе всколыхнуло славянскій міръ, взволновало Европу; для Константина Петровича неизбѣжность новой войны съ Турціей, за спиной которой явно стояла Англія, была очевидна; ясно ему было и то, что славянскій вопросъ неразрывно связанъ съ вѣковымъ вопросомъ о проливахъ, что въ разрѣшеніи послѣдняго Англія не уступитъ присвоеннаго ею себѣ рѣшающаго голоса и что давленіе на Англію возможно было съ нашей стороны лишь въ Средней Азій. Однимъ словомъ, Константинъ Петровичъ понималъ и еще въ февралѣ 1876 года убѣждалъ князя Горчакова и Милютина, что если борьба завяжется на Балканахъ и у Босфора, то для благополучнаго ея исхода намъ необходимо ошестиниться на рубежѣ сокровищницы Англіи. Тамъ, въ Туркестанѣ, на пути въ Индію, была Ахиллесова пята Англіи, тамъ, гдѣ противъ русскихъ штыковъ не могли прійти на помощь ея сухопутнымъ наемнымъ войскамъ безчисленные броненосцы съ ихъ дальнобойными орудіями и гдѣ испытанные въ бояхъ и походахъ туркестанскіе батальоны и сотни, даже при своей относительной малочисленности, способны были навести такую панику у сосѣдей, которая совершенно измѣнила бы роли борцовъ въ дипломатической кампаніи, приведшей насъ къ берлинской конференціи. Теперь можно уже съ увѣренностью-сказать, что прозорливость его не обманывала. Если бы ему вняли, не только честный маклеръ Бисмаркъ не получилъ бы для себя и своихъ австро-венгерскихъ подручныхъ куртажа, за который мы кровью расплачиваемся теперь, но наши недоразумѣнія и временное непониманіе общихъ интересовъ и общаго врага съ Англіей были бы давно уже разрѣшаны и тотъ союзъ, который призванъ нынѣ спасти Европу и освободить культурный міръ отъ ига бронированнаго кулака, былъ бы къ общему благу давно совершившимся фактомъ. Скобелевъ все это зналъ, понималъ и прочувствовалъ и тоже придавалъ задуманной Кауфманомъ демонстраціи рѣшающее значеніе и потому, провѣривъ, насколько было возможно, лично тѣ свѣдѣнія о предполагавшемся движеніи въ сторону Индіи.

которыя онъ получилъ отъ Константина Петровича, онъ успѣшилъ подѣлиться съ нимъ своими впечатлѣніями со свойственными ему опредѣленностью и широкимъ размахомъ мысли, можетъ быть, мечтающая оказаться опять *впереди*, въ случаѣ осуществленія Кауфманскаго плана. Не въ укоръ нашей доблестной нынѣ союзницѣ приводимъ мы это историческое воспоминаніе, а въ назиданіе современникамъ, которымъ надо помнить, что «gouverner—c'est prévoir».

«Свобода выраженія всѣхъ моихъ мыслей, дарованная мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ съ перваго дня назначенія моего начальникомъ Наманганскаго отдѣла,—писалъ Скобелевъ,—и увѣренность въ снисходительной улыбкѣ вашей, если бы даже мною было высказано что-либо, не вполне соответствующее съ возложенными на меня вами прямыми обязанностями, даютъ мнѣ смѣлость и на этотъ разъ коснуться поднятаго вами вопроса будущаго, быть можетъ, не нашего поколѣнія, но который не можетъ не быть признанъ вѣнцомъ нашихъ усилій въ Средне-Азіатскомъ вопросѣ—способностью нашей (при извѣстной долѣ беззавѣтной рѣшимости, которая будетъ вполне оправдана результатами, могущими быть завоеванными для величія отечества) занять относительно Азіатскихъ Британскихъ владѣній такое *угрожающее* положеніе, которое облегчило бы рѣшеніе въ нашу пользу труднаго восточнаго вопроса—другими словами: завоевать Царьградъ своевременно, политически и стратегически вѣрно направленною *демонстраціею*...

«Рѣшившись продолжать службу въ Средней Азіи, пока ваше высокопревосходительство, которому я всѣмъ обязанъ, не признаете болѣе полезнымъ призвать меня къ другой дѣятельности, я не могъ, всѣми силами сердца и мозга, не коснуться этого исполнскаго вопроса. И я въ этомъ твердо увѣренъ: въ политикѣ, какъ и на войнѣ, только невозможное—дѣйствительно возможно... Современная англійская литература все болѣе и болѣе свидѣтельствуешь, какого страха англичане набрались съ тѣхъ поръ, какъ русскіе интересы въ Средней Азіи ввѣрены вамъ и какая страшная угроза для нихъ ваше имя.

«Англичане слишкомъ предусмотрительны и практичны, чтобы тревожиться неисполнимымъ.

«Обращаясь къ связи, существующей между этимъ великимъ вопросомъ и русскою властью въ Ферганской области, мнѣ кажется, что ей не слѣдуетъ увлекаться возможностью имѣть *рѣшающее* значеніе въ могущей быть борьбѣ, такъ какъ главные операціонные пути внѣ сферы ея дѣйствій, но ей слѣдуетъ стать въ такое стратегически-выгодное положеніе, чтобы въ данный моментъ быть въ состояніи также въ извѣстной степени способствовать успѣху.

«Восточный Туркестанъ по богатству средствъ вполне въ состояніи содержать значительную армію—не только самостоятельный демонстративный отрядъ.

«Пути, ведущіе изъ владѣній Бадаулета въ провинцію Ле (Ладакъ), принадлежащую Кашмиру, до крайности пустыни, трудно доступны и страдаютъ мѣстами безкормицей; они продегають черезъ самыя высокіе перевалы на земномъ шарѣ,—но войскамъ, имѣвшимъ счастье участвовать подъ вашимъ начальствомъ въ безсмертномъ Хивинскомъ походѣ, нельзя ихъ признать окончательно недоступными.

«Появленіе русскихъ войскъ въ Ле (Ладакъ), по признанію всѣхъ англійскихъ военныхъ авторитетовъ, повлекло бы за собою немедленно возстаніе всей сѣверной, горной, воинственной, ненавидящей англичанъ полосы Индіи, отъ Муссафербата до Патны, принудило бы англійскую армію, сосредоточенную въ Пейшаурѣ, *отойти* (а шагъ назадъ для нихъ *такъ же, если не въ сильнѣйшей степени*, какъ и для насъ, повлечетъ за собою неисчислимыя бѣдствія; это и другое здѣсь сказанное, если вашему высокопревосходительству угодно приказать, я могу подтвердить англійскими же авторитетами) по крайней мѣрѣ къ Лагору, облегчило бы наступленіе главныхъ силъ на Индъ и, быть можетъ, разбило бы вдребезги съ 1857 года *все болѣе и болѣе колеблющееся англійское владычество въ Индостанѣ*.

«Изъ Ферганской области въ предѣлы Кашмира ведетъ путь, который, смѣю думать, намъ, ферганцамъ, не слѣдуетъ забывать: черезъ Терекъ-даванъ, Мустангъ къ Яркенду; изъ Яркенда Кара-кумскій переваль къ Ле (Ладаку) и далѣе черезъ проходъ Дзоджилла въ Кашмиръ.

«Этимъ путемъ полчища Мирза-Хайдара и Секундеръ-хана кашгарскаго въ 1543 году вторглись въ Кашмиръ.

«Что могли сдѣлать лишенные воинской доблести и не одушевленные безпредѣльною преданностью государю и отечеству, азіатскія полчища, конечно, сумѣютъ исполнить славныя туркестанскія войска...

«Заключаю: и въ видахъ отдаленнаго будущаго, а также и въ *настоящую многозначительную историческую минуту* вполне возможныхъ самыхъ непредвидѣнныхъ политическихъ неожиданностей намъ необходимо владѣть Ферганскимъ Тянь-Шанемъ, безъ чего своевременно выдвинутая, какъ громомъ поражающая весь индійскій міръ быстротою наступленія *демонстрація* къ Яркенду немислима...¹⁾ Арчабулакъ. 12-го августа 1876 года».

Съ восточной стороны алайской возвышенности Скобелевъ направился на западъ, черезъ Дараутъ-Курганъ и Большой Каракумъ къ границѣ Каратегенскаго владѣнія, во главѣ котораго стоялъ особый царекъ, носившій титулъ «Ша». Въ зависимости отъ мѣстныхъ внутреннихъ раздоровъ, къ которымъ присоединялось вмѣшательство сосѣдней бухарской власти, возникли нѣкоторыя

¹⁾ Въ письмѣ этомъ всѣ курсивы Скобелева.

недоразумѣнія и съ нами по вопросу о подданствѣ киргизовъ, что могло грозить столкновениемъ. Стоя между двухъ огней, Скобелевъ сумѣлъ, однако, благоразумно и мирно покончить дѣло, о которомъ онъ доносилъ Кауфману: «Въ *трудную*, только что *пережитую* мною минуту *сомнѣнія* я и на этотъ разъ всѣми силами старался остаться *върѣнъ* той политикѣ терпѣнія и справедливости, которую во всѣхъ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ почти 11-лѣтняго управления краемъ ваше высокопревосходительство положили въ основаніе всѣхъ вашихъ рѣшеній». Отмѣчаемъ этотъ эпизодъ, такъ какъ враги Скобелева надѣялись, что онъ втянетъ насъ въ столкновение, которое и повредитъ ему.

Экспедиція приходила къ концу. Среди возложенныхъ на Скобелева дѣлъ онъ не забывалъ ученыхъ, находившихся въ отрядѣ. Они всегда пользовались полнымъ вниманіемъ Михаила Дмитриевича, доставлявшаго имъ все способы для успѣха ихъ работъ. Результаты ихъ научныхъ изысканій въ свое время были доложены въ ученыхъ обществахъ и печатались въ повременныхъ изданіяхъ. Вкратцѣ отмѣтимъ, что 1) были открыты совершенно невѣдомыя европейцамъ страны и до 26 тысячъ верстъ нанесено на карту съ опредѣленіемъ 11 астрономическихъ пунктовъ; 2) произведено 42 барометрическихъ измѣренія отъ Коканда до перевала Учъ-Бель-Су; 3) опредѣлено магнитное склоненіе на 5 пунктахъ; 4) собраны богатые естественно-историческія коллекціи.

Между тѣмъ наступила холодная погода. «Рука коченѣетъ», пишетъ Скобелевъ 18-го августа, извиняясь за плохой почеркъ. «Но, — доноситъ онъ, — въ отрядѣ все благополучно, войска обезпечены кошмами, палатками, для ночныхъ постовъ полушубками, мясомъ въ избыткѣ и провіантомъ въ достаточномъ количествѣ. Здоровье войскъ весьма удовлетворительно, несмотря на суровую погоду и на дѣйствительные труды и лишенія алайскаго похода».

Съ мѣста послѣдней стоянки у Дарауть-Кургана Скобелевъ произвелъ рекогносцировки ущелья Алтынъ-Дара и долины Мукъ-Су и наконецъ 28-го августа во главѣ отряда выступилъ обратно въ Кокандъ, черезъ перевалъ Кара-Казыкъ, высотой въ 14 тысячъ футовъ. Путь этотъ былъ чрезвычайно труденъ: онъ идетъ по леднику, засыпанному камнями. Преодоливъ все тяготы, отрядъ 1-го сентября былъ въ Вуадилѣ, кишлакѣ, лежащемъ у подошвы горъ, уже въ Ферганской долинѣ. Такимъ образомъ, экспедиція обошлась безъ кровопролитія. Но таланту все идетъ въ пользу: и въ этой мирной военной прогулкѣ, на перевалахъ Алайскихъ горъ, Скобелевъ приучался расправлять свои орлиныя крылья, чтобы позже уже со всей мощью парить на Балканскихъ высотахъ...

XIX.

Возвратясь въ Кокандъ, Скобелевъ нашель все въ полномъ порядкѣ и вступилъ въ управленіе областью; но рутинная, кабинетная работа утомляла его, и онъ разнообразилъ ее частыми поѣздками на ревизію уѣздныхъ правленій и войсковыхъ частей, выбирая самыя отдаленныя мѣста. Поѣздки онъ предпринималъ всегда верхомъ, дѣлая часто большіе переходы, испытывая на форсированной ѣздѣ выносливость коней и всадниковъ, причемъ вынесъ впечатлѣніе, что сдѣлать безъ отдыха 30 верстъ пріятно; 60—уже непріятно; 90—тяжко, а 120—нестерпимо. Часто ѣздилъ онъ и въ Маргеланъ¹⁾, слѣдя за устройствомъ будущаго областного города взаимѣнъ Коканда, гдѣ климатъ былъ нездоровъ, порождая массовыя заболѣванія зобомъ.

Михаилъ Дмитріевичъ былъ доволенъ народнымъ настроеніемъ, все и всюду было спокойно; но вдругъ совершенно неожиданно пришло извѣстіе, что вблизи Андижана появилась вооруженная шайка, подъ предводительствомъ какого-то агитатора, назвавшася Джигымъ (Сиротой)-ханомъ. Скобелеву это было тѣмъ болѣе непріятно, что онъ ждалъ пріѣзда въ Кокандъ начальника края, которому только что донесъ о полномъ благополучіи въ области. Повидимому, въ этомъ случаѣ не было ничего политическаго: разбойники ограбили двухъ сборщиковъ податей и били евреевъ и индусовъ, которые туземцами считаются нечистыми. Шайка численностью ничтожна, не превышала 300 человѣкъ и могла быть разогнана сотней козаковъ, но Скобелевъ былъ такъ разсерженъ, что рѣшилъ наказать этотъ *сбродъ*, какъ онъ ихъ называлъ: онъ разогналъ его и поступилъ очень круто: нѣсколько человѣкъ пойманныхъ были казнены на базарѣ въ Узгентѣ. Самъ Джигымъ-халъ скрылся.

Этотъ эпизодъ былъ, конечно, нехотати и непріятенъ генералъ-губернатору, но впечатлѣніе о немъ скоро сгладилось при объѣздѣ и обзорѣ всей области: города разрастались и строились; войска имѣли бравый и здоровый видъ и были прекрасно расквартированы въ новыхъ казармахъ; въ кишлакахъ жители встрѣчали начальника края съ видимымъ довѣріемъ, безъ всякихъ признаковъ угрюмой боязни; на мѣстныхъ базарахъ мирно толпились русскіе и туземцы. Кауфману, администратору опытному, было видно, что политическій тонъ, взятый Скобелевымъ, былъ вѣренъ и ведетъ къ тому, что и это новое владѣніе будетъ скоро такой же спокойной русской областью, какъ и ранѣе нами занятыя. Онъ остался всеѣмъ очень доволенъ и, уѣзжая, благодарилъ губернатора.

Но завистники Михаила Дмитріевича шпиѣли и проицзировали, называя постройки декораціями, сравнивая объѣздъ области Кауф-

¹⁾ Теперь Маргеланъ называется «Скобелевъ».

маномъ съ поѣздкой Екатерины въ Тавриду, въ сопровожденіи Скобелева-Потемкина и т. д. Какъ ни старались они такими выходками подорвать репутацію Скобелева въ глазахъ мѣстной власти,—это имъ не удавалось; зато случай помогъ имъ перенести ихъ козни и интриги далеко за предѣлы края.

Въ Кокандѣ пріѣхалъ полковникъ князь Х., посланный изъ Петербурга въ Туркестанъ по вопросу объ усиленіи войсковыхъ частей въ новой области. Скобелевъ, конечно, пригласилъ Х. остановиться въ его домѣ и, какъ любезный хозяинъ, фетировалъ его, знакомя его со всѣми оригинальными особенностями туземной жизни: была организована охота на кабановъ, поѣздки въ горы, устраивались байга, томаша и другія мѣстные развлечения. Удалось даже дать ему участіе въ небольшой экспедиціи, вызванной появленіемъ Джитымъ-хана.

Недрузи Скобелева, какъ старые знакомые Х., были, конечно, постоянными посѣтителями гостепріимнаго дома и наружно разыгрывали роль пріятелей хозяина. Все шло, повидимому, хорошо. Но людямъ, искренно преданнымъ Скобелеву, а такихъ было много, не нравилось слишкомъ большое его вниманіе къ петербургскому гостю: со стороны было замѣтно, что гость подпадаетъ подъ вліяніе враговъ Михаила Дмитріевича. Указывать ему на это было бы, пожалуй, безтактно, а самъ онъ ничего не подозревалъ.

Но именно черезъ посредство Х. перенеслась въ Петербургъ интрига, причинившая, хотя и временно, много огорченій Михаилу Дмитріевичу.

Съ отъѣздомъ Х. установился спокойный строй жизни, которымъ вполне удовольствовался бы любой губернаторъ. Но Скобелевъ былъ еще очень молодъ, все законченное уже не манило его; онъ хотѣлъ новой работы, болѣе широкой и дѣятельной, и такую думалъ найти въ должнсти начальника окружнаго штаба: генераль Троцкій собирался оставить этотъ постъ. Вѣрнѣе, однако, предположить, что жажда переменъ вызывалась поколебавшимся душевнымъ равновѣсіемъ Скобелева въ предчувствіи европейской войны. Это отчасти подтверждается письмомъ Константина Петровича Кауфмана къ Троцкому, бывшему тогда въ Петербургѣ. «Скобелевъ высказалъ мнѣ,—пишетъ Константинъ Петровичъ,—желаніе быть начальникомъ окружнаго штаба. Вы знаете, что это была и моя мысль, если бы обстоятельства такъ сложились, что вамъ нельзя будетъ вступить въ отправленіе вашихъ обязанностей. Я не далъ ему положительнаго отвѣта, но сказалъ, что буду радъ такому начальнику штаба, какъ онъ, если вы не возвратитесь. Михаилъ Дмитріевичъ трудится и вникаетъ во все, но любить онъ только военное дѣло. Онъ его любить страстно, онъ ничего больше не любитъ, какъ военное дѣло. Онъ весь проникнутъ мыслью полетѣть въ армію, которая, повидимому, собирается на берегахъ Дуная. Если война будетъ въ

Европѣ, его нельзя будетъ удерживать. Онъ мнѣ пишетъ: «Я буду служить, гдѣ вы потребуете, но я долженъ васъ предупредить, что душа моя и мысли мои будутъ тамъ, гдѣ будутъ гремѣть наши пушки».

Пушки еще не загремѣли, а душа Скобелева затосковала... Она рвалась къ Царьграду, къ храму Святой Софіи—къ этой исторической мечтѣ русскихъ крестоносцевъ... Онъ сталъ умолять Кауфмана содѣйствовать его поступленію въ дѣйствующую армію. Константинъ Петровичъ вполне ему сочувствовалъ и понималъ, что тамъ онъ будетъ нуженъ, и немедленно написалъ военному министру, горячо рекомендуя Скобелева и убѣждая Милютина воспользоваться этимъ талантомъ. Но въ отвѣтъ пришла шифрованная депеша: «Государь не соблаговолилъ на переводъ Скобелева»... Извѣстіе это поразило, конечно, Скобелева; оно удивило и Кауфмана, представленія котораго всегда уважались. Очевидно было, что дѣйствовали тутъ какія-то враждебныя вліянія. Не прошло, однако, недѣли, какъ получило приказаніе: «Генералу Скобелеву высочайше повелѣно немедленно прибыть въ Петербургъ для отправления въ дѣйствующую армію».

Желаніе М. Д., повидимому, сбылось, но форма вызова смутила его; присутствовавшіе при его свиданіи по этому поводу съ Кауфаномъ были удивлены его подавленнымъ настроеніемъ.

Какъ бы то ни было, вопросъ былъ рѣшенъ, и Туркестанъ терялъ Скобелева. Проводы его въ Ферганѣ были очень сердечны; и не только со стороны сослуживцевъ и подчиненныхъ и русскихъ жителей, успѣвшихъ оцѣнить его безпристрастіе, отзывчивость и тактъ въ личныхъ отношеніяхъ, а и со стороны туземцевъ, для которыхъ онъ былъ грозой въ честныхъ бояхъ, но, получивъ власть, сталъ начальникомъ доступнымъ и, главное, справедливымъ, что превыше всего цѣнится мусульманами. Всѣ по-своему выражали ему уваженіе и симпатіи, и Скобелевъ, глубоко растроганный, съ грустью прощался съ ставшей ему милой Ферганой.

Нечего говорить о его разлукѣ съ любимыми войсками. Приводимъ его приказъ: «Разставаясь съ доблестными войсками Ферганской области, которыми я имѣлъ счастье командовать въ столь памятное и славное время, съ благодарностью и съ гордостью вспоминаю о совершенныхъ вмѣстѣ подвигахъ, имѣвшихъ результатомъ покореніе всего ханства Кокандскаго, въ свое время достойно оцѣненныхъ милостивымъ словомъ Государя Императора и вниманіемъ командующаго войсками округа.

«Въ продолженіе полугодового командованія войсками Наманганскаго дѣйствующаго отряда, а впослѣдствіи войсками Ферганской области, я имѣлъ случай неоднократно убѣдиться, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, что войска относились ко мнѣ

съ довѣріемъ и сознавали ту безпредѣльную привязанность къ ихъ славѣ и благосостоянію, которая постоянно одушевляла меня въ этотъ продолжительный и незабвенный періодъ.

«Благодарю всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ высочайше вѣранныхъ мнѣ войскъ. Воспоминаніе о службѣ съ ними навсегда останется лучшимъ воспоминаніемъ моей жизни.

«Съ казаками судьба судила мнѣ впервые сразиться съ непріателемъ въ Кокандскомъ ханствѣ, въ первые же дни по открытіи военныхъ дѣйствій. Я счастливъ, что могу напомнить имъ, какъ много они заработали по истинѣ *кавалерійской славы* въ 1875 году, подъ Махрамомъ. Подъ Ульджибаемъ, Ассаке, Учъ-Курганомъ ихъ молодецкому натиску мы исключительно обязаны побѣдою. Наскоро сформированный конно-стрѣлковый дивизионъ быстро сроднился съ боевыми особенностями тогдашней незабвенной службы Наманганскаго дѣйствующаго отряда и въ кавалерійскихъ столкновеніяхъ съ непріателемъ съ первыхъ же дней своего существованія доказалъ, что ничего нѣтъ невозможнаго для нашего туркестанскаго солдата.

«Отъѣзжая въ дѣйствующую армію, быть можетъ, наканунѣ новой встрѣчи съ непріателемъ, мнѣ остается желать лишь одно, чтобы въ самыя трудныя минуты боевого испытанія я бы сражался съ такими же молодецкими, съ такими же доблестными войсками, какъ тѣ, съ которыми мнѣ здѣсь пришлось служить и сражаться.

«Еще разъ благодарю всѣхъ моихъ сослуживцевъ—войска Ферганской области. Прошу ихъ не поминать меня лихомъ и вѣрить, что только надежда на вѣроятное близкое столкновеніе съ непріателемъ можетъ одна, хотя отчасти, заглушить глубокую скорбь разставанія съ ними.

«Свиты его величества генераль-майоръ Скобелевъ».

Не мало нашлось у Михаила Дмитріевича друзей и въ Ташкентѣ, во главѣ которыхъ стоялъ Константицъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, издавшій на прощаніе слѣдующій приказъ:

«Разставаясь съ бывшимъ военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками Ферганской области, свиты его величества генераль-майоромъ Скобелевымъ, я не могу не вспомнить цѣлаго ряда блестящихъ военныхъ подвиговъ, ознаменовавшихъ службу его въ высочайше вѣренномъ мнѣ округѣ, Энергичное и точное исполненіе указаннаго ему плана военныхъ дѣйствій въ зиму съ 1875 по 1876 годъ привело къ сокрушенію партіи войны въ бывшемъ Кокандскомъ ханствѣ.

«Будучи назначенъ военнымъ губернаторомъ вновь образованной изъ ханства Ферганской области, генераль-майоръ Скобелевъ съ тою же энергіею принялся за гражданское устройство покореннаго края, и на этомъ новомъ поприщѣ труды его увѣнчались быстрымъ и полнымъ успѣхомъ. При посѣщеніи моемъ въ концѣ прошлаго года Ферганской области я нашелъ администрацію области

какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ, совершенно устроенною вездѣ и во всемъ стройный порядокъ.

«Искренно, отъ души благодарю свиты его величества генераль-майора Скобелева за его блестящіе военные подвиги и гражданскіе труды во вѣренномъ мнѣ краѣ, о которыхъ я навсегда сохраню самое отрадное воспоминаніе».

«Генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ I. 1)»

16 февраля 1877 года Скобелевъ выѣхалъ изъ края и на рубежѣ его, въ фортѣ Казалинскѣ, остановился, чтобы опомниться и отдохнуть отъ тысячи верстъ адскаго пути по распутицѣ въ тарантасѣ.

Здѣсь, на станціи, онъ еще разъ пишетъ своему другу-начальнику, Константину Петровичу Кауфману. Письмо это, какъ всѣ письма Скобелева, полно интереса, но мы сдѣлаемъ изъ него лишь небольшую выписку, непосредственно относящуюся къ только что пережитому.

«Позвольте,—пишетъ Скобелевъ,—еще и еще выразить вамъ мою глубокую сердечную признательность за все вами для меня сдѣланное; служба моя подъ вашимъ начальствомъ навсегда останется лучшимъ воспоминаніемъ моей жизни. Не говорю уже о положеніи, извѣстной репутаціи, которыми всецѣло вамъ обязанъ, я въ особенности долженъ никогда забывать, какимъ *человѣкомъ* я прибылъ во вѣренный вамъ край въ 1869 году и какимъ *человѣкомъ* я теперь ѣду отъ васъ въ дѣйствующую армію. Я въ полномъ смыслѣ слова ваше созданіе, сознаю это, всегда буду сознать и горжусь этимъ».

XX.

Послѣдуемъ теперь за Скобелевымъ въ Петербургъ. Люди военные, вѣроятно, еще помнятъ, что вызванный въ 1877 году изъ Туркестана генераль Скобелевъ, имѣя право и надежду получить какое-либо отвѣтственное назначеніе въ дѣйствующей арміи, началъ кампанію безъ опредѣленнаго положенія чуть ли не ординарцемъ у генерала Драгомирова.

Но до этой обиды Скобелеву пришлось вынести еще большое горе: немилостивый пріемъ у государя, подробности котораго знала очень немногіе. Если эти обстоятельства еще не забыты современниками, то едва ли кому-нибудь извѣстно, чѣмъ была опала Скобелева вызвана. Личность же Михаила Дмитриевича слишкомъ значительна, чтобы допустить для потомства не разъясненною какую-либо тѣнь въ его жизни и дать поводъ объяснять гнѣвъ императора дѣйствительною виной передъ нимъ Скобелева: Между тѣмъ, какъ потомъ выяснилось, всему причиною была интрига—плодъ трудовъ его завистниковъ.

1) Оба приказа въ «Турк. Вѣд.» 1877 г. № 8.

Въ личныхъ нашихъ воспоминаніяхъ живо сохранились событія того времени и имена враговъ Скобелева; сохранились и документы въ видѣ писемъ-автографовъ лицъ, интересовавшихся судьбою Скобелева, въ силу дружескихъ и служебныхъ съ нимъ отношеній.

Трудно сказать, когда злословіе и сплетня царили неограниченнѣе—въ нынѣшнемъ ли Петроградѣ, или въ Петербургѣ 70-хъ годовъ; но несомнѣнно, что и въ то время репутаціи нерѣдко создавались и разрушались не заслугами и проступками, а интригами, рекламой и клеветой. Кстати сказать, столичные круги были всегда падки на сплетни изъ отдаленныхъ окраинъ и чѣмъ значительнѣе и выше было лицо, о которомъ измышлялись легенды, тѣмъ радостно-злостнѣе ихъ принимали и вѣрили имъ. Не беремся углубляться въ психологію этого явленія—но такъ это было.

Авторами такихъ разсказовъ были, конечно, ничтожества, не выносившія ничьего давящаго ихъ превосходства ума, таланта, доблести; сами не обладая такими достоинствами, они не могли возвыситься и потому всѣми силами старались принизить до себя все, что было выше ихъ.

Такъ случилось и со Скобелевымъ.

Въ концѣ 1876 года, въ то время именно, когда Скобелевъ хлопоталъ о переводѣ его въ дѣйствующую армію, по Петербургу были пущены слухи «изъ Средней Азіи», несомнѣнно, имѣвшіе цѣлью подорвать его репутацію, уже твердо создавшуюся въ Туркестанѣ. По этому поводу генераль Троцкій писалъ Константину Петровичу Кауфману 19 декабря 1876 года:

«N. привезъ сюда какіе-то неблагопріятные отзывы о Скобелевѣ. Онъ ссылается, что все это онъ слышалъ отъ разныхъ будто бы проѣзжающихъ черезъ Оренбургъ офицеровъ. Не фабрикація ли это его сыновей, изъ которыхъ двое, кажется, въ Ферганской области? До N. я ни слова не слыхалъ дурного о Скобелевѣ, и впервые онъ мнѣ повѣдалъ, что и ваше высокопревосходительство имъ недовольны и пр. и пр. Слава Богу, какъ я и ожидалъ и возражалъ, изъ письма вашего вижу, что все сообщавшееся не больше, какъ сплетни, которыми неизвѣстно почему дана такая вѣра въ Оренбургѣ».

Но это, можно сказать, былъ пробный шаръ съ ближайшаго отъ Туркестана этапнаго пункта къ Петербургу. Оренбургъ еще со временъ Черняева завидовалъ Туркестану, охотно принималъ всякія оттуда розказни и еще охотнѣе отправлялъ ихъ дальше. Докатывались онѣ въ Петербургъ уже съ варіаціями; тутъ ихъ слушали въ гостинныхъ и будуарахъ, и разсказчики не стѣснялись украшать ихъ причудливыми восточными фантазіями,—благо Туркестанъ былъ за тридевять земель и провѣрять интересныя сказки было трудно.

Такъ и противъ Скобелева работали подручные и корреспонденты, подготавливая почву. Сами же скобелевскіе недруги лишь под-

ливали масла въ огонь, когда пламя ослабѣвало. Этихъ дирижеровъ было немного: двое въ Туркестанѣ и двое въ Петербургѣ; но они были сильны, если не духомъ, то положеніемъ. Душой интриги въ Туркестанѣ былъ Z., титулованный нѣмецъ съ большими родственными связями, съ еще большими претензіями на карьеру, но... съ ничтожными для нея данными. Это и былъ злѣйшій врагъ Скобелева, не прощавшій ему его успѣховъ, а между тѣмъ самъ, сдѣлавъ весь Кокандскій походъ,—ни разу нигдѣ ни въ чемъ себя не проявилъ. Попытка прославиться не удалась ему и послѣ занятія ханства. Но для характеристики князя Z. и его дѣла приводимъ письмо командующаго войсками округа къ начальнику своего штаба. «Когда Скобелевъ (пишетъ Кауфманъ Троицкому) вернулся съ горъ въ Кокандъ, онъ оставилъ въ горахъ съ небольшимъ отрядомъ полковника князя Z, который тотчасъ же воспользовался этимъ, чтобы *имѣть дѣло*; имѣлъ его—дѣло самое пустое, но въ донесеніи подъялъ его на высоту великаго подвига; себя выставилъ героемъ, а самое дѣло—для того, кто понимаетъ здѣшнія дѣла, очевидно, нелѣпо: три раза онъ разбиваетъ непріятеля на голову. Когда послѣ двухъ разбитій онъ хочетъ отойти на мѣсто, избранное имъ для бивуака, то непріятель не даетъ ему даже отдохнуть и отрѣзываетъ ему путь къ бивуаку; онъ третій разъ разбиваетъ его на голову... Самъ тяжело ушибленъ, лошадь—тоже; и все это выставлено въ донесеніи. Ранеными показаны: самъ Z., капитанъ Ц., есаулъ Б. и одинъ прапорщикъ. Оказывается, всѣ здоровы. Тяжело раненыхъ нижнихъ чиновъ 8; изъ нихъ въ лазаретъ поступилъ одинъ. Легко ранено 27 человекъ. Очевидно, очень легко—никто ихъ не видѣлъ. Джигитовъ ранено 18; изъ нихъ я нашелъ одного съ переломленной рукой... Вотъ они хваленые герои. А W. еще говорить, что Z. не чета Скобелеву!»

Этотъ-то герой, претендовавшій на постъ Скобелева, пользуясь пребываніемъ гостившаго въ Ферганѣ князя X., овладѣлъ его волей, настроилъ его противъ Скобелева, снабдилъ инструкціями и вручилъ ему письмо для передачи своему вліятельному петербургскому другу W. Имъ вторилъ третій воинственный, но въ мирной обстановкѣ, дѣятель Y. Дружескія бесѣды этого тріо достигли своей цѣли, и къ пріѣзду Скобелева въ Петербургъ клевета пустила корни.

Скобелевъ звалъ, что противъ него шипѣли недруги, но былъ далекъ отъ того, что его ожидало.

XXI.

5 марта 1877 года онъ представился государю. Неопровержимымъ документомъ этого тяжело-памятнаго для Скобелева событія служить подлинное письмо ген. Троицкаго къ Константину Петровичу Кауфману отъ 12 марта 1877 года.

«Пріѣхалъ сюда Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. Онъ пора-

женъ, да и я вмѣстѣ съ нимъ пріемомъ у государя. Не подавъ руки, его величество сказалъ Скобелеву: «Благодарю тебя за молодецкую боевую твою службу; къ сожалѣнію, не могу сказать того же объ остальномъ» (о чемъ именно—ни слова). Затѣмъ, волнуясь и возвысивъ голосъ, государь продолжалъ: «Я помню, я зналъ твоего дѣда и я краснѣю за его славное имя». Это мѣсто изъ словъ государя такъ сразило Михаила Дмитріевича, что онъ говоритъ, что и не помнить, такъ ли именно произнесена была его величествомъ фраза; но что въ его, Скобелева, ушахъ, особенно тягостно отозвалось слово «краснѣю». Была еще и такая фраза: «Я осыпалъ тебя моими милостями». Государь закончилъ свое обращеніе словами: «Я надѣюсь, что на новомъ назначеніи, которое я тебѣ дамъ, ты покажешь себя молодцомъ».

Съ этимъ Михаилъ Дмитріевичъ былъ отпущенъ изъ дворца. Теперь онъ какъ ошпаренный; допытываетъ Адлерберга и всѣхъ, кого можетъ, что все это значить и откуда дуетъ вѣтеръ; по выраженію Скобелева, онъ жаждетъ *свѣта*. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просить защиты вашего высокопревосходительства. По всѣмъ признакамъ, выяснившимся пока, все это крупная интрига, имѣющая началомъ личные доклады X. и письма Z. къ W., доведенныя и читанныя..... Обвинительные противъ Скобелева пункты: распущенность войскъ, панибратство съ офицерами, демократизація, умышленное непривлеченіе къ себѣ помощниковъ съ громкими именами и пр. и пр. Что такое? Ничего не понимаю. Пишу все это вашему высокопревосходительству *со словъ Михаила Дмитріевича*. По его объясненіямъ, военный министръ принялъ его очень сухо и, не объясняя ему и не указывая, въ чемъ собственно онъ, Скобелевъ, провинился, говорилъ о беспорядкахъ у насъ въ краѣ, объ открытых злоупотребленіяхъ. Вообще, тонъ всего, что говорилъ военный министръ, не понравился Скобелеву и произвелъ на него тяжелое впечатлѣніе. Еще разъ повторяю вашему высокопревосходительству, что все изложенное написано мною *со словъ Михаила Дмитріевича*, который пока, на первыхъ порахъ, находится въ какомъ-то чаду. Но все-таки нельзя не замѣтить, что что-то недоброе тутъ дѣлается и интрига работаетъ. Впрочемъ, все это не новость.

«Р. S. Сегодня Скобелевъ былъ дежурнымъ. Государь былъ съ нимъ уже милостивѣе. Военный министръ дополнилъ свои объясненія, что на государя произвели впечатлѣніе письма о Скобелевѣ изъ Коканда, что онъ фамиллярничаетъ съ офицерами, въ штабѣ его слишкомъ свободно критикуютъ правительство и что наконецъ Скобелевъ будто бы мечталъ устроить походъ на Кашгаръ»¹⁾).

Официальныя обвиненія были такъ слабы, нелѣпы и лживы, что легко могли быть опровергнуты и, очевидно, въ ходъ были пущены

¹⁾ Письмо автографъ. См. архивъ П. М. Кауфмана-Туркестанскаго.

другія клеветы, позорившія Скобелева въ глазахъ государя, краснѣвшаго за его дѣда. Но клеветники старались прикрыть ихъ неприличною тайной—понятно почему...

Можно себѣ представить, что переживалъ Михаилъ Дмитриевичъ, выслушивая суровый выговоръ монарха, ласковаго слова котораго жаждалъ каждый къ нему приближавшійся. Но не даромъ всё обожали Александра II. Даже въ этомъ немилостивомъ приѣмѣ сказались и великодушіе и справедливость государя: готовясь огорчить Скобелева суровымъ выговоромъ, онъ самъ волнуется и, смягчая наносимый ударъ, сначала оцѣниваетъ боевую службу Скобелева и благодаритъ за нее. Чувствуется доброта государя и въ разрѣшеніи Скобелеву явиться на дежурство, и въ смягченномъ уже 12-го марта обращеніи съ нимъ. Но изъ сердца Михаила Дмитриевича не скоро изгладились чувства огорченія и незаслуженной обиды. Какъ отзвукъ этого настроенія, приводимъ часть его письма отъ 1-го іюня 1877 года изъ Журжева къ другу, бывшему начальнику, Константину Петровичу Кауфману:

«Послѣ болѣе чѣмъ мѣсячнаго пребыванія въ арміи наконецъ берусь за перо, чтобы положить начало дорогому, дарованному мнѣ праву продолжать переписку съ вами, также какъ я имѣлъ счастье это дѣлать въ продолженіе почти двухъ лѣтъ.

«Отъ Виталія Николаевича (Троцкаго) вы узнаете, какъ много грусти и незаслуженныхъ испытаній мнѣ пришлось перенести вслѣдствіе клеветы; послѣдствія ея испытываю я во всемъ и въ особенности въ той нравственной пыткѣ, непривычной моему имени, которая со дня прибытія въ Петербургъ и до настоящаго дня выпадаетъ мнѣ на долю.

«Холоднымъ, по возможности безпристрастнымъ окомъ озираясь на время, пережитое въ Туркестанскомъ краѣ съ мая 15-го по февраль, я не чувствую себя виновнымъ ни передъ долгомъ службы, ни передъ вами, представителемъ для меня государя. Но вы, компетентный судья всего сдѣланнаго, единственный могущій произнести сознательный и справедливый приговоръ, далеко, и мнѣ остается теперь лишь съ возможнымъ достоинствомъ ждать торжества правды и справедливости.

«Я намѣренно, многоуважаемый Константинъ Петровичъ, не беспокоилъ васъ своими письмами въ минуту разгара постигшаго меня несчастія; вы и такъ слишкомъ много для меня сдѣлали. Да когда война объявлена, не время жаловаться, беспокоить собою. Мнѣ, однако, продолжаетъ казаться, что случившееся со мною въ извѣстной степени имѣетъ болѣе чѣмъ личное значеніе. Вашему высокопревосходительству извѣстно, что въ Туркестанскомъ краѣ, быть можетъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, необходимо полное довѣріе къ лицамъ, облеченнымъ властью, на различныхъ ступеняхъ служебной іерархіи. Если подобная, относительно фактовъ, совершенно без

почвенная интрига можетъ и въ будущемъ имѣть успѣхъ въ подобныхъ размѣрахъ, безъ вѣдома главнаго начальника края, то врядь ли авторитетъ власти отъ этого выиграетъ...

«Что до меня касается, то я слишкомъ награжденъ государемъ и вами обласканъ; сознавать все вами для меня сдѣланное, Константинъ Петровичъ, помнить это до послѣдней минуты жизни—послужить мнѣ лучшимъ утѣшеніемъ. Въ тяжелой необходимости болѣе не служить подъ вашимъ начальствомъ я силюсь найти и хорошую сторону: болѣе смѣло открывать передъ вами мое навсегда благодарное, любящее васъ сердце. Черезъ нѣсколько дней давно желанный бой; есть надежда быть изъ первыхъ при переправѣ. Молю Бога не ударить лицомъ въ грязь, поддержать въ дѣлѣ и ваше доброе обо мнѣ мнѣніе, и репутацію нашихъ доблестныхъ туркестанскихъ войскъ, въ рядахъ которыхъ я сердцемъ продолжаю себя считать.

«Наши туркестанцы: подпоручикъ Калитинъ и Рѣдкинъ, штабсъ-капитанъ Поповъ и Кашталинскій прикомандированы къ штабу болгарскихъ дружинъ, подъ начальствомъ генераль-майора Столѣтова. Нашего доморощенного алайскаго дорогостроителя, капитана Маслова, удалось пристроить старшимъ адъютантомъ передового, нынѣ Журжевскаго отряда, при которомъ и я временно исполняю должность начальника штаба».

Затѣмъ идутъ интересныя историческія новости той минуты.

Но жалкой интригѣ не было мѣста тамъ, гдѣ грянули пушки, закипѣли бои, гдѣ родинѣ понадобились герои, въ ряду которыхъ началъ выдвигаться Скобелевъ... Уже въ слѣдующемъ его письмѣ къ Константину Петровичу Кауфману, подъ впечатлѣніемъ измѣнившихся обстоятельствъ, чувствуется радостное настроеніе Скобелева, обласканнаго благороднѣйшимъ государемъ, никогда не боявшимся сознаться въ своихъ ошибкахъ.

«Позиція на Плевно-Ловченскомъ шоссе передъ Плевной. 13-го октября 1877 года».

«Ваше высокопревосходительство,

«Константинъ Петровичъ.

«Посылаю вамъ рапортъ мой генералу Зотову и князю Имеретинскому о дѣлахъ подъ Плевной отъ 26-го по 31-ое августа.

«Я знаю, какъ вы интересуетесь всѣмъ, касающимся нашей арміи. Въ данномъ случаѣ распорядился войсками въ столь многозначительную минуту вашу туркестанскій воспитанникъ, глубоко со-знающій, что обязанъ вамъ исключительно; въ обширномъ смыслѣ слова, 'своими настоящими относительными успѣхами. Вообще въ настоящую кампанію въ глазахъ общества значеніе Туркестана, какъ боевой школы, значительно поднялось; этому помогло и геройское поведеніе всѣхъ нашихъ офицеровъ, служившихъ въ болгар-

скомъ ополченіи, и чрезвычайное боевое самолюбіе нижнихъ чиновъ Туркестанскаго округа передъ непріятелемъ, всѣми начальниками частей созннанное, наконецъ отчасти и несостоятельность различныхъ оранжеровъ мирныхъ маневренныхъ увеселеній, на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи слишкомъ рельефно высказавшаяся.

«Я, слава Богу, въ интимныхъ своихъ отношеніяхъ по службѣ былъ такъ счастливъ, что смогъ сохранить всѣ наши туркестанскія привычки.

«Начальникъ штаба у меня Куропаткинъ. Ваше высокопревосходительство уже давно оцѣнили по достоинству этого героя-солдата и прекраснаго, полнаго благородства человѣка. Съ нимъ мнѣ жить легко, несмотря на рычаніе толпы завистниковъ, больше прежняго на меня злящихся.

«Ласка государя ко мнѣ, при всѣхъ случаяхъ, не знаетъ предѣловъ. Послѣдній разъ за обѣдомъ я, конечно, сѣлъ за столъ съ послѣдними,—это вѣдь не въ дѣлѣ. Государь послалъ тотчасъ же за мной Воейкова, и меня посадили противъ князя Суворова, который сидѣлъ по правую сторону государя. За обѣдомъ онъ почти исключительно говорилъ со мной и наконецъ, поднявъ бокаль, пилъ мое здоровье.

«Наслѣдникъ тоже очень смягчился. При мнѣ Хомичевскій. Масловъ произведенъ въ майоры,—начальникъ Габровскаго уѣзда и очень отличился на Шинкѣ. Радецкій заявилъ, что при менѣ *опытно* и *распорядительно* уѣздномъ начальникѣ онъ, пожалуй, не удержался бы. Черкасскій отзывался о Масловѣ съ восторгомъ.

«Будьте здоровы, Константинъ Петровичъ. *Мы готовимся*. Васъ любящій и навсегда вамъ благодарный Скобелевъ»¹⁾.

«*Мы готовимся*». Да, онъ готовился къ ряду подвиговъ, которые и составили славу Бѣлаго генерала...

По странной случайности, послѣднее военное дѣло въ жизни Михаила Дмитріевича опять связало его съ Туркестаномъ, но, что всего удивительнѣе, сама судьба здѣсь отомстила за него и, помимо его воли, дала ему торжество именно надъ тѣми врагами, которые еще не такъ давно рыли ему яму.

Съ окончаніемъ турецкой войны наше политическое положеніе въ Средней Азіи потребовало похода въ Ахаль-Текинскій оазисъ, и въ 1879 году, въ августъ, было рѣшено отправить военную экспедицію съ цѣлью тамъ утвердиться.

Для исполненія этого предпріятія было назначено такое количество войскъ, которое впервые въ Туркестанѣ исчислялось уже не ротами, а батальонами, именно было назначено: 17¹/₂ батальоновъ

¹⁾ Оба письма въ «Р. Архивѣ» 1910 г., № 4.

пѣхоты, 18 сотенъ, 2 эскадрона кавалеріи и 34 орудія, всего свыше 12 тысячъ человекъ и 4.230 лошадей. Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ г.-ад. Лазаревъ, но онъ скончался во время похода и былъ замѣненъ генераломъ М. Ломакинымъ. Вотъ къ этой-то экспедиціи не сумѣвшіе принять участіе въ турецкой войнѣ пристроились на отвѣтственные должности три главныхъ недруга Скобелева—Х, У и Z.

Не останавливаясь на подробностяхъ, хорошо извѣстныхъ по исторіи, отмѣтимъ только, что экспедиція потерпѣла полную неудачу: мы должны были отступить подъ напоромъ текинцевъ послѣ отбитія штурма кр. Денкель-Тепе, причемъ потеряли убитыми 185 (7 офицеровъ) и 268 (20 офицеровъ) ранеными...

Экспедиція была немедленно ликвидирована. Но отступление нашихъ войскъ отъ Ахаль-Текинскаго оазиса грозило поколебать обаяніе русскаго могущества въ Туркестанѣ, а потому 1-го марта 1880 года былъ окончательно рѣшенъ вопросъ новаго похода, начальникомъ котораго на сей разъ назначенъ командиръ 4-го армейскаго корпуса, генералъ Скобелевъ. Такимъ образомъ, Скобелеву пришлось поправлять дѣло, гдѣ видными участниками были его ферганскіе *приятели*, поспѣшившіе, конечно, ступешаться...

Испорченное дѣло потребовало новыхъ большихъ жертвъ, но, какъ извѣстно, кончилось блистательно.

Вѣрный своимъ туркестанскимъ традиціямъ, Михаилъ Дмитріевичъ тотчасъ по назначеніи своемъ написалъ Кауфману, прося его командировать отрядъ изъ любимыхъ имъ войскъ для участія въ экспедиціи. Ему было послано тысяча человекъ подъ начальствомъ полковника Куропаткина; начальникомъ штаба Скобелева былъ тоже туркестанецъ—генералъ Гродековъ.

Михаила Дмитріевича нельзя было заподозрѣть въ сантиментальности; но благодарность—черта благородныхъ натуръ—руководила имъ, вѣроятно, когда онъ взялъ къ себѣ ординарцемъ юнаго тогда сына Константина Петровича—Михаила Кауфмана.

Въ теченіе всей кампаніи Скобелевъ посылалъ постоянно извѣщенія о ходѣ дѣлъ Кауфману въ Ташкентъ. Только окончательной побѣдой ему не удалось обрадовать своего друга-начальника. Трагическое событіе 1-го марта 1881 года сразило вѣрнаго слугу императора Александра II: Кауфмана постигъ апоплектический ударъ, и, проболѣвъ годъ, онъ умеръ въ маѣ 1882 года. А въ іюль того же года скончался, полный силъ и блестящихъ надеждъ, и самъ Бѣлый генералъ, отнынѣ безсмертный народный герой..

Е. Толбуховъ.